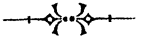
Я. МАГАЗИНЕРЪ.

САМОДЕРЖАВІЕ НАРОДА

(ОПЫТЪ СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦІИ СУВЕРЕНИТЕТА).



Изданіе Н. Глаголева.

—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Сѣверъ», С.-Пб., Садовая, 60.

Дорогой моей матери
посвящается эта работа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	VII
Часть первая: Теорія.	
Отдѣлъ I. Динамика идеи народовластія	1
Глава I. Эра принципа самодержавія народа	1
» II. Развитіе принципа самодержавія народа .	12
Отдѣлъ II. Статика суверенитета	24
Глава I. Критика ученій Менгера и Трейчке	24
» II. Расчлененіе понятія суверенитета	32
» III. Факторы роста суверенитета	36
» IV. Симптомы упадка юридическаго суверенитета.	42
» V. Сущность юридическаго суверенитета . . .	48
Отдѣлъ III. Экономическій и юридическій суверенитетъ . .	65
Глава I. Соотношеніе между экономическимъ и юридическимъ суверенитетомъ	65
» II. Отчуждаемость и дѣлимость суверенитета .	87
» III. Суверенитетъ и форма правленія	91
Часть вторая: Практика самодержавія народа. Буржуазная и соціальная демократія.	
Отдѣлъ IV. Буржуазная и соціальная демократія	101
Глава I. Различія между буржуазной и соціальной демократіями	101
» II. Буржуазная демократія	111
Общія замѣчанія	138

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая работа посвящена двумъ важнѣйшимъ вопросамъ «соціальнаго ученія о государствѣ»: 1) анализу и оцѣнкѣ принципа самодержавія народа или національнаго суверенитета; 2) конструированію самаго понятія суверенитета. Въ обоихъ отношеніяхъ настоящая работа является попыткой теоретически изслѣдовать и переоцѣнить основной принципъ современнаго буржуазнаго государства—самодержавіе народа—съ точки зрѣнія теоріи и практики борьбы рабочаго класса за соціализмъ.

Задача эта давно поставлена предъ марксизмомъ, но то, что сдѣлано въ этомъ направленіи, не всегда можетъ быть съ достаточной силой противопоставлено необозримому океану работъ тѣхъ буржуазныхъ государствовѣдовъ, которые изслѣдуютъ принципы національнаго суверенитета и суверенитета вообще съ точекъ зрѣнія формально-юридической или рѣзко-буржуазной. Между тѣмъ, разработка и углубленіе этихъ принциповъ съ точки зрѣнія не только соціалистической, но и опредѣленно-марксистской—диктуется самой настоятельной теоретической и практической необходимостью. Крайне важно, въ борьбѣ съ буржуазно-республиканскими предразсудками, раскрыть истинное содержаніе марксистскаго пониманія принципа національнаго суверенитета, связать его съ основными предпосылками марксизма и построить классовую теорію суверенитета, отвѣчающую на вопросъ: кому и при какихъ условіяхъ принадлежитъ въ государствѣ суверенитетъ. Попытка соціологической постановки и монистическаго рѣшенія этого вопроса составляетъ центральное содержаніе настоящей работы и служитъ той осью, вокругъ которой расположены всѣ ея части.

Анализъ государственно-правовыхъ ученій прошлаго раскрываетъ предъ нами замѣчательный фактъ: появленіе на аренѣ

исторической борьбы новаго общественнаго класса, его экономическій ростъ и борьба за власть сопровождаются самой рѣшительной и безвозвратной ломкой, самой радикальной переоцѣнкой и р е к о н с т р у к ц і е й всѣхъ государственно-правовыхъ теорій и институтовъ. Съ особенной силой сказалось это явленіе въ XVII и XVIII в. в., въ борьбѣ буржуазіи съ феодализмомъ и королевской властью. Настоящее время—время великой борьбы рабочаго класса съ буржуазіей за суверенитетъ, не можетъ не сопровождаться подобнымъ же явленіемъ: по всей линіи борьбы идетъ перестановка и перестройка всѣхъ, казалось, незыблемыхъ принциповъ и представленій, выработанныхъ буржуазной наукой, глухой шумъ борьбы проникаетъ во всѣ поры соціальной жизни и властно диктуетъ уму теоретика свои законы и велѣнія... Но для познанія этихъ законовъ, для проникновенія въ творческіе источники соціальнаго развитія, необходимо, чтобы могучія волны общественности прошли сквозь аналирическій холодъ построеній и желѣзную законченность формулъ науки, необходимо, чтобы отчетливые и прозрачные кристаллы, созданные этимъ процессомъ, съ яркостью и силой рисовали уму картину ихъ творца и источника—волнующагося соціальнаго моря: тогда, и только тогда, вырастетъ предъ нами «выкованное изъ металла чистой свободы» идейное оружіе пролетаріата въ борьбѣ съ современнымъ буржуазнымъ государствомъ—мощная и гармоническая система единаго и цѣлостнаго с о ц і а л и с т и ч е с к а г о государственнаго права...

ОТДѢЛЪ I.

Динамика идеи народовластія.

ГЛАВА I.

Эра принципа самодержавія народа.

Величайшая боевая идея всемірной исторіи, идея національнаго суверенитета или самодержавія народа, заключаетъ въ себѣ тотъ великій принципъ, въ силу котораго высшая фактическая и юридическая власть въ государствѣ принадлежитъ народу, и только ему одному. Иначе говоря: юридически-рѣшающимъ и опредѣляющимъ факторомъ государственной жизни націи является воля ея большинства.

«Принципъ всякаго суверенитета,—говорится въ Декларацiи правъ 1789 г.,—принадлежитъ націи; никакая коллегія, никакой индивидуумъ не можетъ пользоваться властью, не исходящей явно отъ нея». Но суверенитетъ принадлежитъ не только всему «народу, взятому, какъ цѣлое» (А. Эсменъ), но и всякому гражданину въ отдѣльности. «Поэтому», говоритъ Робеспьеръ, «каждый индивидуумъ имѣетъ право участвовать въ установленіи законовъ, которые налагаютъ на него обязанности, и въ управленіи общественными дѣлами, которыя суть его дѣла». Еще рѣшительнѣе говоритъ Руссо: «Ничто не можетъ лишить гражданина права голоса во всѣхъ актахъ суверенитета» [1]). Итакъ, носителемъ самодержавной, суверенной власти въ государствѣ является весь народъ, какъ единое, равноправное во всѣхъ своихъ частяхъ и полновластное цѣлое, и его воля, общая воля всего народа, является верховной инстанціей въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ государственной жизни. Поэтому,

[1]) «Общественный договоръ», кн. IV, стр. 157, рус. пер. Спб. 1906.—Курсивъ, во всей работѣ,—гдѣ не обозначено, что онъ принадлежитъ подлиннику,—мой.

закономъ можетъ быть только «торжественное и свободное выраженіе общей воли» (Декларація правъ 1793 г.).

Само собою разумѣется, какъ логическое слѣдствіе всѣхъ этихъ опредѣленій и принциповъ, что «носители исполнительной власти представляютъ собою не владыкъ народа, а его подчиненныхъ, онъ можетъ ихъ утвердить и смѣстить, когда это ему угодно». (Руссо).

Такъ формулировалась идея національнаго суверенитета въ революціонной Франціи XVIII вѣка, и, въ существѣ своемъ, принципъ народовластія донынѣ остается на знамени наиболѣе радикальныхъ слоевъ западно-европейской демократіи, даже когда она сознательно или невольно поддерживаетъ ограниченія этого принципа на практикѣ, въ угоду ли правящимъ классамъ или въ силу традиціонной буржуазности своей мысли [1]).

Гдѣ же и когда зародилась эта идея, какъ она развивалась и кто былъ ея духовнымъ отцомъ?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, недостаточно остановиться на Руссо, Монтескье или Вольтерѣ: приписывать открытіе этой идеи ихъ генію было бы такъ же неправильно, какъ сдѣлать то же по отношенію къ Бодену, Альтузіусу и Ѳомѣ Аквинату или, восходя еще дальше въ глубь вѣковъ, по отношенію къ римской, аѳинской или даже германской демократіямъ. Принципъ и практика самодержавія народа теряются въ доисторическихъ сумеркахъ родового быта, и съ развитіемъ формъ государства этотъ принципъ терпѣлъ самыя рѣзкія измѣненія: но если говорить о цѣлостномъ, полномъ и послѣдовательномъ изложеніи и разработкѣ этого принципа въ современномъ его значеніи,—то никогда онъ не былъ развитъ, обоснованъ и защищенъ съ такой замѣчательной энергіей мысли, стиля и непреклонности «воли къ власти», какъ въ ученіи Руссо о суверенитетѣ. Съ этой точки зрѣнія, 1762 г., [2]) моментъ появленія «Общественнаго договора» Руссо, можно назвать эрой принципа самодержавія народа: подобно тому, какъ христіанство имѣло рядъ замѣчательныхъ предшественниковъ, но христіанская эра связана лишь съ именемъ Христа; подобно тому, какъ научному соціализму предшествовали геніальные уто-

---

[1]) Яркимъ примѣромъ демократовъ подобнаго типа является популярный у насъ А. Эсменъ (Общ. основанія констит. права, Спб. 1898) Признавая «въ принципѣ» идею самодержавія народа, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, допускаетъ и оправдываетъ цѣлый рядъ ограниченій и искаженій этого принципа: двѣ палаты (стр. 47-66), устраненіе женщинъ отъ избирательныхъ правъ (стр. 161), цензъ осѣдлости, косвенную подачу голосовъ и возрастной цензъ (ibid.).

[2]) См. «Вѣстникъ Права», 1905, кн. III. А. Алексѣевъ. Полит. доктрина Ж. Ж. Руссо и т. д. Полемика съ М. Ковалевскимъ. «Общ. договоръ», по проф. Алексѣеву, наполовину былъ написанъ до 1754 г., но переработанъ и изданъ онъ былъ въ 1762 г. Стр. 112

писты: Овенъ, Сенъ-Симонъ и Фурье, но эра научнаго соціализма неразрывно связана съ именемъ Маркса, — такъ же точно, эрой принципа самодержавія народа является 1762 г., когда былъ опубликованъ «Общественный договоръ». Никогда еще этотъ принципъ не былъ развитъ съ такой силой діалектической мысли, никогда полнота и глубина этой идеи не была такъ широко и смѣло освѣщена и исчерпана, никогда—что особенно важно—эта идея не была доведена до самыхъ крайнихъ и рѣшительныхъ своихъ послѣдствій и выводовъ, какъ это сдѣлано у Руссо.

Что же создало это замѣчательное ученіе, какія общественныя условія сообщили ему такую силу, что въ существѣ своемъ оно пережило полтора столѣтія, что оно прошло сквозь диктатуру и казни Конвента, терроръ и убійства термидоровой реакціи, буржуазную цензовую республику 1795 г. и имперію Наполеона, аристократическую реставрацію Бурбоновъ и буржуазную монархію Луи Филиппа, самодержавіе Наполеона III и разстрѣлъ парижской коммуны,—а основное зерно его, идея самодержавія народа, и донынѣ является формальнымъ принципомъ, на которомъ юридически базируется государственный строй не только французской республики, но и почти всѣхъ конституціонныхъ странъ міра?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить самый общій очеркъ соотношенія революціонныхъ и контръ-революціонныхъ силъ въ эпоху французской революціи.

Революція 1789 г. изслѣдована и разработана въ столь разнообразныхъ направленіяхъ и со столь различныхъ точекъ зрѣнія, что трудно, кажется, найти такую работу изъ области соціально-политическихъ наукъ, которая бы не пользовалась матеріаломъ изъ этой революціонной эпопеи. И если я рѣшаюсь обратиться къ этому неистощимому источнику замѣчательнѣйшихъ фактовъ, мыслей, страстей и стремленій, то прежде всего потому, что здѣсь, въ этой міровой революціи, мы найдемъ ту историческую почву, которая вскормила идею самодержавія народа для воплощенія въ законодательствѣ не только Франціи, но и почти всей Европы, и здѣсь же предъ нами раскроются источники того пламеннаго энтузіазма, который защитилъ эту идею отъ покушеній самодержавія.—Но кромѣ того, революція 89 г., въ интересующемъ насъ отношеніи, какъ и въ другихъ, является классическимъ типомъ переворотовъ, когда съ одной стороны дерзкая рука революціонера срываетъ стыдливые покровы классовой беззастѣнчивости; съ другой—онъ самъ едва сознаетъ тѣ мощныя силы, которыя движутъ его смѣлой рукой, едва замѣчаетъ тѣ новыя сѣти угнетенія и рабства, которыя ткутся за его спиной, едва ощущаетъ то покрывало, которое застилаетъ его собственные глаза. Вотъ отчего революція 89 г. является и

будетъ являться неугасимымъ маякомъ, къ которому невольно обращается умъ при анализѣ условій и причинъ возникновенія классовыхъ идеологій.

Причины и результаты революціи 89 г. являются самой яркой иллюстраціей того діалектическаго процесса, которымъ является исторія и который управляется закономъ: «движущей силой всякаго развитія является борьба противорѣчій» (Каутскій). Но этотъ великій всеобъемлющій законъ долженъ быть здѣсь понятъ не только въ томъ смыслѣ, что противорѣчія классовыхъ интересовъ, будучи слѣдствіемъ развитія производительныхъ силъ Франціи, явились, въ свою очередь, движущей причиной революціонныхъ столкновеній между носителями этихъ противорѣчій, и сдѣлались затѣмъ движущей силой дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ, руководимыхъ буржуазіей,— чрезвычайно важной движущей силой революціи явились, какъ это установлено лучшими ея изслѣдователями, [1]) также групповыя противорѣчія внутри самихъ борющихся классовъ.

Извѣстно, что борьба буржуазіи съ феодальнымъ строемъ, принявшая внѣшнюю форму борьбы всего народа съ самодержавіемъ, была господствующимъ мотивомъ всей революціонной эпопеи. Но мы знаемъ, что съ одной стороны оба высшихъ сословія Франціи, дворянство и духовенство, были разорваны внутренними противорѣчіями составляющихъ эти сословія группъ, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли на сторону третьяго сословія; это послѣднее, такимъ образомъ, усилилось за счетъ силъ своихъ враговъ, притомъ весьма многочисленныхъ и вліятельныхъ: низшее духовенство, низшіе чины арміи — гвардія и унтеръ-офицеры, низшее и среднее дворянство и часть дворянской интеллигенціи.

Съ другой стороны, и внутри третьяго сословія были группы, по существу непримиримыя между собой въ рамкахъ господства буржуазіи: хотя пролетаріата, какъ самостоятельнаго класса, до 89 г. не было, однако же, побѣды революціи начинали формировать его изъ того матеріала, который собой представляли наемные рабочіе парижскихъ предмѣстій и санкюлоты (смѣсь мелкой буржуазіи и Lumpenproletariat'a). Такимъ образомъ, создана была движущая сила, толкавшая побѣдоносную буржуазію все дальше и дальше влѣво и, когда эта послѣдняя остановилась, мелко-буржуазные идеологи революціи вступили съ нею, буржуазіей, въ открытую борьбу, путемъ террора съ лозунгомъ Шабо: «Гарантія свободы— гильотина!» («La garantie de la liberté, c'est la guillotine». Chabot [2]).

---

[1]) J. Jaurès. Histoire Socialiste. Paris. T. t. I—IV. (Ж. Жоресъ. Исторія великой французской революціи. 4 тома. Изданіе Н. Глаголева. Спб., 1907)—Оларъ. Исторія французской революціи. М. 1902.—Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Спб. 1902.

[2]) Ad. Prins. La démocr. et le rég. parlement. Brux, 1887; p. 168.—Эпоха

Но эта борьба началась уже послѣ побѣды буржуазіи, когда монархія и феодалы были побѣждены и, повидимому, не угрожали суверенной націи, т-е. буржуазному господству. Въ моментъ же революціоннаго взрыва, энтузіазмъ, который вызвала буржуазія, сливалъ всѣ революціонные классы въ одну неудержимую волну, и необходимо отмѣтить не только то, что противорѣчія внутри классовъ обостряли революціонную борьбу (Каутскій), но и то, что, какъ ни разъединены были ряды самихъ борющихся классовъ, это разъединеніе было во вредъ лишь монархіи и феодальному дворянству, которое поставляло союзниковъ для буржуазіи; что касается энергіи натиска буржуазіи на старый режимъ, то его стремительная напряженность не только не пострадала отъ этихъ внутреннихъ антагонизмовъ, но, напротивъ, эти антагонизмы въ ея рядахъ толкали ее все дальше впередъ, а классовыя противорѣчія въ рядахъ своихъ враговъ она сумѣла использовать въ интересахъ своего торжества.

Какими же средствами пользовалась буржуазія въ своей борьбѣ противъ феодальнаго строя? Какъ удалось ей вооружить противъ него все общество? Какія силы, какая общая всѣмъ идея могла объединить эту разнородную массу сталкивающихся интересовъ, какой принципъ могъ поднять всѣ слои третьяго сословія связать ихъ воедино и завоевать имъ союзниковъ изъ привилегированныхъ классовъ?

На этотъ вопросъ исторія даетъ только одинъ отвѣтъ: могучимъ рычагомъ объединенія и солидарности французскаго народа въ 1789 году и идейнымъ моторомъ почти всѣхъ революціонныхъ движеній буржуазіи въ XIX в. является принципъ самодержавія народа.

Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что борьба французской буржуазіи съ самодержавіемъ вызвала среди буржуазныхъ идеологовъ Франціи такой неудержимый революціонный подъемъ, на какой только способенъ возвышающійся революціонный классъ, погруженный въ политическое рабство и борющійся за политическое господство. Но революціонный пылъ новаго класса, создающаго новое евангеліе, можетъ привести его къ господству лишь тогда, когда огонь революціоннаго энтузіазма сообщится всему обществу, когда прогрессивный классъ сумѣетъ сосредоточить на себѣ всѣ надежды и идеалы другихъ порабощенныхъ слоевъ общества, когда онъ сумѣетъ своей революціонной ролью и смѣлыми обѣщаніями увлечь ихъ за собой, когда онъ уничтожитъ различія и

террора началась возстаніемъ парижскаго народа 2 іюня 1793 г., низвергнувшимъ Жиронду, и побѣдой якобинцевъ въ Конвентѣ, казнившихъ 31 окт. 1793 г. жирондистовъ; окончилась она казнью Робеспьера (10 термидора 1794 г.).—Съ этого момента начинается термидорова реакція. Оларъ, стр. 531-563, 596-602.

антагонизмы въ своихъ революціонныхъ рядахъ и сосредоточитъ всю энергію ненависти и борьбы на источникѣ и органахъ своего политическаго порабощенія [1]).

«Ни одинъ классъ буржуазнаго общества», говоритъ Марксъ, не можетъ сыграть этой роли, не вызвавъ на мгновеніе энтузіазма въ своей средѣ и въ массахъ; въ этотъ моментъ онъ братается и сливается съ обществомъ вообще; въ этотъ моментъ этотъ классъ смѣшиваютъ со всѣмъ обществомъ, его сознаютъ и признаютъ представителемъ всего общества: въ этотъ моментъ права и требованія этого класса представляютъ дѣйствительно права и требованія самого общества; онъ дѣйствительно является головой общества и его сердцемъ. Только во имя правъ всего общества отдѣльный классъ можетъ предъявлять права на всеобщее господство» [2]).

Какую же иную идею могла выставить французская буржуазія, кромѣ идеи самодержавія народа, какая идея, казалось, могла лучше и рѣшительнѣе обезпечить одинаковую власть и силу за каждымъ гражданиномъ, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, въ какомъ политическомъ принципѣ краснорѣчивѣе и торжественнѣе можно было выразить «права всего общества», какія можно было выдумать лучшія г а р а н т і и этихъ правъ, если не въ принципѣ самодержавія народа, въ принципѣ, который «нераздѣльно, неотчуждаемо и неотъемлемо» отдаетъ въ руки всего народа,—безъ всякаго вниманія къ классовымъ различіямъ внутри его,—всю государственную жизнь націи; который поднимаетъ вчерашняго раба самодержавнаго строя до великаго призванія законодателя-творца, который провозглашаетъ униженнаго плебея равноправной частью великой націи, а націю объявляетъ частью «суверена земли—человѣчества» (Робеспьеръ).

«Отнынѣ,—гласитъ конституція 1791 г.,—нѣтъ больше ни

[1]) «Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были, суть рабы, возмутившіеся противъ верховнаго повелителя земли, т. е. человѣческаго рода, и противъ законодателя вселенной, т. е. природы (Робеспьеръ). Ср. Оларъ. Ист. фр. рев., стр. 353 и Ad. Prins. La démocratie et le régime parlementaire. Brux., 1887. p. 167 (переводъ этого мѣста у Олара неточенъ).— Кромѣ к л а с с о в о й розни, съ которой боролась буржуазія во время революціи, существовали еще а н т а г о н и з м ы м е ж д у П а р и ж е м ъ и д е п а р т а м е н т а м и: въ немъ Оларъ даже видитъ главный пунктъ борьбы и различія между Горой и Жирондой (стр. 506). Изумительна та сила чувства и выраженій, съ которой буржуазная демократія защищала Парижъ и стремилась создать единую Францію. «Не будемъ обвинять Парижъ, говорилъ Сенъ-Жюстъ 24 мая 1793 г.,... кровь его мучениковъ смѣшана съ кровью другихъ французовъ; его дѣти вмѣстѣ съ другими зарыты въ одной и той же могилѣ. Захочетъ ли каждый департаментъ взять обратно свои трупы и отдѣлиться отъ Парижа?» (Оларъ, стр. 356-7).

[2]) Aus dem literarischen Nachlass von Marx, Engels und Lassalle. B. I. 1905, стр. 395. K. M a r x. Zur Kritik der Hegelschen Philosophie des Rechtes. Цит. рус. пер.

знати, ни пэрства, ни отличій, передающихся по наслѣдству, ни сословнаго раздѣленія, ни феодальнаго режима, ни права вотчиннаго суда, нѣтъ никакихъ титуловъ, званій и связанныхъ съ ними привилегій, нѣтъ рыцарскихъ орденовъ и другихъ корпорацій и орденовъ, пріобщеніе къ коимъ требуетъ знатности происхожденія или которые предполагаютъ, что люди не равны между собой отъ рожденія». «Люди рождаются и остаются свободными и равными».

Идея самодержавія народа была именно тѣмъ лозунгомъ, который съ одной стороны неудержимо революціонизировалъ умы, съ другой—сковывалъ ихъ грозными и непобѣдимыми цѣпями единства и однородности, рѣшимости и силы, безграничнаго самоотреченія и братской солидарности. Грандіозная историческая сила этого принципа заключается въ концентраціи революціонной энергіи,—не разсѣиваемой, а лишь разжигаемой внутренней борьбой,—противъ ненавистнаго класса и учрежденія, которое его защищаетъ,—и здѣсь, въ этой силѣ концентрированнаго натиска и дифференцированнаго единства всѣхъ борющихся революціонныхъ элементовъ, заключается тайна всѣхъ крупныхъ революціонныхъ переворотовъ и, въ особенности, революціи 89 г.

Мы видѣли, что третье сословіе въ 89 г. было фактически разъединено, что уже съ самаго начала революціи это разъединеніе существовало, и только дальнѣйшее развитіе революціи создало внутреннюю борьбу. Несомнѣнно, что буржуазія сознавала эту разъединенность: [1]) передъ нею была задача объединить всю

[1]) Въ «Hist. Socialiste» («Исторіи великой франц. революціи» Жореса) мы находимъ яркое доказательство того, что буржуазія сознавала разъединенность третьяго сословія и всѣми силами стремилась ее уничтожить. Я имѣю въ виду надѣлавшее въ свое время много шума письмо Петіона, мэра Парижа, къ жирондисту Бюзо (Buzot)—6 февр. 1792. Жоресъ называетъ это письмо «офиціальнымъ и яснымъ свидѣтельствомъ первыхъ признаковъ классовой борьбы внутри самой революціонной партіи,» и въ этомъ письмѣ мы встрѣчаемъ самый рѣшительный призывъ къ объединенію между буржуазіей съ пролетаріатомъ, самое старательное затушевываніе классовыхъ различій и самую откровенную боязнь разрыва съ такимъ союзникомъ, какъ пролетаріатъ «La bourgeoisie et le peuple réunis ont fait la Révolution; leur réunion seul peut la conserver» («Буржуазія вмѣстѣ съ народомъ совершила революцію; только союзъ ихъ можетъ ее охранить»). Говоря о множествѣ партій, на которыя распался французскій народъ, Петіонъ рѣшительно заявляетъ. «Существуютъ только двѣ партіи... одна хочетъ конституціи, это та, которая ее создала; другая—ея не хочетъ, это та, которая ей противодѣйствовала (s'y est opposé); не должно быть партійнаго раздробленія силъ: «Пора третьему сословію открыть глаза, объединиться, или оно будетъ раздавлено (ou bien il sera écrasé)... У насъ долженъ быть единый лозунгъ: Союзъ буржуазіи съ народомъ, или, если угодно Объединеніе третьяго сословія противъ привилегій» («Nous ne devons avoir qu'un cri: Alliance de la bourgeoisie et du peuple; ou si on l'aime mieux Union du tiers état contre les privilèges»).—Цит. по франц. изд. J. Jaurès. La Législative. Livr. 131. T. II, p. p. 1043-1045.

эту разнородную массу интересовъ въ одинъ могучій, всеразрѣшающій, какъ тогда казалось, кличъ. И этотъ кличъ былъ найденъ, онъ самъ собою стихійно нарасталъ, его создала вся исторія дореволюціонной классовой борьбы во Франціи, и она же создала творенія Руссо, она заставила все третье сословіе и его союзниковъ объединиться въ одну могучую глыбу, катившуюся на старый режимъ, она вырвала изъ груди французовъ единый кличъ. да здравствуетъ самодержавіе народа!

Само собою ясно, что не этотъ кличъ, какъ-бы высоко ни возносилъ онъ вчерашняго раба деспотическаго правительства на степень суверенаго законодателя, не онъ, самъ по себѣ, создалъ этотъ единый союзъ внутри третьяго сословія: низшіе обездоленные классы французскаго народа и революціонная часть господствующихъ примкнули къ буржуазіи и слились съ нею или во имя своихъ классовыхъ интересовъ, поскольку побѣда революціи означала отмѣну тяжелыхъ налоговъ, непомѣрныхъ повинностей въ пользу феодаловъ и духовенства, поскольку сверженіе самодержавія означало уничтоженіе произвола и хищничества королевской бюрократіи [1]), или поскольку очевидно было, что старый режимъ разрушается и падетъ, если не отъ напора революціонныхъ народныхъ массъ, то отъ собственной дряблости и ничтожества. Но здѣсь идетъ рѣчь о той положительной идеѣ-цѣли, «идеѣ-силѣ» («idée-force» A. Foullié), которая могла бы объединить все третье сословіе въ одну непобѣдимую силу. Такой идеей могла быть только идея самодержавія народа.

Таковы объективныя причины опьяняющаго воздѣйствія идеи національнаго суверенитета на французскій народъ въ 89 г.. таковы тѣ реальныя общественныя силы, которыя дали этой идеѣ такую силу и распространеніе во всѣхъ слояхъ націи, таковы тѣ источники, изъ которыхъ буржуазія черпала свой революціонный энтузіазмъ и заражала имъ весь народъ. Извѣстно, что идея эта задолго до Руссо, Мабли и Локка, до нѣкоторой степени осуществлялась въ античномъ мірѣ, а въ средніе вѣка была развита и защищена столпомъ католицизма Ѳомой Аквинатомъ и многими другими теологами; [2]) что реформація XVI в. на континентѣ и революція 1640-1660 г. въ Англіи съ новой силой выдвинули этотъ принципъ,—и мы въ дальнѣйшемъ займемся этимъ подробнѣе. Но до настоящей минуты насъ, главнымъ образомъ, занимало выясненіе тѣхъ экономическихъ и политическихъ при-

---

[1]) См. Archives parlementaires. T. t. I—VI. Paris, 1867-70. Въ множествѣ наказовъ—неисчислимыя жалобы на выше указанныя и многія другія угнетающія явленія полуфеодальнаго строя. См., напр.. t. VI, p. 145—6.

[2]) Марсилій Падуанскій, Николай Кузанскій, Герсонъ. А. Эсменъ, стр. 162. Н. Паліенко. Суверенитетъ. Яр. 1903, стр. 40-60.

чинъ, которыя возродили эту идею во Франціи XVIII в., дали ей небывалое до той поры могущество, страсть и полноту выраженія, обезпечили ей распространеніе и успѣхъ среди массы французскаго народа и сдѣлали ее движущей силой революціи.

Мы видѣли, что источникомъ и причиной возрожденія и успѣха идеи самодержавія народа явились интересы буржуазіи, которая представляла собою интересы развитія производительныхъ силъ Франціи; что классовые интересы буржуазіи требовали, съ одной стороны, противоположенія самодержавію короля самодержавія народа, ибо королевская власть стояла на пути стремленій буржуазіи къ господству; съ другой стороны, идея самодержавія народа, признающая, что только народъ, единый, властный и свободный, не разъединенный неравенствомъ, является державнымъ творцомъ государственной жизни націи — эта идея являлась могучей спайкой всѣхъ слоевъ революціоннаго народа. Эта идея, дававшая, повидимому, рѣшающій голосъ лишь политическому большинству націи, исключала всякое неравенство, всякія привилегіи, всякое угнетеніе и рабство: «Люди рождаются и остаются свободными и равными» (1-ая ст. Конституціи 1791 г.). Эта идея противопоставляла королевской власти самодержавіе народа и объединяла народъ въ единую, однородную боевую массу— вотъ объективное историческое значеніе этой идеи, вотъ та роль, которую она сыграла на службѣ у буржуазіи.

Революціи XIX вѣка брали этотъ лозунгъ, и повсюду онъ игралъ ту же роль, что въ 89 г.—съ очень существеннымъ ограниченіемъ: поскольку революціонная сознательность пролетаріата не заставляла его осторожнѣе относиться къ своей союзницѣ— буржуазіи и не принуждала его, не довѣряя ея обѣщаніямъ, непосредственно, сейчасъ же, въ революціонный періодъ, добиваться для себя дѣйствительнаго равенства въ отправленіи національнаго суверенитета. Повсюду лозунгъ самодержавія народа объединялъ мнимо-единый «народъ» противъ самодержавія, и повсюду это было въ интересахъ буржуазіи, которая, достигнувъ полнаго господства, оттѣсняла пролетаріатъ отъ государственной власти, толковала принципъ самодержавія народа въ своемъ, узко-классовомъ смыслѣ и создала для этого особый юридическій терминъ—«pays légal», обозначавшій, что лишь часть народа, собственники, являются «законными» носителями идеи національнаго суверенитета, лишь они являются представителями націи, лишь они воплощаютъ въ себѣ интересы всего общества, а неимущіе не имѣютъ достаточнаго интереса въ благѣ общества: поэтому партіи, ихъ представляющія, заражены духомъ классового эгоизма, между тѣмъ, какъ она, буржуазія, отстаиваетъ интересы всего общества и даже человѣчества.

Если пролетаріатъ умѣлъ вырвать у буржуазіи право на

свою долю въ національномъ суверенитетѣ, то не потому и не тогда, когда ему удавалось убѣдить буржуазію въ тождествѣ его классовыхъ интересовъ съ интересами общественнаго развитія,— этого никогда не бывало,—а лишь потому и тогда, когда, во время борьбы буржуазіи съ монархіей, онъ умѣлъ или былъ въ силахъ отстоять свои политическія права. Тогда эластическій и многовмѣщающій принципъ самодержавія народа получалъ то толкованіе, какое давалъ ему революціонный и вооруженный пролетаріатъ, тогда предъ глазами рабочаго класса раскрывался истинный смыслъ этого принципа, и онъ ясно видѣлъ, подъ сверкающей оболочкой мнимо-всеобщаго равенства, хищныя лапы грубаго, непосредственнаго и насильническаго классоваго господства. Тогда онъ убѣждался, что лишь полное, безграничное и цѣлостное осуществленіе принципа самодержавія народа можетъ охранить и защитить его отъ политическаго рабства, а неуклонное проведеніе въ жизнь этого принципа въ настоящемъ вооружитъ его для окончательнаго революціоннаго захвата власти надъ современнымъ государствомъ, классовыя рамки котораго онъ разобьетъ для того, чтобы уничтожить въ корнѣ источникъ всякаго господства и порабощенія, неравенства и эксплоатаціи.

Предшествующее изложеніе позволяетъ намъ установить слѣдующіе опредѣленія и принципы.

1. Идея самодержавія народа или національнаго суверенитета, идея неограниченной политической власти, сосредоточенной въ рукахъ державной націи, содержитъ въ себѣ два коренныхъ принципа: одинъ, отрицательный, заключается въ рѣшительномъ и торжественномъ отрицаніи самодержавія монарха, ибо, какъ гласитъ ст. 3 «Декларацiи правъ», «никакая коллегія, никакой индивидуумъ не можетъ пользоваться властью, не исходящей явно отъ націи» [1]); другой, положительный принципъ утверждаетъ, что «суверенитетъ принадлежитъ народу; онъ единъ, недѣлимъ, неотчуждаемъ и неотъемлемъ». («Декларація правъ», 1793 г.). Оба эти принципа, самодержавіе монарха и самодержавіе народа, въ цѣлостномъ видѣ логически и исторически несовмѣстимы, ибо суверенитетъ единъ и недѣлимъ.

2. Несмотря на видимо внѣклассовый характеръ выраженія обоихъ принциповъ, т. е. отрицанія самодержавія монарха и утвержденія самодержавія народа, оба эти принципа уже тогда, когда они были лишь орудіемъ и лозунгомъ борьбы, но не были еще санкціонированы законодательной властью,—уже

[1]) «Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la nation. Nul corps, nul individu ne peut exercer d'autorité, qui n'en émane pas expressement.—La loi c'est l'expression de la volonté générale». Жюресъ. La Constituante, т. I, стр. 305—6.

тогда они служили интересамъ буржуазіи, поскольку объединяли всѣ революціонные элементы, направленные буржуазіей противъ самодержавія, а будучи проведены въ жизнь, оба эти принципа получили цѣлый рядъ ограничительныхъ толкованій, которыя сдѣлали идею самодержавія народа изъ принципа господства всей націи орудіемъ господства буржуазіи: по основной мысли «Декларацiи правъ» 1793 г., самодержавіе уничтожается, какъ помѣха и посягательство на власть и права народа, но фактически оно было устранено лишь какъ препятствіе для непосредственнаго господства буржуазіи, и, какъ извѣстно, это господство утвердила буржуазная конституція III года (1795 г.). Что касается монархіи, то буржуазія позднѣе не только примирялась съ ней, но отстаивала и защищала ее отъ революціонныхъ покушеній пролетаріата. Такова, напр., іюльская монархія, созданная буржуазіей и ея вдохновителями, Тьеромъ и Лафайетомъ: «Республика», писалъ Тьеръ въ своей прокламаціи во время іюльской революціи (1830 г.), «приведетъ насъ къ страшнымъ раздорамъ, она разссоритъ насъ съ Европой. Герцогъ Орлеанскій — принцъ, преданный дѣлу революціи...» Отдайте ему корону [1]). Такъ же терпимо относилась буржуазія къ бонапартизму [2]).

Такимъ образомъ, идея самодержавія народа до сихъ поръ являлась орудіемъ защиты классовыхъ интересовъ буржуазіи, стихійно была ими создана и имъ служила. Съ одной стороны, провозглашая всеобщее политическое равенство и свободу, идея самодержавія народа сливала все третье сословіе въ одну компактную, одушевленную единой цѣлью массу; съ другой, благодаря притиворѣчіямъ групповыхъ интересовъ среди дворянства и духовенства, она откалывала отъ этихъ сословій всѣ тѣ группы, которыя прямо страдали отъ самодержавной королевской власти или съ ясностью видѣли, что эта власть неотвратимо идетъ къ гибели и что лучше заключить союзъ съ будущимъ сувереномъ, чѣмъ погибнуть въ обломкахъ падающаго зданія абсолютизма, лучше стараться исказить и ограничить эластическій принципъ самодержавія народа, чѣмъ предоставить революціонизирующему ходу вещей осуществить его въ полную мѣру его логическаго содержанія, лучше взять революцію въ руки, чѣмъ очутиться распростертымъ на гребняхъ ея волнъ.

---

[1]) Сеньобосъ. Полит. ист. совр. Европы. Спб. 1899, стр. 88.

[2]) «Буржуазія (легче пролетаріата) примирилась съ имперіей: имперія явилась защитницей собственности противъ коммунизма, она способствовала промышленному расцвѣту. Этому очарованію буржуазія никогда не въ силахъ была противустоять. Десятилѣтія послѣ февральской революціи были золотымъ вѣкомъ индустріи въ Англіи, какъ и во Франціи. Онъ былъ созданъ не имперіей, но послѣдняя извлекла выгоду изъ него: буржуазія была ей очень признательна». Каутскій. Республ. и соц.-демокр. во Франціи. Спб. 1905 г., стр 33.

Но такова ли эта идея, что она можетъ служить лишь орудіемъ господства буржуазіи,—или ея эластическая, многообъемлющая форма можетъ дать мѣсто совершенно иному, даже противоположному содержанію, и съ такимъ же, если не съ бо́льшимъ успѣхомъ служить орудіемъ въ рукахъ другого класса или другихъ классовъ? Существовала ли когда либо такая государственная организація, въ которой весь народъ, во всей совокупности взрослыхъ своихъ членовъ, являлся высшей инстанціей въ руководствѣ своей государственной жизнью; является ли одна какая-нибудь опредѣленная общественная группа или классъ представителями національнаго суверенитета всегда и повсюду, или этотъ принципъ можетъ служить лозунгомъ и прикрытіемъ для самодержавныхъ чаяній и покушеній совершенно различныхъ общественныхъ силъ?

ГЛАВА II.

Развитіе принципа самодержавія народа.

Исторія происхожденія и развитія государства показываетъ намъ, что съ первыхъ шаговъ своего существованія оно являлось организаціей и защитой классоваго господства и такимъ оно остается до сихъ поръ. «Такъ какъ», говоритъ Энгельсъ, «государство возникло изъ потребности сдерживать классовыя противорѣчія и такъ какъ, въ то же время, оно возникло внутри этихъ классовыхъ противорѣчій, то обычно оно становится государствомъ сильнѣйшаго, экономически господствующаго класса, который, при его помощи, дѣлается и политически-господствующимъ классомъ и такимъ путемъ пріобрѣтаетъ новыя средства для подчиненія и эксплуатаціи угнетеннаго класса.—Такъ античное государство было, прежде всего, государствомъ рабовладѣльцевъ для подчиненія рабовъ, феодальное государство—организаціей дворянства для подчиненія крѣпостныхъ крестьянъ, а современное представительное государство является орудіемъ эксплуатаціи наемныхъ рабочихъ капиталомъ».

Чтобы найти воплощенный въ чистотѣ принципъ непосредственнаго народовластія, надо обратиться къ такимъ первобытно-коммунистическимъ общинамъ, какъ сѣверо-американскія индѣйскія племена, до открытія Америки,—ибо уже варвары-германцы исключаютъ изъ народныхъ собраній женщинъ, а античныя республики, Греція и Римъ, помимо существованія у нихъ рабства

(а, слѣдовательно, исключенія изъ участія въ законодательствѣ и управленіи подавляющей массы населенія),—помимо этого, сперва земельный, а потомъ имущественный цензъ вообще, отдавали государственную власть въ руки господствующихъ классовъ: землевладѣльцевъ и, позднѣе, торговаго и промышленнаго капитала. Между тѣмъ, основное ядро античныхъ республикъ, крестьянство, неизбѣжно и необходимо разорялось и деградировало, превращаясь въ пролетаріевъ античнаго типа и поддерживая политическое господство землевладѣльческаго, торговаго и промышленнаго капиталовъ, владычество которыхъ, въ свою очередь, продолжало разорять и деклассировать крестьянство [1]).

Такимъ образомъ, хотя античные республиканцы гордо писали: «Законъ есть то, что народъ постановляетъ и повелѣваетъ», [2]) съ другой стороны—«законъ царитъ надъ всѣмъ божескимъ и человѣческимъ», [3]) хотя величайшіе греки считали продукты дѣятельности своей демократіи, законы, откровеніемъ и даромъ боговъ (Сократъ, Платонъ, Аристотель, Демосѳенъ [4]) и переносили это свойство на законы вообще,—тѣмъ не менѣе ни въ сознаніи античныхъ республиканцевъ, ни въ практикѣ ихъ государственной жизни основной принципъ народовластія проведенъ не былъ. рабство и подавляющее господство землевладѣльцевъ или нобилитета фактически превращали демократію въ олигархію или заставляли первую постепенно деградировать ко второй, пока, наконецъ, потребности военно-централистской организаціи огромнаго римскаго государства и паденіе мелкаго крестьянства, составлявшаго одинъ изъ опорныхъ пунктовъ республиканскаго Рима, не привели республику сперва къ диктатурѣ Цезаря и принципату Августа, а потомъ и къ имперіи, съ ея военно-бюрократической и абсолютистской организаціей. Отъ былого народовластія остался одинъ лишь призракъ народнаго собранія, разложеніе котораго началось уже въ республиканскій періодъ и которое черезъ три вѣка послѣ Р. Х. окончательно исчезаетъ. «Уже въ концѣ республики народныя собранія вырождаются и перестаютъ играть роль серьезнаго органа въ государственномъ управленіи. Въ эпоху принципата процессъ упадка комицій быстро прогрессируетъ и завершается полнымъ исчезно-

---

[1]) В. Хвостовъ. Ист. рим. права. М. 1905, стр. 152-156. — «Въ древнемъ Римѣ,—говоритъ Марксъ,—классовая борьба разыгрывалась внутри привилегированнаго меньшинства: между свободными богачами и свободными бѣдняками; огромная масса производителей-рабовъ служила только пьедесталомъ для этой борьбы». К. Марксъ. 18-е Брюмера Луи Бонапарта. М. 1906, стр. 7.

[2]) «Lex est quod populus jubet atque constituit», Gaius, Inst. 1, 3, 4.

[3]) «Lex estomnium divinarum atque humanarum rerum regina», Marcian.

[4]) Н. Паліенко. Суверенитетъ. Яр, 1903, стр. 10.

веніемъ этого учрежденія къ концу III или къ началу IV в. по Р. Х. [1])

Императорская власть, утвердившая принципъ: «Государь свободенъ отъ власти законовъ» [2]), уничтожила античное народовластіе, а нашествіе варваровъ, окончательно разрушившихъ разлагавшееся античное общество, утвердило феодализмъ, и античная идея національнаго суверенитета воскресаетъ лишь во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, въ періодъ борьбы свѣтской и церковной властей.

Вся вторая половина среднихъ вѣковъ наполнена борьбой четырехъ самыхъ могущественныхъ, господствующихъ силъ средневѣковаго общества: папства, императорской, королевской и баронской властей. Первыя три силы находились между собой въ такихъ отношеніяхъ, что каждая изъ нихъ была враждебна другъ остальнымъ; папы боролись съ императорами и королями, императоры—съ папами и королями, короли—съ императорами, папами и, кромѣ того, еще съ феодальными баронами. Замѣчательно, что каждая изъ этихъ общественныхъ силъ брала, для обоснованія своихъ претензій на власть, одинъ и тотъ же принципъ—идею національнаго суверенитета.

Борьба между императорами и папами, по существу своему, имѣла такое же значеніе, какъ возникшая вслѣдъ за нею и потомъ шедшая параллельно съ нею борьба королей съ папами. Поэтому, въ центрѣ всѣхъ этихъ столкновеній мы видимъ молодую королевскую власть, совершающую огромную задачу экономическаго и политическаго объединенія разсѣяннаго и изолированнаго феодальнаго хозяйства, и постольку борьба между свѣтской и духовной властями была классовой борьбой между нарождающейся централизованной монархіей, опиравшейся на городскую буржуазію, съ одной стороны, и дряхлѣющимъ папствомъ, становившимся экономически-безполезнымъ и вреднымъ, съ другой. Помимо того, что папство внѣ Италіи поддерживало феодализмъ, стоявшій на пути развитія возникавшаго денежнаго хозяйства,—папство, забывъ свою былую роль организатора и централизатора средневѣковаго хозяйства,—всецѣло отдалось

---

[1]) В. Хвостовъ. Ист. римск. права. стр. 168.

[2]) Кодексъ Юстиніана заключаетъ въ себѣ слѣдующее, нѣсколько нескромное опредѣленіе границъ императорской власти «Отъ всего, что нами было сказано, императоръ свободенъ («imperator eximatur»), ибо ему Богъ подчинилъ самые законы, а его послалъ людямъ, какъ живое воплощеніе закона» («tamquam vivam legem hominibus jussit»)!—Боголѣповъ. Исторія римск. права.—«Возвышеніе императора до степени земного божества заглушаетъ (erstickt) всякое воспоминаніе объ идеѣ національнаго суверенитета и вмѣстѣ съ тѣмъ всякую мысль объ организаціи власти, покоющейся на волѣ гражданъ». Max Seydel. Allgemeine Staatslehre. стр. 213, § 54.

лишь хищнической эксплуатаціи вѣрующихъ въ пользу тираннической клики римской знати, извлекавшей рядъ матеріальныхъ выгодъ изъ господства католической церкви.

Тогда былъ снова выдвинутъ и поставленъ вопросъ о суверенитетѣ: кому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ,—церкви или свѣтскому государю. Фактически, до этого столкновенія, она принадлежала феодаламъ, т. е. прежде всего церкви, такъ какъ въ средніе вѣка треть земель всего христіанскаго міра принадлежала ей (оттого-то и государственная и частная жизнь носила на себѣ печать не только феодализма, но и всепроникающей религіозности).

Теперь, слѣдовательно, шла борьба за суверенитетъ между двумя силами: на одной сторонѣ стояли вселенская церковь и феодализмъ, въ лицѣ папы; на другой—нарождающееся національное государство и возникающій буржуазный способъ производства, въ лицѣ короля, его покровителя и верховнаго организатора.—Здѣсь, въ этой борьбѣ, лежатъ реальныя движущія силы, создавшія громадную литературу, посвященную вопросу о суверенитетѣ: здѣсь, какъ и всюду, изъ динамики общественнаго развитія раскрывается динамика общественныхъ идей.

Разсмотримъ теперь подробнѣе каждую изъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя принимали участіе въ этой борьбѣ, выяснимъ ихъ отношеніе другъ къ другу и тѣ теоріи суверенитета, которыя ими выдвигались.

Императоръ и феодалы являлись представителями двухъ совершенно противоположныхъ принциповъ средневѣковья, противъ которыхъ боролись короли: экономической изолированности помѣстнаго хозяйства и универсальнаго могущества императорской власти. По существу своему, средневѣковая императорская власть являлась свѣтской представительницей папской власти: титулъ императоровъ священной римской имперіи, т. е. преемниковъ древнихъ цезарей, они получили, силою меча и соглашеній, отъ папской власти; императоры являлись вооруженной защитой папской власти надъ католическимъ міромъ и лучше всѣхъ папскихъ буллъ укрѣпляли пастырскій авторитетъ папства; въ свою очередь, папы санкціонировали и укрѣпляли своимъ фактическимъ могуществомъ и религіознымъ авторитетомъ въ глазахъ вѣрующихъ дѣйствія и власть императоровъ. Мало того, что императоры укрѣпляли единство католическаго міра: всѣ короли юридически являлись такими же вассалами императора, какими являлись бароны по отношенію къ королямъ.

Такъ, у Н. Паліенко («Суверенитетъ», стр. 57) мы читаемъ: «Нося званіе римскихъ императоровъ и довѣренныхъ лицъ св. престола, опираясь на зависящую отъ нихъ обширную территорію и огромную феодальную армію, императоры неизмѣримо возвышаются,—

по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшнихъ атрибутовъ величія,— надъ всѣми прочими христіанскими государями на западѣ Европы.

Короли Чехіи, Венгріи, Польши и Даніи неоднократно подтверждаютъ присягой свою вассальную зависимость отъ императоровъ. Они (императоры) называютъ себя «domini dominantium» («господа господствующихъ»), а могущественныхъ королей Франціи и Англіи лишь своими намѣстниками».

Нетрудно замѣтить, что это—точная и довольно выгодная для императоровъ копія съ тѣхъ отношеній, которыя существовали между папой и королями. Но, несмотря на единство интересовъ императорской и папской властей, на долгую и взаимную ихъ поддержку въ господствѣ надъ массами (ибо и та и другая власть заключили союзъ для ихъ эксплуатаціи и каждая изъ нихъ въ отдѣльности являлась превосходнымъ органомъ этой эксплуатаціи), — столкновеніе между ними было все-же неизбѣжно, хотя-бы какъ борьба хищниковъ при дѣлежѣ добычи, какъ конкурренція эксплуататоровъ однѣхъ и тѣхъ же массъ. Этотъ антагонизмъ породилъ огромную литературу, посвященную обоснованію правъ императорской и папской властей.

Въ то время, какъ рядъ канонистовъ, путемъ схоластическихъ тонкостей и религіозно-историческихъ сопоставленій, доказывали и утверждали абсолютный суверенитетъ папской власти надъ всѣмъ міромъ,—другая, не менѣе многочисленная часть средневѣковыхъ ученыхъ, отстаивала суверенитетъ свѣтской власти. «Лишь папская власть,—говорили первые,—исходитъ непосредственно отъ Бога. Всякая другая власть делегируется папой. Воля папы—законъ не только для церкви, но и для государства.. Свѣтскіе законы недѣйствительны, если они противорѣчатъ церковному праву. Папа можетъ низлагать императора и освобождать подданныхъ отъ данной императору присяги. Папа обладаетъ верховнымъ правомъ законодательства не только въ церкви, но и въ государствѣ» [1]). И этими правами папы дѣйствительно пользовались· Иннокентій III аннулируетъ англійскую великую хартію вольностей 1215 г.; Григорій VII низлагаетъ Генриха IV въ 1067 г., Иннокентій IV—Фридриха II въ 1245 г. и т. д. и т. д. до 1590 г., когда Григорій XIV лишаетъ престола Генриха IV Наваррскаго.

Съ другой стороны, защитники свѣтской власти выставляютъ прямо-противоположные тезисы: «Церковная власть подчиняется государству, и послѣднему принадлежитъ верховный контроль надъ дѣйствіями церковной власти. Церковь можетъ

[1]) Эгидій Колонна, Августинъ Тріумфъ, Альваръ Пелайо См. по этому поводу Handbuch des öffentlichen Rechts. Einleitungsband II. Max Seydel. Allegemeine Staatslehre, S. S. 213—214. § 55 и Н. Паліенко. Цит. cor., стр. 48.

осуществлять свою юрисдикцію лишь въ силу делегаціи свѣтской власти» [1])

Въ этой борьбѣ между свѣтской и духовной властями вспомнили о народѣ. Народъ, который одинаково эксплуатировался и свѣтской и духовной властями, съ той лишь разницей, что папство эксплуатировало его, какъ вредный и умирающій паразитъ, а королевская власть, какъ энергичный и дѣятельный маклеръ, который полезенъ и необходимъ, но услуги котораго должны быть разорительно оплачены, народъ, котораго церковь держала въ духовномъ рабствѣ, а королевская власть въ экономическомъ и политическомъ,—на этотъ народъ ссылались теоретики обѣихъ сторонъ и въ немъ искали опоры своимъ притязаніямъ.

Въ интересахъ церкви, въ ея борьбѣ со свѣтской монархической властью создается и крѣпнетъ идея національнаго суверенитета общество, а не монархъ, является носителемъ суверенитета, слѣдовательно, монархъ узурпируетъ его, отнимая его у церкви, суверенитетъ принадлежитъ государству, а не монарху, а государство, въ лицѣ своихъ вѣрующихъ гражданъ, отдастъ власть церкви Вотъ отчего, задолго до революціи 89 г., демократическое истолкованіе идеи народовластія «особенно охотно», по словамъ Герье, «развивали схоластическіе публицисты, желавшіе въ интересахъ церковной власти ослабить и лишить самостоятельнаго значенія свѣтскую монархію. Во Франціи школы, управляемые іезуитами, сдѣлались разсадниками доктрины народовластія, устранявшей идею, что естественный представитель народовластія есть король» [2]).

Необходимо замѣтить, что среди теоретиковъ и защитниковъ суверенной церкви противъ свѣтской власти можно намѣтить два теченія одно изъ нихъ всецѣло опирается на религіозное происхожденіе власти п а́ п ы, какъ намѣстника ап. Петра въ Римѣ, и полагаетъ, что, насколько божественная воля выше смертной, настолько авторитетъ папы, какъ преемника Христа на землѣ, выше свѣтской власти государей, будь то король или императоръ священной римской имперіи, другое передаетъ суверенитетъ собранію духовенства и отстаиваетъ власть церковныхъ с о б о р о в ъ, этихъ ц е р к о в н ы х ъ п а р л а м е н т о в ъ, являвшихся представителями вселенской церкви.

[1]) Ученые XIV в. Петръ Дюбуа. Іоаннъ Парижскій, Марс Падуанскій, Жанъ Жанденъ, Вильгельмъ Оккамъ и друг. M. Seydel. Н. Паленко, А. Эс[illegible]нъ

[2]) В Г е р ь е. Идея народовластія, стр. 194—5. Дѣло дошло до того, что въ началѣ XVIII в. въ руанскомъ парламентѣ судился одинъ изъ преподавателей-клириковъ за республиканское толкованіе идеи народовластія.

Въ свою очередь, это послѣднее, соборное теченіе раскололось на двѣ фракціи: одна изъ нихъ (Герсонъ), соотвѣтствовавшая силѣ и могуществу духовныхъ феодаловъ и защищавшая усиленіе ихъ власти въ церкви, отдавала суверенитетъ соборамъ епископовъ (епископальная система), и этотъ взглядъ получилъ санкцію въ рѣшеніяхъ трехъ соборовъ (1409—1445); другая, демократическая фракція, также отстаивала верховенство за соборами, но членами ихъ признавали не только епископовъ, но всю массу вѣрующихъ, т. е. и мірянъ (Марсилій Падуанскій и Оккамъ) [1].

Эти послѣднія децентралистскія и церковно-демократическія теоріи брали, слѣдовательно, въ интересахъ господствующей церкви за основу церковнаго верховенства власть народа, и въ ней искали санкціи для полномочій церковной власти. При этомъ защитники суверенной церкви доходили до прямой демагогіи въ униженіи и умаленіи правъ монарха, возстановляя противъ него гражданъ и проповѣдуя, даже съ авторитетнаго папскаго престола,— что цари узурпировали власть по внушенію діавола (папа Григорій VII), что народъ, по теоріямъ тираноборцевъ, имѣетъ право не только сопротивляться тираніи монарха, но и права активнаго сопротивленія, суда и низложенія монарха (Гуго Флерійскій и Манегольдъ-Лаутенбахскій), а Іоаннъ Салисбюрійскій доходитъ до проповѣди теорій тиранно-убійства [2]). Съ другой стороны, народъ, по теоріи Ѳомы Аквината, имѣетъ не только право на участіе въ отправленіи государственной власти, но и, въ случаѣ отсутствія законодателя волей Божьей, законодательная власть принадлежитъ всему народу.

Такимъ образомъ, здѣсь идея народовластія утверждается теоретиками и защитниками церковной власти, какъ средство и основа господства церковной власти надъ свѣтской; теорія національнаго суверенитета возрождается и пропагандируется въ интересахъ церковнаго феодализма, ибо, при подавляющемъ идейномъ вліяніи церкви, господство народа означало бы господство церкви.

Въ томъ же демократическомъ теченіи намѣчаются однако и такія тенденціи, которыя прямо-противоположны феодальнымъ симпатіямъ и вожделѣніямъ. Струи тираноборческаго теченія сливались съ зарождавшимся мощнымъ движеніемъ молодой буржуазіи XIV—XVI вѣковъ, которая выставила тираноборство ло-

---

[1]) Н. Паліенко. Op. cit., стр. 70—71. Подробнѣе о Марс. Падуанскомъ см. Р. Трейманъ. Тираноборцы. Спб. 1905, стр. 56—59, гдѣ ученіе Марсилія трактуется нѣсколько иначе, чѣмъ у Паліенко. См. также пред. М. А. Рейснера о классовомъ характерѣ тираноборческихъ теорій.

[2]) Р. Трейманъ. Тираноборцы; стр. 95—105. А. Фатѣевъ. Очеркъ разв. индивид. направ etc. I. X., 1904. Н. Паліенко. Суверенитетъ.

зунгомъ борьбы, а національный суверенитетъ — ея положительнымъ базисомъ и теоретическимъ оправданіемъ. Эти двѣ взаимнодополняющія другъ друга черты тираноборства—отрицаніе самодержавія монарха и утвержденіе самодержавія народа—шли объ руку другъ съ другомъ въ самые рѣшительные моменты борьбы буржуазіи за юридическій суверенитетъ. Такимъ образомъ, буржуазія, съ самаго начала своей 5 вѣковой борьбы за власть, сразу опредѣлила свою дальнѣйшую позицію въ этой борьбѣ, и позднѣйшіе идеологи этой борьбы только модифицировали основную точку зрѣнія первыхъ теоретиковъ будущаго суверена.

Въ то же время, защитники правъ императорской власти, выводя ее по наслѣдству отъ древне-римскихъ цезарей, ударяютъ на то, что императорская власть была добровольно, по договору, уступлена античными гражданами сперва принцепсу, потомъ римскимъ императорамъ; но послѣдніе получили не самую власть, а лишь право осуществленія ея; право же на власть осталось за народомъ. Императоръ не является источникомъ суверенитета, ибо суверененъ народъ, который лишь делегировалъ свой суверенитетъ императору, такъ что власть императора имѣетъ должностной характеръ, а сувереномъ является народъ. — Такимъ образомъ, въ защиту суверенитета императорской власти берется та же идея самодержавія народа, которую выдвигаютъ защитники верховенства церковной власти надъ свѣтской.

Между тѣмъ, короли вступили въ рѣшительную борьбу со всемогуществомъ императоровъ. Конечно, подобно папству и неразрывно съ нимъ, императорская власть нѣкогда выполняла колоссальную задачу организаціи и защиты огромнаго феодальнаго хозяйства—съ одной стороны, и борьбы съ восточными народами, угрожавшими этому строю — съ другой. Но поскольку самъ феодальный строй разрушался и становился ненужнымъ, съ ростомъ городовъ и торгово-ремесленной организаціи хозяйства, постольку деградировало папство и съ нимъ императорская власть; что же касается обороны отъ восточныхъ народовъ, то, послѣ крестовыхъ походовъ, такими явились турки, угрожавшіе лишь Венгріи, Южной Германіи и Польшѣ, поэтому венгры, чехи и южно-германцы и объединились въ одну габсбургскую монархію. Но государи всей остальной Европы ужъ не настолько были заинтересованы въ успѣхахъ этой борьбы, чтобы расплачиваться за нихъ цѣною своего подчиненія императорамъ. Съ другой стороны, съ паденіемъ папской власти, императоры потеряли весьма надежную и прочную опору, а ростъ городовъ, усиливавшій власть королей, давалъ имъ оружіе и энергію бороться противъ императорской власти, превратившейся постепенно въ голую фикцію. Эта борьба съ императорской властью немедленно выдвинула рядъ теоретиковъ, защищавшихъ права королей противъ преемниковъ цезарей, и

любопытно, что оружіе своей идейной борьбы защитники королевской власти брали у теоретиковъ той же, враждебной имъ, императорской власти, временъ ея борьбы съ папствомъ.

Такимъ образомъ, той же идеей самодержавія народа и даже доводами въ ея пользу, воспользовались и теоретики королевской власти въ своей борьбѣ не только съ церковной властью, но и съ императорами и съ феодалами.

Что касается этихъ послѣднихъ, то и они оказывались сторонниками и защитниками того самаго принципа самодержавія народа, противъ котораго потомъ сама Бастилія казалась имъ ненадежнымъ средствомъ. Дѣло въ томъ, что ростъ королевской власти, ея усиленіе и развитіе совершалось за счетъ правъ и привилегій мѣстныхъ парламентовъ, въ которыхъ громадную роль играли феодалы, свѣтскіе и духовные. Естественно, что силою вещей парламенты становились въ оппозицію къ королевской власти и за идейный базисъ своей оппозиціи брали все тотъ же принципъ самодержавія народа — въ противовѣсъ всепоглощающей власти единоличнаго правленія [1]).

Но сила королей не нуждалась въ особенно длинныхъ доказательствахъ самый сильный ея аргументъ энергично и сурово блестѣлъ на остріи меча, совершавшаго великую работу объединенія и организаціи новаго способа производства. Поэтому король былъ объявленъ императоромъ въ своемъ королевствѣ [2]), и кому не лѣнь было припоминать все, что говорилось въ защиту императорскаго суверенитета, тотъ могъ доказывать, что всѣ эти доводы относятся къ королю. Между тѣмъ, какъ сказано, императорская власть, въ концѣ концовъ, выводилась изъ національнаго суверенитета, объявлялась состоящей на службѣ у націи. То же самое говорилось о власти короля, права котораго базировались на самодержавіи народа, уступившаго ему осуществленіе своей власти [3]). Такая теорія была тѣмъ болѣе естественна и

[1]) Идеологія феодаловъ болѣе конкретно выражена въ ученіи Луазо (1609), который видитъ основаніе для суверенитета въ территоріальномъ господствѣ, во владѣніи землей. «Знаменитый французскій юристъ Loyseau, поправляя Бодэна, приходитъ на основѣ ленно-правовыхъ воззрѣній къ тому взгляду, что суверенитетъ связанъ съ государствомъ, точнѣе—съ государственной территоріей, и сообщается каждому данному носителю власти». Въ этой конструкціи «еще разъ оригинально выраженъ старо-французскій феодальный взглядъ на территоріальное верховенство, какъ на основу государственной власти».—Г. Еллинекъ. Право совр. государства. Спб. 1903, стр. 303.

[2]) «Rex Franciae est imperator in suo regno». M. Seydel. Allg. Staatslehre. S. 41.

[3]) «Представленіе о томъ, что государственная власть исходитъ отъ народа, долго служило во Франціи могущественнымъ орудіемъ монархическаго начала. Римскіе императоры, присвоивъ себѣ трибунскую власть,

пріемлема, дѣятельность короля такъ очевидно преслѣдовала интересы слагающейся и крѣпнущей буржуазной націи, т. е. прежде всего торговаго капитала и цеховъ.—что, казалось, король дѣйствительно выполняетъ делегацію отъ имени народа [1]). Позднѣйшее развитіе королевской власти, усиленіе ея, какъ самостоятельной и независимой силы, съ интересами, отличными отъ интересовъ національнаго развитія, потребовало новыхъ теорій въ защиту выросшаго абсолютизма, становившагося все менѣе и менѣе необходимымъ и важнымъ и, соотвѣтственно, все болѣе и болѣе требовательнымъ и дорогимъ орнаментомъ государственнаго зданія.

Знаменитый Жанъ Бодэнъ (1576 г.) уже признаетъ, что иногда суверенитетъ монарха основанъ на передачѣ ему власти народомъ, но рѣшительно отрицаетъ фактическія права за народомъ послѣ делегаціи и категорически утверждаетъ, что эта делегація безвозвратна, и народъ не можетъ на нее покушаться: «Нѣтъ никого послѣ Бога, болѣе могущественнаго на землѣ, чѣмъ суверенные монархи. Они поставлены самимъ Богомъ, какъ намѣстники, для того, чтобы начальствовать надъ другими людьми» [2]). Что касается Гоббса (1651), то, подобно Бодэну, онъ «возводитъ англійское право на степень абсолютнаго» (Г. Еллинекъ) и утверждаетъ, что суверенъ безотвѣтственъ. «Онъ—законодатель и верховный судья, ему принадлежитъ право войны и мира, ему отбываются всѣ повинности, онъ имѣетъ право награждать и карать praeter legem; онъ же, наконецъ, является источникомъ всѣхъ почестей и званій. Но все это не что иное, какъ перечисленіе прерогативъ короны, признававшихся англійской теоріей, какъ ихъ, столѣтіе спустя, формулировалъ Блэкстонъ». У Гоббса «суверенитетъ государства совершенно поглощается суверенитетомъ князя» [3]).

считали себя представителями пришедшаго въ упадокъ народнаго собранія на римскомъ форумѣ и выводили отсюда свое право на законодательную власть. Великіе юристы императорской эпохи рѣзко формулировали тождество императорской воли съ закономъ въ виду того, что воля императора представляетъ собою волю народа. «Quod principi placuit legis habet vigorem, utpote ei et in eum populus omne suum imperium et potestatem conferat» («Что угодно государю (собственно principi), имѣетъ силу закона, такъ какъ народъ перенесъ на него всю свою власть и могущество»). Это положеніе Дигестъ воодушевляло и средневѣковыхъ французскихъ легистовъ въ ихъ борьбѣ съ феодальнымъ порядкомъ во имя королевской власти Раціоналисты, публицисты, подобно Гроцію, также умѣли мирить идею народовластія съ самостоятельной и сильной монархической властью». В. Герье. Идея народовластія. М. 1904, стр. 194.

[1]) Здѣсь имѣлъ нѣкоторое значеніе древне-германскій взглядъ на короля, какъ на лицо съ должностной, порученной властью.

[2]) Г. Еллинекъ Право совр. госуд. Спб. 1903, стр. 297—307.

[3]) Г. Еллинекъ. Op. cit., стр. 305—307. М. Рейснеръ. Госуд. и вѣр. личность. Спб. 1905, стр. 295, 304-6, 316 и слѣд. (Обществ. благо и абсолютн. государство).

Предъ блескомъ неограниченной, всевластной монархіи блѣднѣетъ и замираетъ на время идея самодержавія народа, и снова, съ исключительной яркостью и силой, вспыхиваетъ лишь въ XVII— XVIII в. в., достигая необыкновенно-страстнаго напряженія во время великой французской революціи, которая съ любовью и кипучей радостью преобразовала и расчистила почву стараго режима для кратковременнаго торжества и господства этой замѣчательнѣйшей и капитальнѣйшей политической теоріи всѣхъ временъ и народовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что различныя общественныя силы выдвигали и защищали идею самодержавія народа [1]), но ни одна изъ нихъ не давала народу осуществить во всей полнотѣ это господство; что всѣ эти общественныя силы выдвигали этотъ принципъ лишь въ интересахъ своей группы или класса; что въ самыхъ разнообразныхъ историческихъ обстоятельствахъ и въ самыхъ различныхъ и даже противоположныхъ случаяхъ, идея эта становилась основаніемъ классоваго господства, что она въ такой же мѣрѣ буржуазна, какъ и феодальна, такъ же примѣнима къ государству, какъ и къ церкви, такъ же популярна въ античныхъ республикахъ, какъ и въ средневѣковыхъ монархіяхъ, въ странахъ образованныхъ и невѣжественныхъ, протестантскихъ и католическихъ, въ теоріи и на практикѣ.

Такимъ образомъ, эта идея, провозглашающая основнымъ принципомъ государства и общества равенство и свободу личности и политическое господство всего народа или его большинства, — по своему историческому значенію и развитію всегда являлась и теперь является опорой господства одного класса надъ другимъ, господства меньшинства надъ большинствомъ.

Но, подобно тому, какъ капитализмъ, служа въ рукахъ буржуазіи орудіемъ классоваго господства надъ пролетаріатомъ и всѣмъ обществомъ, въ то же время создаетъ орудія и средства своего уничтоженія и неотвратимо воспитываетъ пролетаріатъ для классовой зрѣлости и мощи, ведущихъ его къ побѣдѣ и завоеванію соціализма, — такъ идея національнаго суверенитета, служившая въ рукахъ буржуазіи въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ орудіемъ порабощенія и угнетенія пролетаріата, становится тѣмъ великимъ боевымъ лозунгомъ, который уже въ нѣдрахъ буржуазнаго общества создаетъ опорные пункты политическаго и классоваго воспитанія пролетаріата, уже въ настоящее время является могучимъ двигателемъ его экономическихъ и политическихъ успѣховъ, и въ будущемъ обществѣ, которое создадутъ его сильныя руки, эта идея явится дѣйствительной

[1]) Идею самодержавія народа выдвигали также протестанты противъ государей-католиковъ, и обратно: католики-подданные противъ протестантовъ-государей.

основой всеобщаго равенства, свободы и благосостоянія. Точно такъ же, неразрывно съ идеей самодержавія народа, буржуазія создала идею личности - самоцѣли; вмѣстѣ съ организаціей народовластія, пролетаріатъ осуществитъ и эту идею, онъ дастъ ей прочную и незыблемую основу въ экономическомъ равенствѣ, онъ построитъ на этой основѣ равенство политическое, и тогда— и только тогда—великая идея самодержавія народа осуществится въ полную и великую мѣру ея логическаго и историческаго содержанія и значенія, и если теперь самодержавіе народа означаетъ самодержавіе буржуазіи, то самодержавіе пролетаріата будетъ означать полное, безграничное и глубоко-послѣдовательное самодержавіе народа.

ОТДѢЛЪ II.

Статика суверенитета.

ГЛАВА I.

Критика ученій Менгера и Трейчке.

Обратимся теперь къ самому существу идеи національнаго суверенитета. Мы видѣли, что какими-бы торжественными формами ни облекалась эта идея, какъ-бы рѣшительно ни провозглашалось, что «законъ есть велѣніе народа» (Ѳома Аквинатъ), что «не народъ открытъ и изобрѣтенъ для царя, а царь для народа, ибо народъ можетъ быть и безъ царя» (Брутъ), что поэтому «всѣ, и тѣ, кто представляютъ всѣхъ, являются на службѣ государства и стоятъ выше государя, такъ какъ государь смертенъ, а государство вѣчно» (Брутъ) [1]), что «національный суверенитетъ неотчуждаемъ и неотъемлемъ», что онъ «недѣлимъ самъ по себѣ и въ принципѣ», т. е. всегда и цѣликомъ принадлежитъ націи (Руссо). что «нація можетъ отмѣнить королевскую власть», но «король не можетъ отмѣнить націи» (Маратъ, Révolutions de Paris, у Олара), какъ ни искренни были тѣ, кто провозглашалъ эти принципы, — они сами были слѣпыми орудіями того діалектическаго, переполненнаго противорѣчій процесса, который формируетъ исторію гражданскаго общества. Всѣ эти смѣлыя, полныя вдохновенія и энтузіазма принципы лишь обезпечили и расчистили дорогу для классоваго господства землевладѣнія, церкви, императора, короля и буржуазіи. Мы видимъ, что, вопреки всѣмъ теоріямъ и конституціямъ, государственная власть никогда не принадлежала всему народу, что принципъ и практика самодержавія народа являлись до сихъ поръ лишь орудіями и фор-

[1]) См. Seydel, Паліенко, Фатѣевъ и Г. Еллинекъ—opera cit.

мой политическаго господства различныхъ классовъ.—Кому же и при какихъ условіяхъ принадлежитъ политическое господство, какія общественныя предпосылки и формы воплощенія необходимы для господства того или иного класса?

Предъ нами одинъ изъ важнѣйшихъ и глубочайшихъ вопросовъ государственнаго права. кому и при какихъ условіяхъ принадлежитъ суверенитетъ, т. е. высшая политическая власть, и въ чемъ заключается его сущность?

Остановимся на двухъ рѣшеніяхъ этого вопроса, наиболѣе интересныхъ, такъ какъ въ основу изслѣдованія, формально или по существу, кладется теорія соотношенія силъ. Я говорю о работахъ Менгера и Трейчке.

«Что,—спрашиваетъ Трейчке,—является неизмѣннымъ содержаніемъ суверенитета?—Юридически оно заключается въ правѣ (суверена) самому опредѣлять объемъ собственныхъ верховныхъ правъ; политически—въ правѣ употреблять вооруженную силу (im Rechte der Waffen)». Къ этимъ двумъ признакамъ суверенитета Трейчке прбавляетъ третій, названный у Аристотеля αὐτάρκεια (самодовлѣніе, самодостаточность) «способность самоудовлетворенія», какъ переводитъ его Трейчке (Treitschke. Politik. Leipzig, 1897. B. I. S. s. 39-41 [1])

Возражая противъ этого опредѣленія сущности суверенитета, А. Менгеръ (Новое ученіе о государствѣ. М. 1905, стр. 174.) называетъ подобные признаки суверенитета «формальными» и—къ сожалѣнію, неполно и несовершенно—излагая взгляды Трейчке, возражаетъ ему, что «въ дѣйствительности, обладаніе высшей государственной властью о п р е д ѣ л я е т с я не тѣмъ, имѣетъ ли право суверенъ на извѣстныя государственно-правовыя полномочія, а, какъ разъ наоборотъ, можетъ ли онъ въ случаѣ необходимости дѣйствовать и противъ права». «Поэтому», заключаетъ онъ, «государь суверененъ тогда, когда соотношеніе силъ позволяетъ ему успѣшно совершить государственный переворотъ, а народъ тогда, когда можетъ успѣшно провести революцію. Слѣдовательно, въ Германіи (какъ и Австріи) суверенитетъ принадлежитъ государю, потому что здѣсь въ послѣднемъ столѣтіи у д а в а л и с ь всѣ государственные перевороты и терпѣли неудачу всѣ революціи». «Въ Англіи фактическая высшая власть находится въ рукахъ народа. потому что, въ противоположность Германіи, въ

[1]) «Was ist der unveräusserliche Kern der Souveränität? Dieser Kern liegt juristisch in der Befugniss den Umfang der eigener Hoheitsrechte selbst zu bestimmen, politisch—im Rechte der Waffen». «Ausser diesen beiden wesentlichen Rechten der Souveränität des Staates, gehört nun aber Zum Wesen seiner Unabhängigkeit, was Aristoteles αὐτάρκεια genannt hat, die Fähigkeit sich selbst zu genugen». Politik, s. 41.—См. Г. Еллинекъ. Право совр. госуд. Спб 1903, стр. 285 и дал.

прошломъ столѣтіи всѣ революціи удавались, а государственные перевороты нѣтъ». «Во Франціи, странѣ успѣшныхъ революцій и государственныхъ переворотовъ, царитъ народный суверенитетъ» и т. д.

По поводу этой аргументаціи можно прежде всего замѣтить, что она даетъ не опредѣленіе понятія «суверенъ», а указываетъ лишь на одинъ признакъ этого понятія, притомъ признакъ производный, т. е. такой, который является частнымъ выводомъ изъ болѣе общаго и основного.

Въ самомъ дѣлѣ, по опредѣленію Трейчке, сувереномъ является тотъ, кто имѣетъ «право лично опредѣлять объемъ своихъ собственныхъ верховныхъ правъ». Если мы дополнимъ это опредѣленіе однимъ словомъ и скажемъ, что сувереномъ является тотъ, кто имѣетъ не только право, но и силу опредѣлять объемъ своихъ верховныхъ правъ,—то сюда, самъ собою, войдетъ признакъ суверена, устанавливаемый Менгеромъ: тотъ, кто имѣетъ силу и право устанавливать объемъ своей власти, тотъ, само собой ясно, можетъ въ случаѣ необходимости и расширять этотъ объемъ, т. е. или, на основаніи своего права, издавать законы, идущіе прямо или косвенно противъ существующаго права,—или, на основаніи своей фактической силы, нарушать существующее право.—И въ томъ и въ другомъ случаѣ Менгеровъ признакъ суверена явился бы частнымъ выводомъ изъ болѣе общаго опредѣленія Трейчке.

Къ тому же выводу приведетъ насъ научная логика, если мы рѣзче и отчетливѣе оттѣнимъ неясное и неточное опредѣленіе Менгера. Въ самомъ дѣлѣ, «дѣйствовать противъ права» «можетъ» не только суверенъ, но и какая-нибудь запрещенная религіозная секта,—значитъ ли это, что она обладаетъ суверенитетомъ? Очевидно, нѣтъ. Слѣдовательно, здѣсь идетъ рѣчь не о всякомъ «дѣйствіи противъ права», предполагается не только возможность поступать противъ права, но и сила доводить свои дѣйствія противъ существующаго права до захвата самой власти надъ правомъ, до обладанія фактической и юридической возможностью опредѣлять направленіе и содержаніе права, а это снова и уже съ другой стороны приводитъ насъ къ опредѣленію Трейчке, которымъ такъ недоволенъ Менгеръ. — Такимъ образомъ, анализируя опредѣленіе Трейчке, мы видѣли, что въ него, какъ часть, входитъ опредѣленіе Менгера; а развивая и расширяя опредѣленіе Менгера, мы пришли къ болѣе полному и точному опредѣленію Трейчке. Такимъ образомъ, двумя различными путями мы пришли къ одному и тому же выводу, доказывающему неполноту и неточность Менгерова опредѣленія суверена и преимущества предъ нимъ въ этомъ отношеніи опредѣленія Трейчке,—которое, впрочемъ, само

носитъ на себѣ рѣзко-выраженную печать вліянія Генеля (Haenel)[1]). Тѣмъ не менѣе, упрекъ Менгера по адресу опредѣленія Трейчке, что оно формально,—совершенно справедливъ. Но что же тогда сказать объ опредѣленіи Менгера, которое не только формально, но и узко, неполно, такъ какъ вытекаетъ изъ болѣе полнаго и общаго, хотя и формальнаго опредѣленія Трейчке?

Я отношу эпитетъ «формальный» къ опредѣленію Менгера потому, что оно даетъ внѣшній признакъ суверена, что оно является скорѣе проявленіемъ сущности, чѣмъ самой сущностью, формой этой сущности скорѣе, чѣмъ ея содержанімъ; слѣдовательно, упрекъ по адресу Трейчке обращается противъ самого Менгера.

Но и постольку, т. е. какъ внѣшній признакъ, опредѣленіе Менгера ничего не даетъ намъ для выясненія вопроса, кому въ данный моментъ въ данномъ государствѣ принадлежитъ суверенитетъ. Къ чему, въ сущности, сводится теорія Менгера?—Суверенитетъ принадлежитъ тому, кто можетъ «дѣйствовать противъ права», т. е. «успѣшно провести революцію» или coup d'état: «удачный» переворотъ—вотъ творецъ и опредѣляющій признакъ суверенитета. Остановимся подробнѣе на этомъ признакѣ суверенитета. Прежде всего, что значитъ «дѣйствовать противъ права»?

Это значитъ, или нарушать установленные законы фактически или, по произволу и въ нарушеніе существующихъ законовъ, издавать новые, идущіе «противъ дѣйствующаго права» или введенные въ жизнь не въ законномѣрномъ порядкѣ, т. е. проводить въ жизнь акты, неправомѣрные или по содержанію своему, или по источнику и способу ихъ созданія, или по порядку ихъ обнародованія. Слѣдовательно, по теоріи Менгера, суверенномъ является тотъ, кто можетъ успѣшно совершить или общій политическій переворотъ или затяжной рядъ частичныхъ нарушеній права.

Но не трудно видѣть, что такое опредѣленіе примѣнимо лишь къ бурнымъ, тревожнымъ и исключительнымъ временамъ, какъ ни старается Менгеръ доказать противное: это опредѣленіе должно дожидаться революціоннаго потрясенія, чтобы всту-

[1]) Существо суверенитета, по Генелю, заключается въ правѣ суверена раздвигать предѣлы своей компетенціи, въ такъ называемой «компетенціи компетенціи» (Kompetenz—Kompetenz), т. е. въ сущности, въ «правѣ опредѣлять объемъ собственныхъ верховныхъ правъ» Трейчке. «Въ этой правовой власти государства надъ своей компетенціей, говоритъ Генель, лежитъ высшее условіе его самодовлѣнія (Selbstgenugsamkeit), сущность (Kernpunkt) его суверенитета».—Вліяніе Генеля на Трейчке, слѣдовательно, доходитъ до тождества терминовъ. Между тѣмъ, и Генель имѣлъ предшественника въ лицѣ Вайца. См. объ этомъ у Н. Паліенко. Суверенитетъ. Яр. 1903, стр. 448-449.

пить въ свои права и быть практически-пригоднымъ, при нормальномъ же теченіи государственной жизни, съ одной стороны, нѣтъ необходимости въ прямыхъ нарушеніяхъ закона, ибо власть или достаточно сильна, чтобы законномѣрнымъ порядкомъ отмѣнить неудобный законъ и ввести новый,—или же, если такая необходимость является, то лишь, какъ исключеніе, не дающее общей картины соотношенія силъ.—съ другой стороны, трудно заранѣе опредѣлить результатъ столкновенія между сувереномъ, если онъ пойдетъ противъ права, и тѣми частями государственнаго механизма, права которыхъ нарушены.

Такимъ образомъ, Менгеръ, для опредѣленія признака суверена, крайне неудачно беретъ самый острый моментъ формировки суверенитета, т. е. революціонный и coup d'état'тный періоды; въ такіе моменты, понятіе суверенитета, колеблющееся, текучее, измѣнчивое само по себѣ, доходитъ въ революціонномъ темпѣ своей эволюціи до апогея, когда его развитіе идетъ съ головокружительной быстротою и въ каждую минуту уже не то, чѣмъ было въ предшествующую.

Дѣло еще въ томъ, что въ процессѣ революціи производится не только с м о т р ъ революціонныхъ и контръ-революціонныхъ силъ: революція вербуетъ союзниковъ, революція укрѣпляетъ и расширяетъ силы творцовъ ея, дезорганизуетъ и сужаетъ ряды своихъ враговъ. Революція есть не только «открытое соразмѣреніе соціальныхъ силъ въ борьбѣ за власть», революція есть, помимо того, о р г а н и з а ц і я и р о с т ъ этихъ соціальныхъ силъ, формирующихся въ революціонномъ процессѣ и создающихъ тотъ результатъ ихъ столкновенія, который называется конституціей страны.

Такимъ образомъ, брать революціонный періодъ за единственно-надежный и подходящій моментъ для опредѣленія, кому принадлежитъ суверенитетъ, значитъ дѣлать серьезную методологическую ошибку, ибо это—моментъ наиболѣе стремительнаго роста и паденія суверенитета, и, если искать в н ѣ ш н и х ъ признаковъ суверенитета, то лишь въ р е з у л ь т а т ѣ этого стремительнаго революціоннаго процесса—въ конституціи, которая твердо и ясно можетъ показать намъ, насколько проченъ и надеженъ ростъ, насколько безвозвратно паденіе,—въ конституціи, если изучать ее не какъ исписанный пергаментъ, но какъ болѣе или менѣе точное выраженіе «фактическихъ отношеній силы» въ данномъ обществѣ,—поскольку конституція является таковымъ, какъ результатъ революціи.

Но помимо неудовлетворительности опредѣленія Менгера съ точки зрѣнія практической (а на эту сторону оно, къ сожалѣнію, только и разсчитываетъ), поскольку оно беретъ революціонный періодъ за наиболѣе удобный моментъ для опредѣленія

носителя суверенитета,—оно даже и въ этомъ смыслѣ ничего не даетъ намъ. Самъ Менгеръ признаетъ, что неудачная революція не оставляетъ навсегда суверенитета въ рукахъ той силы, которая отразила эту революцію, ибо, хотя, напримѣръ, «въ Германіи суверенитетъ принадлежитъ государю, потому что всѣ революціи терпѣли здѣсь неудачу» (?), но «въ послѣднія десятилѣтія постоянное возрастаніе и твердая организація соціалдемократіи и затѣмъ постепенное обращеніе арміи въ войско пролетаріевъ нѣсколько поколебали это положеніе». Такимъ образомъ, неудавшаяся революція или переворотъ не отнимаютъ еще у суверенитета его эволюціоннаго характера и не рѣшаютъ вопроса о томъ, кому принадлежитъ или будетъ принадлежать суверенитетъ. И вообще, удачность революціи еще не опредѣляетъ носителя суверенитета въ будущемъ, напротивъ того, характеромъ и сущностью суверена, созданнаго революціей, опредѣляются сущность и удачность революціи, иначе говоря: изъ факта принадлежности суверенитета тому или иному общественному классу или лицу въ ближайшій моментъ послѣ революціи опредѣляется удачность или неудачность революціи.

Возьмемъ примѣръ. Предъ нами революція. Всякая революція можетъ быть опредѣлена, какъ борьба за суверенитетъ. Поэтому цѣль революціонной борьбы есть захватъ суверенитета. Если удачность предпріятія опредѣляется достиженіемъ цѣли, то разъ суверенитетъ будетъ захваченъ какимъ-нубудь общественнымъ классомъ—это и будетъ значить, что революція была удачна. Слѣдовательно, какъ сказано, на основаніи того, кому послѣ революціи принадлежитъ суверенитетъ, мы рѣшили, что революція была удачна. Пойдемъ дальше. Проходитъ нѣкоторое время послѣ революціи, которую мы признали удачной; юридическій суверенитетъ, завоеванный во время революціи, отнимается у суверена какимъ-нибудь переворотомъ. Если мы тогда будемъ говорить о минувшей революціи, мы признаемъ ее въ конечномъ счетѣ неудачной, ибо она, въ концѣ концовъ, своей цѣли не достигла, ибо она не создала такихъ фактическихъ и юридическихъ гарантій, которыя бы сохранили за сувереномъ суверенитетъ; переворотъ же, отнявшій у кратковременнаго суверена его суверенитетъ, мы признаемъ удачнымъ, ибо суверенитетъ перешелъ къ тому, кто за него боролся. Не ясно ли изъ всего этого, что наше мнѣніе объ удачности революціи или переворота зависитъ отъ того, кому непосредственно послѣ борьбы достался суверенитетъ, а не наоборотъ: изъ того, кому черезъ десятки лѣтъ послѣ революціи или coup d'état принадлежитъ суверенитетъ, еще нельзя опредѣлить, была ли революція удачна.

Вся путаница въ разсужденіяхъ Менгера происходитъ, помимо другихъ причинъ, оттого, что само понятіе «удачный» можетъ быть принято различно. по отношенію къ ближайшей цѣли или къ отдаленнымъ послѣдствіямъ факта. Нетрудно, однако, понять, что здѣсь не можетъ быть рѣчи объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ, ибо въ такомъ случаѣ надо было ждать цѣлое столѣтіе, чтобы опредѣлить, удачна или неудачна была французская революція 89 г.; да и вообще говоря, мы никогда не могли бы ничего сказать объ удачности той или иной общественной борьбы до тѣхъ поръ, пока всѣ ея послѣдствія не прошли бы предъ нашими глазами, пока ея вліяніе на жизнь народа не исчерпалось бы совершенно, или не было бы поглощено безъ остатка новыми фактами борьбы и побѣды, а результатъ интересующей насъ борьбы уже не могъ бы быть ни измѣненъ, ни уничтоженъ. Но помимо того, что въ такой цѣлостной и абсолютной формѣ такое явленіе логически-немыслимо,—предъ нами встаютъ неразрѣшимые вопросы. Была ли революція 89 г. «удачной»? Повидимому, да народъ сломилъ абсолютизмъ, и въ теченіи десяти лѣтъ суверенитетъ принадлежалъ народу. Однако, онъ не сумѣлъ или не могъ удержать суверенитета въ своихъ рукахъ, онъ не создалъ учрежденій, способныхъ защитить его суверенитетъ, было неудачно поведено революціонное воспитаніе народныхъ массъ, которыя не могли укрѣпить своихъ революціонныхъ завоеваній; буржуазія сама отшатнулась предъ грозной массой революціоннаго народа, не дававшаго ей воспользоваться плодами побѣды, т. е. стоявшаго на пути къ цѣли буржуазной революціи—спокойному наслажденію прибылью,—въ результатѣ захватъ Наполеономъ I въ 1799 г. государственной власти, т. е суверенитета.

Поставимъ теперь вопросъ, была ли революція 89 г. удачна. Если рѣшать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія событія 18 брюмера 1799 г, то послѣдовавшіе затѣмъ 15 лѣтъ Наполеоновой диктатуры отвѣчаютъ на него отрицательно: суверенитетъ былъ на время отнятъ народомъ у монархической власти. а потомъ снова вернулся къ ней. Такимъ образомъ, анализъ даетъ намъ историческій курьезъ: французы 1789-93 г. не знали, была ихъ революція удачна или нѣтъ, а Бурбоны до 1814 г. не знали, изгнаны они изъ Франціи или все еще суверенны!

Несомнѣнно, что удачность поступка или цѣлаго движенія опредѣляется только тѣмъ, достигнута-ли была цѣль этого поступка или движенія вообще, хотя-бы на время, или нѣтъ. Пусть дальнѣйшія событія отнимутъ результаты борьбы, оттолкнутъ цѣль ея дальше, чѣмъ она была,—люди не говорятъ себѣ, что ихъ борьба была неудачна,—вѣдь цѣль была въ ихъ рукахъ,—они говорятъ, что они не сумѣли или не могли удержаться, они

учатся, какъ снова побѣдить, они набираютъ новыя силы, они видятъ, что обладаніе властью, хоть временное, научило ихъ многому, что оно расширило ихъ революціонные ряды, ослабило и дезорганизовало противника, они ищутъ средствъ добиться послѣдней окончательной побѣды. Вотъ отчего въ смыслѣ отдаленныхъ послѣдствій нѣтъ, въ концѣ концовъ, ни одной неудачной революціи: пирровы побѣды противника только расширяютъ русло революціоннаго потока, который,—разъ движеніе дѣйствительно вызвано глубокими потребносстями прогрессивнаго общественнаго класса,—рано или поздно разорветъ плотину консервативной традиціи или традиціоннаго насилія.

Но въ настоящую минуту идетъ рѣчь не о конечномъ значеніи революцій, а объ ихъ непосредственныхъ послѣдствіяхъ.

Съ этой точки зрѣнія, конечно, могутъ быть успѣшныя и неуспѣшныя революціи. Но тогда, возвращаясь къ прежнему вопросу, мы видимъ, что только захватъ суверенитета, хотя бы временный, опредѣляетъ характеръ революціи и рѣшаетъ вопросъ объ удачности или неудачности ея. Слѣдовательно, говорить, подобно Менгеру, что суверенитетъ принадлежитъ народу, потому что революція была удачна,—вмѣсто того, чтобы сказать наоборотъ,—значитъ играть словами и на мѣсто уравненія подставлять тождество: вѣдь что значитъ, «революція была удачна»? Это значитъ, что суверенитетъ перешелъ къ народу. Слѣдовательно получается безсодержательный вздоръ. суверенитетъ принадлежитъ народу, потому что онъ перешелъ къ народу. Подобная тавтологія, конечно, ни на шагъ не приближаетъ насъ къ истинѣ.

Но, быть можетъ, это значитъ, что суверенитетъ принадлежитъ тому, кто можетъ завоевать его? Однако, и такое толкованіе Менгеровой теоріи далеко не рѣшаетъ того громаднаго вопроса, который стоитъ передъ нами: кому, вообще говоря, принадлежитъ суверенитетъ, ибо въ ту же минуту возникаетъ вопросъ: а кто же и при какихъ условіяхъ можетъ завоевать суверенитетъ? О всякомъ правѣ можно сказать, что онъ есть результатъ завоеванія, подобно тому, какъ это утверждаетъ Тьерри обо всѣхъ общественныхъ формахъ: «Tout cela date d'une conquète» («Все основано на завоеваніи») [1]). Но, какъ уже много разъ выяснялось, самое завоеваніе еще не является конечнымъ историческимъ моторомъ: для наличности завоевательныхъ силъ и стремленій необходимы нѣкоторыя, громадной важности, предпосылки.

---

[1]) Къ сожалѣнію, эта теорія нашла себѣ пріютъ въ работахъ такого тонкаго и глубокаго изслѣдователя, какъ Л. Гумпловичъ, а въ послѣднее время въ сочиненіи Э д. Д ж е н к с а Происх. верховной власти. Спб. 1907.

Въ ученіи Менгера сказалась характерная для послѣдняго времени черта: на ряду съ анархическимъ отрицаніемъ всякаго значенія права и, слѣдовательно, парламентской борьбы,—намѣчается противоположное теченіе, приписывающее праву подавляюще-рѣшительное значеніе въ ростѣ и деградаціи социальной силы классовъ [1]) Отмѣчая эту послѣднюю черту у Менгера (стр. 172—9, 240 и др.), мы должны присоединить сюда еще другую, того же происхожденія черту, характерную для него, какъ юриста: это привычка объяснять основныя черты и сущность общественнаго процесса изъ правовыхъ нормъ, вмѣсто того, чтобы поступать наоборотъ. Поэтому, не углубляясь въ подпочву общественныхъ явленій, въ тѣ экономическія отношенія, которыя являются «высшей инстанціей» для существованія или уничтоженія той или иной правовой нормы, Менгеръ, въ силу этого не даетъ яснаго и точнаго разграниченія фактическаго и юридическаго суверенитета, хотя въ одномъ мѣстѣ и говорится о «фактической высшей власти». Между тѣмъ, здѣсь, въ отсутствіи этого разграниченія, лежитъ источникъ той путаницы, которая заключается въ двухъ одинаково допустимыхъ и взаимно обратныхъ положеніяхъ: «государь суверененъ, когда соотношеніе силъ позволяетъ ему успѣшно совершить государственный переворотъ», и наоборотъ: если государь суверененъ, то это значитъ, что онъ можетъ произвести государственный переворотъ.

Такимъ образомъ, сама логика изслѣдованія привела насъ къ вопросу о соотношеніи между фактическимъ и юридическимъ суверенитетомъ и о коренной сущности суверенитета. Этимъ вопросомъ мы и займемся.

ГЛАВА II.

Расчлененіе понятія суверенитета.

Понятіе суверенитета, т. е. высшей власти въ государствѣ, соединяетъ въ себѣ два совершенно различныхъ значенія: съ одной стороны, оно обозначаетъ фактическій суверенитетъ, т. е. реальную силу, доставляющую какому-нибудь общественному классу, группѣ или лицу высшее фактическое господство

[1]) Отсюда, наприм., тенденція среди нѣкоторыхъ круговъ соціалъ-демократіи отдавать главныя силы партіи не экономической организаціи рабочаго класса для увеличенія его экономической силы, во имя будущаго захвата суверенитета,—а увлеченіе, главнымъ образомъ, парламентской и куммунальной борьбой.

и власть надъ всѣмъ обществомъ; съ другой стороны, подъ нимъ можно понимать юридическій суверенитетъ, т. е. правовыя полномочія, обладатель которыхъ получаетъ высшую законную власть въ государствѣ, носитель которыхъ является творцомъ всей государственной жизни. Напримѣръ, фактическій суверенитетъ находился въ рукахъ англійской буржуазіи уже въ самомъ началѣ революціи 1640-1660 г. г., ибо она экономически господствовала надъ всѣмъ обществомъ, ея богатства превосходили собою богатства другихъ классовъ [1]), ея парламентъ организовалъ народное ополченіе противъ королевскихъ войскъ, королевскій «флотъ цѣликомъ перешелъ на сторону парламента, Лондонъ тоже держалъ свою милицію наготовѣ» [2]),—однимъ словомъ, высшая фактическая сила была въ рукахъ буржуазіи.

Но юридическій суверенитетъ, въ полномъ смыслѣ этого понятія, достался ей лишь послѣ взятія въ плѣнъ Карла I и его казни въ 1649 г., когда была учреждена диктатура буржуазіи, когда вмѣстѣ съ королевской властью уничтожена была палата лордовъ, и законодательная власть перешла въ руки буржуазіи.

Такимъ образомъ, хотя въ началѣ революціи юридическій суверенитетъ находился въ рукахъ Карла I, фактическій суверенитетъ уже переставалъ принадлежать ему и переходилъ къ буржуазіи и ея парламенту, и, наоборотъ, несмотря на обладаніе фактическимъ суверенитетомъ, буржуазія была лишена юридическаго суверенитета, который находился въ рукахъ Карла. Этотъ фактъ можетъ служить иллюстраціей той общей мысли, что юридическій и фактическій суверенитетъ могутъ въ одно и то же время находиться въ совершенно различныхъ рукахъ, но что носители ихъ фатально вовлекаются въ безпощадную борьбу другъ съ другомъ, какъ-будто они владѣютъ половинами одного и того же цѣлаго и эти половины, хотя и неравныя, съ неудержимой силой рвутся другъ къ другу, стремятся слиться воедино въ однѣхъ рукахъ, и въ этомъ фактѣ заложено зерно ихъ связи и единства, взаимнаго дополненія и органическаго родства.

---

[1]) «Въ одномъ изъ первыхъ парламентовъ, въ царствованіе Карла I, съ удивленіемъ было замѣчено, что палата депутатовъ втрое богаче палаты лордовъ. Высшая аристократія уже не имѣла и не доставляла престолу, который она продолжала окружать, прежняго перевѣса въ націи». Ф. Гизо. Исторія англійской революціи, т. I, стр. IX Спб. 1859. Не менѣе рельефныя цифры даютъ намъ историки о могуществѣ буржуазіи въ эпоху революціи 89 г.: «Въ рукахъ tiers état находилась 1/4 земельной собственности Франціи». М. Ковалевскій. Соціальное законодательство Конституанты, стр. 43.

[2]) Эд. Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII в., стр 70—71. Спб. 1899.

Мы приступимъ къ анализму этой органической связи между фактическимъ и юридическимъ суверенитетомъ, и тогда, быть можетъ, природа цѣлостнаго суверенитета, представляющаго собой ихъ синтезъ, раскроется предъ нами въ самой его сокровенной глубинѣ.

По самой своей природѣ завоеваніе или утрата фактическаго суверенитета есть явленіе эволюціонное: оно никогда не останавливается ни въ ростѣ своемъ, ни въ своей деградаціи: классъ, являющійся носителемъ фактическаго суверенитета, или развиваетъ свои силы, увеличивая ихъ объемъ и напряженность, или дезорганизуетъ, разстраиваетъ ихъ, уменьшая и понижая энергію ихъ роста и сферу ихъ господства. Фактическій суверенитетъ класса вѣчно находится въ процессѣ своего созиданія или разрушенія.

Источникомъ творческихъ или разрушительныхъ силъ, создающихъ или подтачивающихъ силу фактическаго суверена, является развитіе производительныхъ силъ страны, потребности ихъ роста: исторія человѣчества есть растущее и развертывающееся стремленіе производительныхъ силъ къ безграничному расширенію; исторія роста и развитія производительныхъ силъ есть постоянно-возрастающее расширеніе живой и мертвой площади приложенія этихъ силъ и возрастаніе массы продуктовъ, приходящихся на единицу эксплуатируемой рабочей силы. Революція, сказали мы, есть борьба за суверенитетъ, но борьба эта вѣнчается успѣхомъ только тогда, когда она является борьбой за новыя площади примѣненія производительныхъ силъ и за повышенный эффектъ отъ ихъ примѣненія.

Наиболѣе революціоннымъ и прогрессивнымъ классомъ является тотъ, диктатура котораго обѣщаетъ и обезпечиваетъ наибольшее развитіе производительныхъ силъ, т. е. наивысшій ростъ соціально-экономическихъ цѣнностей, производимыхъ въ странѣ, ростъ не только абсолютный, но и относительный, ростъ не только массы продуктовъ на единицу эксплуатируемой площади, но и усиленіе темпа этого роста, и вытекающее отсюда такое распредѣленіе массы продуктовъ, которое, въ свою очередь, повышаетъ ростъ и энергію производительныхъ силъ. Точно также наиболѣе реакціоннымъ классомъ является тотъ, господство котораго означаетъ задержку развитія производительныхъ силъ, возвращеніе къ пережитому уровню ихъ развитія, пониженіе темпа ихъ роста, непроизводительность распредѣленія общественнаго продукта. Въ столкновеніи этихъ антагонистически-настроенныхъ и борющихся общественныхъ классовъ, въ борьбѣ новыхъ, поднимающихся классовъ за расшире-

ніе и углубленіе площади примѣненія производительныхъ силъ и за прогрессивное, «справедливое» распредѣленіе массы производимыхъ продуктовъ—заключается тайна революціонныхъ процессовъ послѣднихъ столѣтій. Всякій прогрессивный общественный классъ является представителемъ все большей массы людей, интересы которыхъ попираются существующимъ сувереномъ и благо которыхъ обѣщаетъ обезпечить новый претендентъ на суверенитетъ; всякая революція совершается во имя все большей массы борющихся за суверенитетъ. Исторія есть борьба за расширеніе базы суверенитета.

Такимъ образомъ, фактическій суверенитетъ вѣчно растетъ или разрушается, но всегда это происходитъ медленно, постепенно, короткими прерывистыми толчками, результаты которыхъ могутъ быть отмѣчены лишь десятилѣтіями или столѣтіями.

Совершенно другую картину даетъ намъ смѣна и паденіе юридическаго суверенитета. Классовый эгоизмъ и циничное насиліе умирающаго въ конвульсіяхъ суверена яростно сталкиваются съ пламеннымъ энтузіазмомъ и неукротимой силой революціи, предсмертныя судороги и смертельные удары хищной лапы рождаютъ страстную бурю революціоннаго призыва: «Рукою за горло! Колѣномъ на грудь!» И опьяненная своей силой, тяжело вздымающаяся отъ избытка творческихъ силъ разрушенія, волна революціи съ внезапной рѣшимостью и силой обрушивается на своихъ недавнихъ владыкъ и тирановъ. Одинъ короткій страшный ударъ—и государство потрясается до основанія. «Мы прожили въ шесть лѣтъ шесть столѣтій», говорилъ Буасси д'Англа въ 1795 г. «Въ самомъ дѣлѣ», прибавляетъ Оларъ, «такъ какъ старый порядокъ не могъ быть преобразованъ мирнымъ и медленнымъ путемъ, то оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ насильственному и быстрому перевороту и произвести почти одновременно цѣлый рядъ разрушительныхъ, реформаторскихъ и созидательныхъ актовъ», которые, по своей стремительной силѣ, не имѣютъ себѣ ничего подобнаго въ наростаніи фактическаго суверенитета. Характерное сравненіе находимъ мы по этому поводу у Каутскаго. Говоря о томъ, что соціалдемократія можетъ овладѣть государственной властью не постепенно, соціализируя отдѣльныя министерства, а однимъ революціоннымъ ударомъ, онъ замѣчаетъ: «Идея постепеннаго завоеванія соціалдемократіей отдѣльныхъ департаментовъ министерства не менѣе нелѣпа, чѣмъ попытка разложить актъ родовъ на нѣсколько отдѣльныхъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, скажемъ, черезъ мѣсяцъ, родовыхъ актовъ».

Такимъ образомъ, мы можемъ установить, что существенной чертой различія между фактическимъ и юридическимъ суверенитетомъ является то обстоятельство, что ростъ и па-

деніе фактическаго суверенитета есть явленіе эволюціонное, завоеваніе и утрата юридическаго суверенитета—явленіе революціонное.

Поскольку, слѣдовательно, революція завершаетъ эволюцію, поскольку эволюція, по самому существу своему, неизбѣжно и неустранимо стремится къ своему завершенію, которымъ является революція, т. е. борьба за юридическій суверенитетъ,—постольку юридически-несуверенный общественный классъ, по мѣрѣ роста его фактическаго суверенитета, стремится разрѣшить это противорѣчіе, въ желаніе слить въ своихъ рукахъ эти двѣ силы, изъ которыхъ каждая является логическимъ завершеніемъ другой: логическимъ завершеніемъ и слѣдствіемъ роста фактическаго суверенитета является захватъ юридическаго суверенитета, слѣдствіемъ захвата юридическаго суверенитета является дальнѣйшая эволюція фактическаго суверенитета.

Такимъ образомъ, тотъ діалектическій процессъ, который раскрывается намъ при изученіи исторіи, и въ этомъ случаѣ съ ясностью обнаруживаетъ ту истину, что развитіе и смѣна формъ происходятъ вслѣдствіе «высшаго развитія ихъ содержанія». Здѣсь, въ этомъ «великомъ, вѣчномъ» законѣ лежитъ объясненіе той логической органической связи, которая существуетъ между юридическимъ и фактическимъ содержаніемъ суверенитета.

ГЛАВА III.

Факторы роста суверенитета.

Когда же можно признать классъ фактически суверенным, и какіе факторы должны быть созданы развитіемъ производительныхъ силъ, чтобы привести классъ къ суверенитету?—Прежде всего, развитіе производительныхъ силъ неизбѣжно должно привести къ росту фактическаго значенія того класса, который своей дѣятельностью создаетъ ростъ и развитіе производительныхъ силъ уже теперь, когда онъ лишенъ юридическаго суверенитета,—и который, въ силу своего положенія въ производствѣ, обезпечиваетъ прогрессъ въ развитіи производительныхъ силъ въ будущемъ.

Но что такое фактическое значеніе класса? Это прежде и важнѣе всего организаторская роль общественнаго класса въ области производства; фактическимъ

сувереномъ является классъ-организаторъ, руководитель производства: основой и почвой фактическаго суверенитета является то, что мы назовемъ здѣсь экономическимъ суверенитетомъ.

Этимъ именемъ мы будемъ называть фактическое руководство организаціей общественнаго производства. Можно, напримѣръ, сказать, что современная западно-европейская буржуазія экономически-суверенна, ибо она фактически руководитъ производствомъ. Съ другой стороны, поскольку она все болѣе и болѣе поручаетъ эту функцію технически и юридически-образованнымъ спеціалистамъ и наиболѣе интеллигентнымъ рабочимъ, а сама начинаетъ вести паразитическую роль рентьера «самовозрастающей цѣнности» капитала, постольку о ея экономической роли можно будетъ въ очень недалекомъ будущемъ сказать то же, что ужъ сказано однажды о ея политическомъ значеніи: она господствуетъ, но не управляетъ. Напротивъ того, поскольку сознательность, организованность и дисциплина рабочаго класса неуклонно и неотвратимо возрастаютъ, а духовная и политическая зрѣлость его все рѣзче раскрываютъ предъ его глазами пружины производственнаго механизма не только фабрики, жизнь которой онъ стремится подчинить своему вліянію, но и всего общества, которое онъ стремится въ корнѣ преобразовать и приблизить къ своему идеалу,—постольку, помимо указанной причины, положеніе буржуазіи, какъ организатора производства, начинаетъ расшатываться, а ростъ рабочаго движенія, расширеніе экономическихъ и политическихъ организацій рабочаго класса и его власти на фабрикѣ,—все это, наряду съ другими факторами, о которыхъ рѣчь ниже, создаетъ почву для экономическаго суверенитета рабочаго класса.

Каковы же спутники экономическаго суверенитета и творцы фактическаго суверенитета? Какія условія необходимы для развитія наростающаго фактическаго суверена и для захвата юридическаго суверенитета?

1. Прежде всего, какъ мы видѣли, сущностью и основаніемъ фактическаго суверенитета даннаго класса является его экономическій суверенитетъ.

2. Количественный ростъ класса и количественное его преобладаніе надъ юридически-суверенными классами не только одной своей массой, но и союзничествомъ другихъ юридически-несуверенныхъ общественныхъ классовъ—съ одной стороны и помощью «идеологовъ, познавшихъ смыслъ движенія», изъ среды господствующихъ классовъ—съ другой.

3. Ростъ классоваго самосознанія, солидарности, дисциплины, организаціи, образованности, революціонности

мысли и чувства, самопожертвованія и—какъ замѣчательный продуктъ развитого классоваго самосознанія—энергія классоваго самоутвержденія, т. е рѣзкая опредѣленность классовой физіономіи, ярко очерченная классовая психологія, короче—классовая индивидуальность и сила защищать ее отъ искаженій чертами враждебной классовой психологіи.

4. Ростъ вліянія на остальные классы общества черезъ прессу, собранія, союзы, пропаганду и различныя формы экономической и политической борьбы.

5. Проникновеніе во всѣ законодательныя, судебныя, административныя, военныя, религіозныя и культурныя учрежденія страны—въ парламентъ, мѣстное самоуправленіе, суды, школу, церковь, армію, бюрократію, въ научныя, художественныя и просвѣтительныя учрежденія.

6. Международная связь и поддержка, какъ напримѣръ, въ рабочемъ движеніи.

7. Постоянная готовность къ борьбѣ и

8. Расшатанность правового строя и консервативно-правовыхъ понятій, благодаря предшествовавшимъ революціямъ [1]).

Таковы главнѣйшія основанія и характерные признаки фактическаго суверенитета; цѣлостное и законченное сочетаніе и развитіе этихъ элементовъ создаетъ могучія соціальныя потрясенія, рѣзко и радикально измѣняющія соціально-политическую структуру общества и отнимающія у прежняго фактическаго суверена его юридическій суверенитетъ.

Устанавливая разграниченіе между фактическимъ и юридическимъ суверенитетомъ, я считаю необходимымъ указать, что терминологія, принятая въ этомъ разграниченіи, является неустранимой и вынужденной уступкой тому господствующему словоупотребленію, которое со временъ автора «Сущности конституціи» утвердилось въ марксистской литературѣ и которому мнѣ казалось необходимымъ противопоставить понятіе экономическаго суверенитета, какъ основную входящую часть фактическаго суверенитета,—а не армію, какъ это не разъ дѣлалъ Лассаль, а впослѣдствіи Трейчке (Politik. S. 30). Между тѣмъ термины: «фактическія отношенія силы», «реальныя отношенія силы», «дѣйствительныя отношенія силы» и т. п. термины не могутъ быть признаны строго-точнымъ выраженіемъ марксистскихъ понятій, мнимо-соотвѣтствующихъ этимъ терминамъ. Глубокой методологической (но не

---

[1]) Ср. А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. М 1905.

принципіальной, ошибкой Лассаля является неизмѣнное выдвиганіе, въ качествѣ правотворящаго фактора,—«силы», въ смыслѣ отождествленія ея съ арміей [1]): армія всегда была послушнымъ орудіемъ въ рукахъ экономическ-суверенныхъ соціальныхъ силъ или неотвратимо должна стать этимъ орудіемъ, на чьей бы сторонѣ она въ данный моментъ ни была; болѣе того, количественно или качественно-рѣшающее ядро арміи всегда было частью экономическаго суверена, и это справедливо не только для военныхъ демократій, какъ античный Римъ, но и для новѣйшихъ или современныхъ государственныхъ образованій (армія въ 40-хъ г.г. XVII в. Англіи, Франція въ 1789-93 г. и въ 1848 г. и пр.). Поэтому изслѣдованіе должно неизмѣнно исходить изъ анализа положенія и фазы развитія экономическаго суверена, чтобы опредѣлить характеръ и «силу» фактическаго суверена. Что же касается отождествленія «силы» съ арміей, то теоретикъ-марксистъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ оперировать съ столь узкимъ, буржуазно-поверхностнымъ, «хромающимъ» пониманіемъ источниковъ правотворчества: подчеркиваніе подчиненной, производной роли арміи диктуется не только теоретической, но и практической необходимостью; марксистъ ни на мгновеніе не можетъ забыть, что настроеніе, поведеніе и роль арміи тѣсно

[1]) Мы далеки отъ мысли, что Лассаль всегда понималъ силу, только какъ вооруженную силу и финансовыя средства (См. пред. Эд. Бернштейна къ соч. Лассаля, т. I, стр. XLVIII),—но то, что Лассаль въ «Сущности конституціи» не выдерживаетъ точки зрѣнія «Программы работниковъ»—не видѣть невозможно, что соціально-экономическая сила въ «Программѣ» замѣняется силой оружія въ «Сущн конституціи»—отрицать излишне Эта невыдержанность основной, марксистской точки зрѣнія совершенно понятна: въ «Сущности конституціи» Лассаль говоритъ не о движущихъ причинахъ развитія, а фиксируетъ его результаты, онъ говоритъ не о соціально-экономической силѣ короля, дворянства, буржуазіи, а о результатахъ ея обладанія, о возможности распоряжаться военной силой,—и такое построеніе рѣчи продиктовано историческимъ моментомъ, когда говорилъ Лассаль, и его агитаціонными задачами. Но задачи теоретика не могутъ быть подчинены интересамъ даннаго момента. если разсматривать «Сущность конституціи» an sich, то она рождаетъ ошибочную мысль, что фактическій суверенитетъ принадлежитъ тому, кто можетъ повелѣвать войску, т. е. что буржуазія до 1789 г. не была фактически-суверенна, ибо этой возможности у нея не было, а Людовикъ XVI и послѣ 1791 г. былъ фактическимъ суверенемъ, когда это право за нимъ еще оставалось,—утвержденія, которыя принять невозможно. Но Лассаль идетъ гораздо дальше: дворянство является «частью конституціи», т. е. имѣетъ «фактическую силу», поскольку черезъ дворъ и короля, можетъ выставить въ свою защиту пушки; народъ имѣетъ фактическую силу, поскольку его «неорганизованная сила» побѣждаетъ армію Можно ли принять подобныя положенія, въ особенности въ настоящее время, когда событія показали, что народъ можетъ побѣдить только при содѣйствіи арміи, а не въ борьбѣ съ нею?

связаны и подчинены той коалиціи соціальныхъ силъ, которая въ данную эпоху обладаетъ экономическимъ суверенитетомъ.

Указанная методологическая ошибка Лассаля понынѣ нигдѣ не исправлена, а вмѣстѣ съ работами А. Менгера въ вопросѣ этомъ путаница еще болѣе увеличилась, такъ какъ у послѣдняго «сила» въ Ласаллевскомъ смыслѣ подмѣнена «насиліемъ» въ Дюринговомъ значеніи. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока понятіе «силы», какъ орудія правотворчества, не будетъ неразрывно связано съ тѣмъ понятіемъ, которому въ настоящей работѣ соотвѣтствуетъ терминъ— экономическій суверенитетъ, до тѣхъ поръ старое «завоеваніе» Ог. Тьерри, модернизированное Л. Гумпловичемъ и проведенное въ соціализмъ Лассалемъ и Менгеромъ въ терминахъ фактической силы, грубаго насилія и пр., — будетъ являться непреодолимымъ препятствіемъ къ единственно-правильному съ точки зрѣнія марксизма представленію о динамикѣ юридическаго суверенитета, о средствахъ его завоеванія, объ условіяхъ его паденія, о причинахъ его перемѣщенія, реорганизаціи и раздробленія.

Теоретическимъ остовомъ настоящей работы являются поэтому два понятія, составляющія различныя стороны одного и того же соціальнаго процесса: экономическій суверенитетъ и его порожденіе — юридическій суверенитетъ. Что касается фактическаго суверенитета, [1]) то онъ представляетъ собою сплетеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ: въ него входитъ цѣликомъ не только экономическій суверенитетъ, но и цѣлый рядъ другихъ вышеуказанныхъ элементовъ, строго говоря внѣ-экономическихъ и внѣ-правовыхъ: ярко-выраженная классовая индивидуальность экономическаго суверена, его вліяніе на другіе классы и ихъ союзническая поддержка его въ борьбѣ, солидарность въ рядахъ экономическаго суверена не только данной страны, но и другихъ странъ, гдѣ имѣются его представители, наконецъ, количественная сила суверена и наличность его представителей во всѣхъ организованныхъ и неорганизованныхъ ячейкахъ общественности.

---

1) Этотъ терминъ часто, если не въ огромномъ большинствѣ случаевъ употребляетъ въ этой работѣ, въ смыслѣ экономическаго суверенитета, сопровождаемаго цѣлымъ рядомъ вышеуказанныхъ элементовъ и тѣхъ соціальныхъ imponderabilia, для которыхъ вообще трудно разыскать какую-нибудь рубрику. Такъ какъ все эти элементы выростаютъ на почвѣ экономическаго суверенитета или, вообще говоря, неизмѣнно его сопровождаютъ, то намъ думается, что рано или поздно терминъ фактическій суверенитетъ уступитъ мѣсто болѣе точному и марксистскому термину экономическій суверенитетъ.

Всѣ эти элементы фактическаго суверенитета являются характерными признаками фактическаго суверена, но не каждый изъ нихъ можетъ служить необходимымъ признакомъ этого понятія: нѣкоторые изъ нихъ могутъ отсутствовать, другіе—оставаться въ зачаткѣ, третьи—уже угасать,—важно лишь то, что каждый изъ нихъ является элементомъ, усиливающимъ могущество фактическаго суверена, что ихъ совокупность—неотвратимо должна создать завоеваніе юридическаго суверенитета, что каждый изъ нихъ является результатомъ экономическаго суверенитета даннаго класса и спутникомъ его развивающейся мощи. Послѣдніе подчеркнутые нами моменты указываютъ на происхожденіе и роль понятія «фактическій суверенитетъ», мотивируя также право его на существованіе. Кромѣ того, какъ ни спорны роль и значеніе понятія «фактическія отношенія силы»,—раскрытіе его содержанія надо признать крайне необходимымъ, хотя-бы даже цѣною уступки неудовлетворительной, но установившейся терминологіи: новыя понятія всегда идутъ подъ флагомъ старыхъ терминовъ, пока властныя требованія жизни и дальнѣйшія изслѣдованія не создадутъ революціоннаго разрыва традиціонно-консервативной оболочки [1]).

Этими замѣчаніями мы и заканчиваемъ настоящую главу. Существо ея заключалось въ установленіи основныхъ и характерныхъ элементовъ фактическаго суверенитета и въ разграниченіи понятій юридическаго и экономическаго суверенитета. Указаніе болѣе глубокаго соотношенія между этими понятіями составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

---

[1]) Вообще, думается намъ, нигдѣ марксисту не приходится преодолѣвать столько затрудненій, какъ въ области права вообще и въ терминологіи права въ частности: эта область донынѣ остается дѣвственной въ смыслѣ такого вліянія на нее идей и методовъ марксизма, какъ мы это видимъ въ полит. экономіи. Приходится считаться съ установившейся терминологіей права съ одной стороны и съ установившейся марксистской терминологіей въ области соціально-политической—съ другой: мы предпочли вторую, какъ ни недостаточно-совершенной она намъ казалась, но нѣтъ сомнѣнія, что только разработка самаго права въ духѣ марксизма можетъ дать намъ законченную и упроченную структуру государственныхъ наукъ, изучающихъ вопросы, связанные съ государствомъ, какъ съ явленіемъ не только правовымъ, но и соціальнымъ (Г. Еллинекъ, стр. 6).—Такъ какъ государство въ настоящей работѣ разсматривается съ этой послѣдней точки зрѣнія, то формально-юридическія конструкціи естественно оставлены здѣсь внѣ поля обсужденія, вмѣстѣ съ вопросами о томъ, составляетъ ли суверенитетъ «существенный признакъ государственной власти», что такое государство съ формально-юридической точки зрѣнія, и т. д. (См. Г. Еллинекъ. Право соврем. госуд. Спб. 1903, стр. 304, 312-322).

ГЛАВА IV.

Симптомы упадка юридическаго суверенитета.

Какъ ни ничтожно экономическое значеніе умирающаго юридическаго суверена,—въ силу исторической инерціи онъ можетъ держаться довольно долго и могъ бы держаться во много разъ дольше, чѣмъ онъ обыкновенно до сихъ поръ оставался въ роли носителя юридическаго суверенитета, если-бы не существовало одного явленія, фатально сопровождающаго утрату экономическаго суверенитета.

Въ силу ряда общественныхъ условій, юридическій суверенъ, теряя экономическій суверенитетъ, неотвратимо и неизбѣжно начинаетъ пріобрѣтать одну черту, которая становится для него роковою: я говорю о деградаціи классоваго самосознанія, о расторженіи классовыхъ узъ, связывающихъ членовъ гибнущаго класса, о пониженіи идейныхъ элементовъ классовой солидарности между членами класса, какъ слѣдствіи дезорганизаціи и ослабленія матеріальной связи, нѣкогда соединявшей ихъ,—о замѣнѣ единаго и всеобщаго классоваго интереса узко-личнымъ и своекорыстнымъ интересомъ претендента на личную привилегію, хотя-бы въ ущербъ обще-классовому интересу.

На извѣстной ступени общественнаго развитія и соотвѣтствующаго ей угасанія юридическаго суверена, грубо-личный интересъ отдѣльныхъ членовъ его становится въ прямое противорѣчіе не только съ интересами общественнаго развитія, но и съ интересами всего юридическаго суверена, какъ цѣлаго. Вотъ отчего въ умирающихъ монархіяхъ только инстинктъ личнаго самосохраненія и личное честолюбіе являются общими и основными мотивами поведенія, вотъ отчего Монтескье говоритъ о «почестяхъ и чувствѣ чести или страхѣ,» какъ основахъ монархіи, — вѣрнѣе, монархіи, клонящейся къ упадку, а Кромвель называетъ королевскую, дворянскую армію—«арміей людей чести» [1]): въ моментъ угасанія юридическаго суверена только эти чисто-личныя чувства, т. е. жажда личныхъ почестей и страхъ, являются движущей пружиной въ дѣятельности его защитниковъ; въ то же время понятіе объ общественномъ благѣ,— т. е. классовомъ интересѣ того слоя, къ которому принадлежитъ личность,—совершенно не имѣетъ значенія въ дѣятельности при-

---

[1]) Эд. Бернштейнъ. Обществ. движеніе въ Англіи XVII в. Спб. 1899.

вилегированной личности [1]). Вотъ чѣмъ объясняется развращенность бюрократіи и дворянства во Франціи XVIII в., и вотъ отчего эти качества сыграли такую роковую для короля и дворянства роль во время революціи. Здѣсь же, съ другой стороны, лежитъ объясненіе тому преклоненію предъ античной республиканской добродѣтелью, которымъ переполнена великая революція [2]). Здѣсь же мы найдемъ объясненіе проницательному замѣчанію одного юнаго дворянина, получившаго въ 27 лѣтъ должность парламентскаго президента: «Гражданскій долгъ составляетъ жизненный принципъ государства только въ республикахъ, въ монархіяхъ же можетъ замѣняться честолюбіемъ и чувствомъ чести» [3]).

Вотъ отчего республиканская добродѣтель вошла въ пословицу и проповѣдывалась въ революціонные моменты классовыхъ побѣдъ [4]): расцвѣтъ республики означаетъ расцвѣтъ могущества господствующаго класса, нерасторжимость узъ классовой солидарности, глубоко-прогрессивную роль господствующаго класса, его общественное обаяніе и полновластіе. Между тѣмъ, паденіе республиканскихъ добродѣтелей, т. е. упадокъ личной и общественной нравственности, продажность, развращенность, узко-личный эгоизмъ и пр. являются слѣдствіемъ угасанія экономическаго значенія господствующаго класса, который тогда

---

[1]) «Тѣ,—говоритъ Руссо,—которые достигаютъ первыхъ мѣстъ въ монархіи, большей частью мелкіе сплетники, мелкіе плуты и интриганы; ихъ маленькія способности, которыя доставляютъ имъ высшія должности при дворахъ, служатъ для разоблаченія передъ обществомъ ихъ глупости, какъ только они достигаютъ этихъ должностей». Ж. Ж Руссо. Обществ. договоръ Спб. 1906, стр 111. Кн. III

[2]) «Успѣхи буржуазныхъ революцій XVIII в. поразительны Ихъ исторія полна драматическихъ эффектовъ. Люди и вещи полны блеска и силы; вдохновеніе—повседневное состояніе каждаго»... К. Марксъ. 18-е брюмера Луи Бонапарта. М. 1906, стр. 12.

[3]) В. Герье. Идея народовластія. М. 1904.

[4]) Въ чрезвычайно интересной книгѣ извѣстнаго жирондиста Бриссо (Nouveau voyage dans les Etats-Unis. Paris, 1791.) мы находимъ восторженную проповѣдь чистоты нравовъ и республиканскихъ добродѣтелей. Повсюду и вездѣ мы наталкиваемся на одинъ мотивъ: «Будьте нравственны!»—«Avez des moeurs!»—«Мы такъ же (какъ американцы) завоевали свою свободу... Надо поучиться у нихъ тайнѣ, какъ сохранить ее. Эта тайна, главнымъ образомъ, заключается въ нравахъ («Ce secret est surtout dans les moeurs») p I-II. Prél. Даже ограниченіе исполнительной власти мотивируется интересами личной морали гражданъ. «Они (республиканцы) хотятъ ограничить исполнительную власть, чтобы заставить людей быть добродѣтельными и не нуждаться въ ней совершенно».—«Принудительныя мѣры безчестятъ свободныхъ людей», поэтому, во имя морали, должны быть уничтожены. Идеалъ Бриссо—американская республика и античныя государства; онъ, однако, надѣется что воспитаніе «создастъ людей, которые превзойдутъ грековъ и римлянъ»; p. XX.

безвольно опускается все ниже и ниже, уступая, однако, не безъ отчаянной борьбы, мѣсто новому прогрессивному классу; и--чрезвычайно важно замѣтить—чѣмъ дольше продолжалась его власть въ ту пору, когда онъ пересталъ уже быть общественно необходимымъ, тѣмъ безвозвратнѣе и огромнѣе его паденіе [1]). Монархія, впрочемъ, можетъ еще долго существовать, послѣ гибели того общественнаго класса, на который она опиралась раньше· она можетъ взять на себя новую функцію—служить прикрытіемъ для силъ новаго, крѣпнущаго, но еще недостаточно окрѣпшаго класса, который находитъ въ ней послушную и заботливую няньку (какъ англійская монархія) или суроваго ментора, который въ зрѣломъ юношѣ продолжаетъ видѣть ребенка и мечетъ скорпіонами въ отвѣтъ на вольнолюбивыя желанія опекаемаго. Если отвѣтомъ на всякую попытку экономически-созрѣвшаго класса взять свою судьбу въ руки слѣдуетъ грозный окрикъ, а въ отвѣтъ на протесты, раздается команда: «Не жалѣть патроновъ!»—классъ медленно, но неуклонно начинаетъ революціонизироваться, монархія и самый принципъ ея становятся ненавистными въ глазахъ будущаго суверена, и, если его долго держали подъ прессомъ и дали созрѣть ему совершенно,—онъ сразу становится въ непримиримо-враждебное отношеніе къ монархіи; если къ тому-же онъ не боится новаго, ему антагонистическаго класса,—онъ создаетъ республику, и иногда приноситъ ей кровавыя жертвы (Франція—1789-95; Англія—1640-1660).

Такимъ образомъ, ростъ экономическаго суверенитета и возрастаніе общественной важности и значенія того класса, который его представляетъ, сопровождается революціонной самоотверженностью этого класса, господствомъ полныхъ самоотреченія соціальныхъ инстинктовъ въ качествѣ мотивовъ его поведенія. Напротивъ того, паденіе экономическаго суверена, его соціальная деградація и утрата юридическаго суверенитета, сопровождаются преобладаніемъ узко-себялюбивыхъ, холодно-эгоистическихъ чувствъ, въ качествѣ мотивовъ поведенія цѣлаго класса и отдѣльныхъ его членовъ [2]), и характеризуется

[1]) «Если рабство длилось вѣка,—говоритъ поэтъ,—распаденіе его будетъ ужасно чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа»...

[2]) То, что современная буржуазія уже дошла, повидимому, до этого предѣла, что мотивомъ поведенія ея членовъ является обнаженный грубо личный интересъ—даже въ ущербъ ея собственному государству, т. е. ея же классовому господству,—доказываетъ то «дѣловое кумовство (die geschaftliche Gevatterschaft), которое теперь существуетъ между помѣщичьимъ и военнымъ дворянствомъ—вплоть до императорской адъютантуры—съ одной стороны, и биржевыми волками (Börsenjobbern)—съ другой; это кумовство можетъ повергнуть въ глубокую опасность снабженіе арміи припасами на войнѣ». Fr. Engels Neue Zeit. 1905—6. Nr. 47. 15 Aug. 1906. S 683.

внутренней дезорганизаціей и расторженіемъ узъ классовой солидарности, внутренней слабостью класса и безъидейностью его политики.

Но общественная безполезность, соціальная атрофія класса рождаетъ не только идейную его деморализацію и враждебность интересамъ соціальнаго развитія,—за всѣмъ этимъ неизбѣжно слѣдуетъ классовый паразитизмъ и связанная съ нимъ узко-личная, своекорыстная борьба внутри класса. Общественный классъ становится паразитомъ, а партія, его представляющая, — кликой. Блестящей иллюстраціей къ этому замѣчательному соціальному явленію могутъ служить буржуазные республиканцы 48 г. во Франціи. Сыгравъ свою роль въ качествѣ «передовыхъ бойцовъ стараго общества противъ революціоннаго пролетаріата», они мало-по-малу «съ положенія партіи спускались до положенія клики. Это начало уже совершаться черезъ нѣсколько недѣль послѣ побѣды надъ пролетаріатомъ. Они смотрѣли на конституцію, какъ на большую интригу. Она должна была утвердить господство ихъ клики» [1]). Такимъ образомъ, переставъ быть необходимыми въ своей общественной роли, деградируя, какъ общественно-важная политическая партія, буржуазные республиканцы отнимали у своей борьбы ея принципіальный характеръ и превращали свою партію въ союзъ паразитически-настроенныхъ интригановъ, жаждавшихъ обогатиться лично за счетъ соціальной борьбы классовъ.

То же самое наблюдаемъ мы на англійскомъ дворянствѣ XVIII и начала XIX в.в., т. е. того времени, когда экономическій суверенитетъ рѣшительно и безповоротно сконцентрировался въ рукахъ англійской буржуазіи, между тѣмъ какъ англійскій парламентаризмъ представлялъ собою самодержавіе англійскаго дворянства. Припомнимъ, что послѣднее группировалось въ двѣ партіи: торіевъ и виговъ, т. е. съ одной стороны—сторонниковъ и защитниковъ феодальнаго хозяйства и абсолютной монархіи, съ другой—представителей капиталистическихъ пріемовъ земледѣлія и парламентаризма. Но, мало-по-малу, торіи вовлекались въ капиталистическую систему, овладѣвавшую англійскимъ сельскимъ хозяйствомъ, парламентаризмъ окончательно инкорпорировался въ англійскій государственный организмъ, и различія и борьба между вигами и торіями въ значительной степени ослабѣли. «И если, несмотря на это, продолжались разногласія между обѣими партіями, то причиной этого было лишь то обстоятельство, что государственное кормило давало слишкомъ мало простора для одновременной ихъ дѣятельности. Поэтому

[1]) К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи. Спб. 1905, стр. 45.

борьба въ парламентѣ все больше теряла принципіальный характеръ; она все больше сводилась къ интригамъ искателей, стремившихся къ чинамъ и почестямъ для того, чтобы получить возможность не управлять государствомъ по своему, а эксплуатировать его». (Каутскій) [1].—Таково же было положеніе юридически-суверенаго дворянства Англіи въ началѣ XIX в., т. е. наканунѣ утраты имъ своего юридическаго суверенитета, который послѣ избирательной реформы 1832 г. перешелъ въ руки буржуазіи, гдѣ и пребываетъ понынѣ. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ, что наканунѣ утраты классомъ юридическаго суверенитета или, по крайней мѣрѣ, раздробленія суверенитета между борющимися классами—угасающій суверенъ разрывается обезсиливающей внутренней борьбой представляющихъ его партій, нисходящихъ на степень кликъ, поскольку онѣ преслѣдуютъ интересы личностей, образующихъ клику, а не выдвигаютъ опредѣленный соціально-политическій принципъ. И здѣсь, слѣдовательно характернымъ признакомъ, сопровождающимъ деградацію юридическаго суверена, является преобладаніе узко-личныхъ расчетовъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ классъ.

Это преобладаніе личныхъ интересовъ, ихъ господство въ качествѣ мотивовъ поведенія въ общественной и личной жизни членовъ реакціоннаго класса, — создается, во-первыхъ, тѣмъ, что интересы того класса, къ которому они принадлежатъ, противорѣчатъ общему прогрессу, слѣдовательно, осуждены исторіей; поэтому пробуждающійся инстинктъ личнаго самосохраненія предостерегаетъ личность, входящую въ отживающій классъ, не связывать своей личной судьбы съ исторической судьбой своего класса и всего общества, прогрессъ котораго означаетъ потерю индивидуальнаго благосостоянія личности. Съ другой стороны, успѣхи ея класса, какъ цѣлаго, уже далеко не обезпечиваютъ ея личнаго благосостоянія; поэтому-то члены умирающихъ классовъ сухо-эгоистичны, оттого такъ холодна ихъ разсчетливость, и постоянный вопросъ: «Что мнѣ до этого?» не покидаетъ ихъ устъ. Побѣды, успѣхи, благо всего класса уже не совпадаютъ съ благомъ отдѣльной личности, въ него входящей; остается лишь—или поддерживать другой, даже антагонистическій классъ или бороться противъ товарищей по классу за свою долю въ обще-

---

[1]) «Землевладѣніе, несмотря на свое феодальное кокетство и расовую гордость, совершенно обуржуазилось въ процессѣ развитія современнаго общества. Тори въ Англіи долго проповѣдывали, что онѣ горѣли любовью къ королевской власти, церкви и старой англійской конституціи, но только до тѣхъ поръ, пока острый моментъ борьбы не вырвалъ у нихъ признанія, что они пылали любовью къ англійской рентѣ». К. Марксъ. 18-е брюмера Луи Бонапарта. М. 1906, стр. 39.

классовомъ продуктѣ и даже прямо создавать свое благополучіе за счетъ благосостоянія своихъ товарищей: такова психологія современнаго буржуа, таково психологическое содержаніе поклоненія суровой богинѣ буржуазной души—всемогущей всеразрушающей конкуренціи.

«Развитіе народовъ,—говоритъ Лассаль,—духъ исторіи съ давнихъ поръ приводятъ ко все большему и большему уничтоженію привилегій, гарантирующихъ высшимъ сословіямъ ихъ положеніе, какъ высшихъ, господствующихъ сословій. Поэтому, желаніе сохранить это положеніе или личный интересъ побуждаютъ каждаго члена этихъ сословій стать въ принципіально-враждебное отношеніе къ развитію народа, къ распространенію просвѣщенія и науки, къ успѣхамъ культуры, ко всѣмъ вѣяніямъ и побѣдамъ исторической жизни, разъ только они не возвысились, благодаря высокому пониманію, надъ своимъ личнымъ положеніемъ,—а вы знаете, господа, какъ рѣдки такіе люди. Это противорѣчіе между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину глубокой и неизбѣжной безнравственности высшихъ сословій». Обращаясь къ пролетаріату, Лассаль находитъ, что у него «къ счастью, нѣтъ этого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи». Поскольку же и здѣсь можно встрѣтить узко-личный эгоизмъ, надо помнить, что «здѣсь это порокъ индивидуальный, порокъ отдѣльныхъ, лицъ, а не необходимый порокъ всего класса. Уже простой инстинктъ подсказываетъ членамъ низшихъ классовъ, что, пока каждый изъ нихъ остается самъ по себѣ и заботится только о себѣ, онъ не можетъ надѣяться значительно улучшить свое положеніе.

Но когда низшіе классы общества стремятся къ улучшенію своей классовой участи, ихъ личный интересъ не только не сталкивается съ историческимъ движеніемъ и не осуждается, благодаря этому, на безнравственность, но, наоборотъ, совпадаетъ по своему направленію съ развитіемъ всего народа. Вы счастливы, господа, ибо вы не только не мертвы по отношенію къ идеѣ, но, наоборотъ, вашъ личный интересъ дѣлаетъ васъ въ высшей степени воспріимчивыми къ ней. Вы можете поэтому съ личной страстностью отдаться историческому развитію, будучи увѣрены, что чѣмъ ярче и глубже будетъ эта страсть въ указанномъ здѣсь чистомъ смыслѣ, тѣмъ нравственнѣе вы будете». (Ф. Лассаль. Сочиненія, т. I., стр. 29-30).

ГЛАВА V.

Сущность юридическаго суверенитета.

Установивъ основныя условія роста экономическаго суверенитета и симптомы деградаціи юридическаго суверена, мы можемъ вернуться къ центральному вопросу нашей работы: кому принадлежитъ юридическій суверенитетъ [1])?

Выше мы привели опредѣленіе юридическаго суверенитета у Трейчке: «Неизмѣннымъ содержаніемъ понятія суверенитетъ является право суверена самому опредѣлять объемъ своихъ верховныхъ правъ». Какъ мы уже сказали, юридическій суверенитетъ есть не только извѣстное право, но и сила осуществлять это право. Два общеизвѣстныхъ примѣра пояснятъ нашу мысль.

Извѣстно, что въ самый разгаръ революціоннаго кризиса 1640—1660 г.г. въ Англіи англійскій король Карлъ I весною 1646 г. бѣжалъ къ шотландцамъ. Послѣдніе, однако, выдали его Англіи. Такимъ образомъ, король сдѣлался плѣнникомъ своего народа; его, какъ узника, переводили изъ одного замка въ другой, причемъ мятежная армія не отпускала его отъ себя ни на шагъ. Такое положеніе короля, какъ плѣнника своей націи, продолжалось съ несущественными измѣненіями, до 6 января 1649 г., когда палата общинъ учредила надъ нимъ судебный трибуналъ, приговорившій его къ смерти.—Важно подчеркнуть, что юридически, по закону, положеніе короля совершенно не измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было въ 1625—1640 г., т. е. до революціи. лишь 24 января 1694 г., т. е. за недѣлю до казни короля, палата общинъ постановила, что только народъ, въ лицѣ палаты общинъ, является единственнымъ и верховнымъ творцомъ государственной жизни Англіи, а постановленія палаты общинъ не нуждаются въ согласіи лордовъ и короля. По существу, это было упраздненіемъ

---

[1]) Соотвѣтственно плану и характеру работы, мы не можемъ, къ сожалѣнію, остановиться на формально-юридической сторонѣ вопроса и освѣтить наше отношеніе къ тому извѣстному, исключительно отрицательному опредѣленію суверенитета, которое предлагается Г. Еллинекомъ и которое признаетъ суверенной государственной властью такую, которая «не знаетъ надъ собою никакой высшей власти». (Право соврем. государства Спб. 1903, стр. 312). Такое же, впрочемъ, опредѣленіе, отрицательный характеръ котораго только не подчеркнутъ авторомъ, находимъ мы у П. Лабанда (Paul Laband. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. B I. 1901. S. 53: «Die oberste höchste Rechtsmacht, welche keine andere über sich hat, nennen wir souverän»).

королевской власти (и этотъ фактъ скоро получилъ выраженіе въ особомъ законѣ), но нѣтъ сомнѣнія, что это было лишь узаконеніемъ той практики, которая и безъ этого закона опредѣляла политическую жизнь Англіи за этотъ періодъ безсилія короля, такъ какъ король-плѣнникъ фактически не могъ противиться рѣшеніямъ парламента, а палата лордовъ въ ту пору играла изумительно жалкую и ничтожную роль [1]). Но это-то и важно для насъ: король, въ теченіе своего двухлѣтняго узничества, по закону продолжалъ имѣть право на львиную долю юридическаго суверенитета, но не имѣлъ достаточно силы, чтобы воспользоваться этимъ правомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ онъ дѣлалъ это раньше, а насколько широки были эти размѣры,—объ этомъ шумитъ то море ярости и гнѣва, которое онъ успѣлъ поднять въ англійскомъ народѣ за 11 лѣтъ правленія безъ парламента. А между тѣмъ, и въ этотъ періодъ (1646—1648) юридически ему принадлежала та же самая доля въ суверенитетѣ, которою онъ пользовался въ 1625—1640 г.г., но, не имѣя силы осуществлять это право, онъ совершенно лишился его, и юридическій суверенитетъ фактически перешелъ къ парламенту; послѣдній-то и надо признать единственно-суверенным въ этотъ періодъ, такъ какъ и армія давно уже принадлежала ему, а не Карлу. И опять-таки юридическій суверенитетъ парламента опредѣлялся не только правомъ его опредѣлять объемъ своей власти (такого цѣлостнаго права у него и не было, ибо оно по закону принадлежало парламенту и королю, обоимъ вмѣстѣ), но и силой осуществлять это право и расширять его до чистаго воплощенія принципа народовластія: извѣстно, что въ 1649 г. Карлъ I, какъ государственный преступникъ, былъ приговоренъ къ смерти и казненъ, а черезъ недѣлю парламентъ отмѣнилъ королевское и всякое вообще единоличное правленіе, «какъ безполезное, тягостное и опасное» [2]).

То же самое произошло черезъ полтора столѣтія во Франціи. Въ 1789 г. Людовикъ XVI былъ юридически-суверененъ, т. е. ему во всей полнотѣ (а не только частью, какъ Карлу I) принадлежало право опредѣлять объемъ своей власти.

Видя, что Національное Собраніе революціонизируется съ каждымъ часомъ и поднимаетъ народъ, онъ рѣшилъ воспользоваться своей арміей и помощью иностранныхъ войскъ, чтобы окружить Собраніе, прервать его сообщеніе съ Парижемъ и

---

[1]) L. S. Gardiner. History of Commonwealth and Protectorate. V. I. London.

[2]) Эд. Бернштейнъ. Обществ. движ. въ Англіи XVII в. Спб. 1899.—Гизо. Исторія англійской революціи, т. II. Спб. 1860.—Gardiner. History of Commonwealth and Protectorate. Lond., V. I.

распустить. Но народъ предупредилъ его: 14 іюля 89 г. была взята Бастилія, Парижъ очутился во власти вооруженнаго народа, «народъ организовался въ настоящій укрѣпленный лагерь, составилъ инсуррекціонную коммуну, — и король былъ побѣжденъ» [1]). За Парижемъ поднялась вся Франція, и «вмѣсто Собранія, блокированнаго арміей наемниковъ, явилось Собраніе, защищаемое нѣсколькими милліонами вооруженныхъ французовъ. Вчера оно говорило печальнымъ тономъ оскорбленнаго достоинства и было одушевлено своего рода мужествомъ отчаянія; сегодня оно говоритъ и дѣйствуетъ, какъ верховный повелитель... Старыя привилегированныя корпораціи преклонились предъ величіемъ новой верховной власти..., какъ-бы принося ему дань уваженія отъ имени прошлаго. Города Франціи также явились принести ему дань уваженія отъ лица будущаго» (Оларъ, стр. 47).— Былъ ли въ этотъ моментъ суверененъ король?

Вѣдь юридически онъ былъ и оставался самодержцемъ, а могъ ли онъ «единолично опредѣлять объемъ собственныхъ верховныхъ правъ» (Трейчке) во время этихъ событій, «передававшихъ фактически верховную власть изъ рукъ короля въ руки народа и установившихъ во Франціи, благодаря муниципальной революціи, республиканскій порядокъ... въ формѣ тридцати тысячъ коммунъ, слившихся въ одну націю подъ реальной верховной властью французскаго народа»? Конечно, нѣтъ! «Это была,— говоритъ Оларъ, которому принадлежатъ и предыдущія строки,— это была какъ-бы зарождавшаяся унитарная республика, въ которой власть короля уже стала только номинальной». (Оларъ, стр. 48).—Извѣстно, какъ разрѣшилась эта борьба между обладателемъ «права», королемъ, и носителемъ силы и права, народомъ: «сила права» побѣдила «право силы», Національное Собраніе стало почти самодержавнымъ, и король, уличенный и обвиненный въ государственной измѣнѣ и предательскихъ сношеніяхъ съ иностранными государствами, возведенъ на эшафотъ, при крикахъ самодержавнаго народа· «Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ республика!» (Оларъ, стр. 451).

Эти два примѣра, лучше всякихъ общихъ разсужденій, убѣждаютъ насъ, что въ юридическомъ суверенитетѣ заключается не только право на извѣстныя государственныя функціи, но и *сила* осуществлять ихъ: безъ этой силы право превращается въ фикцію.

Но опредѣленіе Трейчке, помимо указанной неполноты, страдаетъ въ другомъ отношеніи чрезмѣрной общностью, совершенно не проникая въ самое существо юридическаго суверенитета и его соціально-политическое значеніе. Для насъ важно

---

[1]) А. *Оларъ*. Политич. истор. франц. революціи. М. 1902, стр. 46.

выяснить, во-первыхъ, классовую природу юридическаго суверенитета, во-вторыхъ, ту связь, которая существуетъ между экономическимъ и юридическимъ суверенитетомъ. Безъ отвѣта на эти два вопроса не можетъ быть исчерпывающаго и научно-пріемлемаго понятія юридическаго суверенитета.

Какъ же отвѣчаютъ факты на эти вопросы? Изучая теорію и практику классовой борьбы, мы скоро замѣтимъ, что организація и практика законодательной власти въ государствѣ является тѣмъ замѣчательнымъ «барометромъ политической атмосферы общества», который показываетъ, (но не объясняетъ), кто является юридическимъ сувереномъ въ странѣ. Какія же общія черты для опредѣленія юридическаго суверена даетъ намъ законодательство?

Преже всего, юридически-суверенный классъ характеризуется законодательной защитой его экономическаго суверенитета, т. е. классоваго господства. Во-вторыхъ, защита эта осуществляется чрезъ его собственныхъ представителей. Въ-третьихъ, юридическій суверенъ характеризуется не столько «правомъ опредѣлять объемъ собственныхъ верховныхъ правъ», сколько правомъ и силой опредѣлять объемъ правъ, предоставленныхъ другимъ классамъ и группамъ общества, слѣдствіемъ предыдущаго должны быть сила и способность юридическаго суверена проводить въ жизнь такіе законы и организовать вообще право такими способами, которые позволяли бы ему, въ случаѣ надобности, направлять право и итти въ разрѣзъ съ интересами другихъ классовъ.

Суверенна ли современная западно-европейская буржуазія?—Да, ибо законодательство защищаетъ ея экономическое господство, ибо эта защита осуществляется ея представителями въ парламентѣ, ибо отъ нея зависитъ дать или не дать права другимъ классамъ общества, отъ нея зависитъ объемъ этихъ правъ, она же можетъ, въ случаѣ необходимости, создавать законы, суды и администрацію, прямо направленные противъ другихъ классовъ общества.—Суверененъ ли пролетаріатъ?—Нѣтъ, ибо законодательство хотя и защищаетъ часто его интересы, хотя эта защита осуществляется при участіи и даже подъ давленіемъ его самого (Швейцарія и Америка) или его представителей (почти вся Европа), но третій чрезвычайно важный пробный камень суверенности отсутствуетъ: въ то время, какъ буржуазія обладаетъ всѣми силами и средствами, чтобы метать скорпіоны противъ пролетаріата—и въ видѣ законовъ, и въ лицѣ послушныхъ судовъ, и въ формѣ административныхъ распоряженій исполнительной власти,—пролетаріатъ не только не можетъ провести закона, прямо направленнаго противъ экономическаго и политическаго господ-

ства буржуазіи, но и не всегда можетъ сохранить за собою фактическое пользованіе тѣмъ объемомъ правъ, который ему представляется буржуазно-демократическимъ законодательствомъ (напр., право стачекъ, зачастую превращающееся въ фикцію).

Эти три коренныя черты, — правовая защита экономическаго суверена — черезъ собственныхъ представителей послѣдняго—вопреки интересамъ другихъ классовъ, объемъ правъ которыхъ опредѣляется юридическимъ сувереномъ,—эти черты являются капитальнѣйшими признаками и условіями юридическаго суверенитета: съ отсутствіемъ одной изъ нихъ, классъ перестаетъ быть суверенным, а поскольку какая-нибудь изъ этихъ чертъ слабо развита или атрофирована, классъ не обладаетъ цѣлостнымъ суверенитетомъ.

Поэтому, вопреки Трейчке и другимъ теоретикамъ суверенитета, [1]) предложенная схема суверенитета подчеркиваетъ и оттѣняетъ ту основную черту суверена, въ силу которой онъ обладаетъ силой и правомъ нарушать и опрокидывать интересы другихъ несуверенныхъ классовъ и опредѣлять, по своему усмотрѣнію, предѣлы ихъ политическаго вліянія и формы ихъ экономической зависимости; предложенная схема, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ изложеніемъ, должна обнаружить и доказать, что юридически-внѣклассовый характеръ всякаго юридическаго суверена является самой опасной иллюзіей, какую только создавалъ когда-либо замаскированный классовый гнетъ, что самой роковой ошибкой является мысль, будто въ современномъ парламентарномъ (или конституціонномъ)

---

[1]) Такъ, у Трейчке (Politik, B. I, S. 1, 299, 298), рядомъ съ трюизмами о расчлененіи общества на «сословія» (которыя, собственно, давно упразднены всѣми буржуазными революціями) — «Gesellschaft ist Gliederung», торжественно заявляетъ онъ,—рядомъ съ увѣреніями, что каждое изъ этихъ «сословій»—вѣрнѣе, классовъ—стремится достигнуть высшей силы (πλεονεξια)—S. 299,—мы наталкиваемся на мысль, что «государство, использовавъ наличное сословное расчлененіе общества, должно стать выше противоположности сословій («muss über dem Gegensatz der Stände stehen»).—И это говорится въ концѣ XIX ст., когда классовый характеръ самого государства, благодаря представительнымъ формамъ правленія, раскрылся съ особенной яркостью и силой! — Представленіе о надклассовомъ характерѣ государства не мѣшаетъ, впрочемъ, тому же Трейчке правильно оцѣнивать «политическіе взгляды (слѣдовательно, и политику самого государства?), лишь какъ выраженіе экономическихъ и соціальныхъ интересовъ» (ist nur der Ausdruck wirtschaftlicher und socialer Interessen)—Politik, S. 1.—Вообще, въ работѣ Трейчке можно найти много интересныхъ замѣчаній, но спокойному чтенію не мало мѣшаетъ отвратительный шовинизмъ и антисемитизмъ автора, прорывающійся наружу въ такихъ перлахъ, какъ «еврейская грязь, оскверняющая нашу жизнь» и пр. B. I, S. 293; 294—298.

государствѣ юридическій суверенитетъ не принадлежитъ цѣликомъ ни одному классу въ отдѣльности, а ихъ будто-бы органической совокупности, называемой націей; что защита, напр., рабочаго класса, въ самыхъ буржуазныхъ странахъ міра, подъ давленіемъ его самого и его представителей въ парламентѣ, съ ясностью будто-бы показываетъ, что буржуазія въ такой же мѣрѣ юридически-суверенна, какъ и пролетаріатъ.

Всякому, кто изучалъ теорію и практику буржуазнаго насилія, именуемаго современнымъ государствомъ,—кристаллически ясно, что законодательство суверенной буржуазіи, какъ и законодательство всякаго юридически-суверенаго класса можетъ защищать интересы другихъ несуверенныхъ классовъ, съ энтузіазмомъ, глубиной и искренностью, можетъ даже брать на себя иниціативу ихъ защиты, можетъ вести эту защиту въ ущербъ не только другимъ классамъ, раздѣляющимъ его суверенитетъ, но, на время, и въ ущербъ, повидимому, самому себѣ,—но это не будетъ ни въ коемъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ обозначать, что юридическій суверенитетъ, хотя-бы частью своей, принадлежитъ тому классу, интересы котораго такъ стойко и пламенно были защищены—и притомъ даже неоднократно защищены—законодательствомъ юридически-суверенаго класса. Болѣе того: законодательство не только можетъ принять направленіе, прямо благопріятное интересамъ несуверенаго класса, возвышающагося или угасающаго, но опредѣленно и открыто объявить эти интересы особо-важными, близкими сердцу юридическаго суверена и имѣющими право на особо-внимательную его защиту,—наконецъ, юридическій суверенъ можетъ взять на себя защиту несуверенаго класса, не только не будучи къ тому явно вынужденъ, но часто лишь въ силу якобы объективнаго, надклассоваго характера того органа, который осуществляетъ права юридически-суверенаго класса (монархъ или парламентъ),—все это ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ, что юридическій суверенитетъ принадлежитъ хотя-бы частью тому общественному классу, интересы котораго такъ соціально-важны и принимаютъ такое подавляющее значеніе въ законодательствѣ. Съ другой стороны, законодательство, направленное въ защиту несуверенаго класса, можетъ быть далеко не добровольнымъ: несуверенный классъ можетъ принудить юридическаго суверена вести законодательство въ извѣстномъ, его интересамъ отвѣчающемъ направленіи; этотъ классъ угрозами и своимъ экономическимъ значеніемъ можетъ заставить юридическаго суверена законодательствовать въ его пользу, — все это снова и снова не доказываетъ, что суверенитетъ принадлежитъ, хотябы на этотъ моментъ, юридически-несуверенному классу или

что суверенитетъ утраченъ, хотя-бы на время, дѣйствительнымъ юридическимъ сувереномъ. Одно это указываетъ намъ только на ростъ новаго общественнаго класса или, вообще говоря, разсматривая вопросъ со стаціонарной точки зрѣнія, на его фактическую силу въ данный моментъ.—Но, помимо того, и это гораздо важнѣе для пониманія природы юридическаго суверена,—законодательство въ пользу несувереннаго класса доказываетъ способность суверена приспособляться къ соціальному прогрессу и расти вмѣстѣ съ ростомъ своего антагониста и съ развитіемъ общества; это свидѣтельствуетъ о той мощи, которою онъ въ данное время обладаетъ и которая такъ велика, что всѣ уступки, всѣ заботы о другихъ классахъ, всѣ старанія суверениаго класса вести законодательство въ направленіи, соотвѣтствующемъ и интересамъ несувереннаго класса, и даже самая борьба не-суверена за право, въ рамкахъ господства суверена, — все это находитъ себѣ почву въ соціально-политической организаціи общества и въ законодательной дѣятельности юридическаго суверена. Это доказываетъ живучесть и творческую силу класса, которому историческія условія позволяютъ законодательствовать такъ, чтобъ привязать несуверенные классы къ тому соціальному строю, въ которомъ осуществляется его собственное экономическое и политическое господство, ибо соціальная сфера его господства, повидимому, вмѣщаетъ въ себѣ интересы всѣхъ классовъ и стремится защитить и удовлетворить ихъ въ полную мѣру ихъ соціальнаго значенія и въ полномъ согласіи съ общественнымъ прогрессомъ.

Вотъ отчего демократы, бѣшено схватываясь съ реакціонной буржуазіей въ парламентахъ за интересы крестьянъ и рабочихъ, въ сущности безконечно глубже и послѣдовательнѣе консерваторовъ: демократія играетъ роль соціальнаго масла, которымъ обливается поверхность бушующаго соціальнаго моря: пусть лучше мертвая зыбь, чѣмъ штормъ, съ опасностью крушенія; если кружится голова, это еще лучше: обездоленный и обдѣленный на общественномъ пиру забудетъ подумать, куда и въ чьихъ интересахъ несется общественный корабль, кому цѣль его — свѣтлый и радостный праздникъ, кому — тяжкое и мучительное похмѣлье на чужомъ и ненавистномъ пиру...

Вотъ отчего не только буржуазная демократія, но и наиболѣе дальновидные члены консервативныхъ партій понимаютъ и признаютъ рабочее движеніе, во всей его исторической необходимости и правотѣ, и идутъ ему навстрѣчу. «Они проснулись,—говоритъ о рабочихъ извѣстный прусскій консерваторъ, экономистъ Шмоллеръ,—они по праву требуютъ извѣстной части политическаго вліянія, вниманія къ ихъ интересамъ» (eine Berücksichtigung ihrer Interessen). Ихъ можно и должно пріобщить къ

культурной и политической жизни государства, и «въ этомъ,— говоритъ Шмоллеръ,— я, по крайней мѣрѣ, да и, пожалуй, большинство изъ нашей среды (wohl die meisten von uns) не видимъ никакого несчастья, — напротивъ, огромный прогрессъ» (einen ungeheuren Fortschritt), т. е. буржуазное общество оказывается, по ихъ мнѣнію, способнымъ претворить въ себѣ и ассимилировать съ основнымъ своимъ принципомъ—враждебную стихію рабочаго движенія, сдѣлать его ручнымъ и расчистить въ нѣдрахъ буржуазнаго строя мѣсто этому движенію, примирить его съ буржуазнымъ хозяйствомъ и заставить его участвовать въ его организаціи и защитѣ. Это-ли не прогрессъ [1])?

Вотъ отчего буржуазные демократы, говоря, что общество «эволюціонизуетъ» (въ ихъ смыслѣ), а не революціонизируется, говорятъ и думаютъ не столько о томъ, что въ дѣйствительности происходитъ, сколько о томъ, чего они хотятъ, что является ихъ идеаломъ, къ чему направлены ихъ карликовыя усилія, что является печальнымъ смысломъ ихъ существованія и значенія. Но буржуазія все меньше и меньше слушается ихъ, она ихъ третируетъ, и лишь въ такихъ буржуазныхъ странахъ, преуспѣвающихъ на благородномъ пути уловленія, развращенія и порабощенія рабочихъ массъ, какъ Америка и Англія, буржуазная демократія съ тріумфомъ выполняетъ ту работу политическаго и моральнаго закрѣпощенія рабочаго класса, которую тщетно желаетъ навязать буржуазная демократія — буржуазіи нѣкоторыхъ странъ европейскаго континента. Тамъ, въ Америкѣ и Англіи, законодательство порой такъ много печется объ интересахъ труда, что, дѣйствительно, закружится голова и привидится сладкій сонъ, будто юридическій суверенитетъ находится ве въ рукахъ буржуазіи, а въ полной и безраздѣльной собственности трудящихся массъ. Но одна защита законодательствомъ интересовъ какого-нибудь класса никогда и ни въ коемъ случаѣ еще не свидѣтельствуетъ о юридическомъ суверенитетѣ даннаго класса. Эта защита означаетъ лишь то, что она всецѣло совпадаетъ съ интересами классоваго господства юридическаго суверена, что она расширяетъ площадь его политическаго и экономическаго господства, что она дѣлаетъ это господство интенсивнѣе, продуктивнѣе и полнѣе, что она не только упрочиваетъ это господство для

[1]) Напомнимъ, что эти рѣчи принадлежатъ тому самому Шмоллеру, который, одобряя Бисмарка за законъ противъ соціалистовъ (1878—90), предложилъ тогда ссылать соц.-демократовъ въ Камерунъ (!). — См. А. Исаевъ. О соціализмѣ нашихъ дней. Штутгартъ, 1902; стр. 239. (Рѣчь Шмоллера цит. у П. Струве. Крит. замѣтки etc. Спб. 1894; стр. 163).

настоящаго, но удерживаетъ его и для будущаго и притомъ на гораздо болѣе длинный срокъ, чѣмъ это было бы при отказѣ отъ уступокъ [1]), что принципъ, «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», для совершенно несувереннаго, но имѣющаго великое будущее и сознающаго его класса (какъ германскій пролетаріатъ 70-хъ годовъ или французская буржуазія наканунѣ 1879 г.), является самымъ могучимъ орудіемъ и импульсомъ къ самой отчаянной, полной рѣшимости борьбѣ; что, вслѣдствіе этого, юридическій суверенъ предпочитаетъ растянуть свое господство на болѣе длинный срокъ, чѣмъ исчерпать его въ формѣ нѣсколькихъ необдуманно-дикихъ вакханалій, чтобъ потомъ проснуться — если проснуться — съ тяжкимъ чувствомъ безумно-расточительнаго прошлаго и сурово-карающаго настоящаго, съ печальнымъ напѣвомъ: «Heute muss ich dafur leiden, dass ich gestern glücklich war». (Heine). («Сегодня я тяжко страдаю, друзья, за то, что вчера былъ я счастливъ»).

Недаромъ величайшій теоретикъ принциповъ буржуазной морали и права, Іеремія Бентамъ, съ настойчивымъ убѣжденіемъ и силой повторялъ слова Сенеки-Эпикура: «Sic praesentibus utaris voluptatibus, ut futuris non noceas»! («Пользуйся удовольствіями настоящаго такъ, чтобъ не вредить удовольствіямъ будущаго»).

Поэтому, когда раздаются рѣчи о демократизаціи государственной власти, о мирномъ, естественномъ и постепенномъ захватѣ юридическаго суверенитета трудящимися классами,— только ревизіонисты могутъ вторить этимъ рѣчамъ. Соціалъ-демократія, поскольку она и по отношенію къ буржуазному государству желаетъ оставаться на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, должна помнить, что пока буржуазная демократія дѣлаетъ свои мирныя завоеванія въ парламентѣ, буржуазія, какъ указалъ Каутскій, изобрѣтаетъ новыя средства экономическаго и политическаго порабощенія рабочаго класса, и что—скажемъ больше— парламентская дѣятельность демократіи съ другой стороны— упрочиваетъ и расширяетъ политическое господство буржуазіи и крѣпость буржуазнаго строя, путемъ примиряющаго и развращающаго законодательства. Необходимо помнить, что всякая демократическая реформа, исходящая отъ самой буржуазіи или даже отъ ея демократіи, дѣлаетъ буржуазный строй болѣе

---

[1]) Подобное явленіе наблюдаемъ мы въ настоящую минуту (мартъ 1907) въ Англіи, гдѣ снова раздался старый (1894) призывъ Гладстона противъ палаты лордовъ. «Ending or Mending»—уничтоженіе или реформа палаты лордовъ. Какъ же поступили лорды? Они сами идутъ навстрѣчу угрозѣ палаты общинъ, объявившей имъ войну, и предупреждаютъ нападеніе: лордъ Ньютонъ вноситъ въ Палату лордовъ проекты ея реформы.

живучимъ и крѣпкимъ [1]), что только въ этихъ интересахъ и исключительно въ виду консервативной тенденціи буржуазно-демократическихъ реформъ, буржуазія и является демократичной— поскольку она демократична. Вотъ отчего, наряду съ призывомъ Бисмарка: «Schutz gegen die Banditen!» — «Защищайтесь отъ бандитовъ», т. е. соціалъ-демократіи,—мы слышимъ мягкія рѣчи желѣзнаго канцлера о готовности буржуазно-полицейскаго государства итти навстрѣчу «честнымъ стремленіямъ къ улучшенію судьбы рабочихъ, которое близко сердцу всѣхъ насъ» («die uns allen an Herzen liegt»), что, несмотря на опасность, грозящую отъ осуществленія соціалистическаго идеала, онъ, Бисмаркъ, «питалъ всегда горячее чувство и съ чуткимъ вниманіемъ прислушивался ко всякому улучшенію положенія рабочихъ классовъ, и то, что говорилъ ему Лассаль объ этомъ, было трогательно(!) и поучительно» («war ja anregend und lehrreich») [2]).

Дѣйствительно, «трогательно и поучительно»! Но кого обманутъ эти рѣчи, наканунѣ исключительнаго закона противъ соціалистовъ, въ устахъ того, кто создалъ знаменитый «Reptilienfond» для порабощенія и развращенія рабочаго движенія, чей полицейскій кулакъ и въ брюзжащей старости не уставалъ поражать все великое и славное, что есть въ германскомъ имени? Не ясно-ли, что эти фразы и практика, ими прикрываемая, служатъ лишь порабощенію рабочаго движенія и созданію, если можно такъ выразиться, полицейскаго соціализма, вродѣ нашей зубатовщины, которая должна была защитить самодержавіе отъ революціоннаго рабочаго класса.

Такова теорія и практика защиты интересовъ юридически-несуверенныхъ классовъ. Ясно, что наличность въ законодательной дѣятельности юридическаго суверена такого направленія, кото-

---

[1]) Bismarkreden (1847—1895); herausgegeben non Horst Kohl. Leipzig, 1899. S. 203.—Не менѣе любопытно и другое мѣсто этой славной рѣчи, которая носитъ бисмарковское названіе: «Schutz gegen die Banditen»(!!). «Я говорилъ объ этомъ (т. е. объ улучшеніи положенія рабочихъ) съ его величествомъ, который питаетъ естественное, врожденное чувство расположенія и заботы о судьбѣ рабочаго класса («ein natürliches angeborenes Wohlwollen und Fürsorger fur das Schicksal der arbeitenden Klassen»), и онъ далъ мнѣ для этого изъ своихъ личныхъ средствъ сумму денегъ. Ibid., S. 204.

[2]) «Съ 1780 по 1789 г. происходитъ въ феодальномъ мірѣ небывалое дотолѣ движеніе. Съ одного конца Франціи до другого, сеньёры стараются добиться укрѣпленія своихъ титуловъ, возобновленія «террье», или инвентарей, слѣдуемыхъ имъ крестьянскихъ службъ и платежей. Они извлекаютъ изъ старыхъ архивовъ старинныя обязательства, отъ вынужденія которыхъ благоразумно отказались ихъ предки» и т. д. Шерэ у М. Ковалевскаго. «Соціальное законодательство Конституанты», стр. 16. Сбор. Моск. Юрид. Общ.

рое защищаетъ интересы юридически-несуверениаго общественнаго класса, совершенно не отнимаетъ суверенитета у того класса, которому онъ принадлежитъ. Напротивъ, такое направленіе свидѣтельствуетъ о прочности этого суверенитета, оно создается въ интересахъ этой прочности, оно служитъ ей на срокъ, во много разъ большій того, въ теченіе котораго юридическій суверенъ могъ бы держать въ рукахъ власть, если-бы этого направленія не было. — Впрочемъ, послѣднее и исторически и логически немыслимо, и ниже мы увидимъ, почему.

Такая точка зрѣнія на законодательство въ пользу несуверенныхъ классовъ даетъ много бодрящихъ минутъ именно въ тѣ эпохи, когда поверхностному взгляду кажется, что дѣло соціализма терпитъ удары и встрѣчаетъ препятствія. Если современная буржуазія, становящаяся съ каждымъ годомъ реакціоннѣе и замышляющая перевороты сверху, чтобы удержать свою власть,— если буржуазія все менѣе и менѣе охотно соглашается на демократическія реформы и все свирѣпѣе направляетъ правительственные удары на пролетаріатъ,—то это не только не значитъ, что «соціализмъ въ опасности», напротивъ, это значитъ, что владычество буржуазіи на краю пропасти, что ея строй не вмѣщаетъ уже реформъ, которыя обезпечили бы пролетаріату сносное существованіе, что каждая реформа, проведенная въ интересахъ пролетаріата, бьетъ по смрадному стволу буржуазнаго господства, что это господство близко къ своему безвозвратному паденію. Противорѣчія борьбы — какъ много разъ доказывалось—предъ развязкой не притупляются, а обостряются: достаточно вспомнить свирѣпыя судороги русскаго самодержавнаго режима въ теченіе 1905—1906 г.г. или положеніе Франціи наканунѣ 1789 г. [1]).

До сихъ поръ мы говорили о защитѣ интересовъ несуверенныхъ классовъ. Совсѣмъ иной характеръ носитъ защита законодательствомъ правъ и преимуществъ юридическаго суверена. Здѣсь, въ этой защитѣ имѣется на лицо не только фактъ соотвѣтствія законодательства интересамъ извѣстнаго класса. Глубокая черта отличія этой защиты отъ защиты юридически-несуверениаго класса заключается въ томъ, что здѣсь прежде всего эта защита осуществляется самими представителями по-

---

[1]) Ср. взглядъ Маркса на борьбу буржуазныхъ теоретиковъ за націонализацію земли: «Это, — говоритъ онъ, — есть лишь соціализмомъ обшитая попытка — спасти классовое господство и фактически обновить его на еще болѣе широкомъ, чѣмъ сейчасъ, основаніи» (und in der That auf noch weiteren Basis als der jetzigen neu zu begründen).—Neue Zeit, 1905—6. Nr. 13.—K. Kautsky. Die Agrarfrage in Russland. S. 415.

кровительствуемаго класса.—Понятно, безъ поясненій, что чѣмъ выше и важнѣе экономическое значеніе юридически-суверениаго общественнаго класса, чѣмъ болѣе общественно необходимъ и цѣненъ классъ въ своей роли «класса-освободителя», — тѣмъ цѣлостнѣе и глубже совпадаютъ самое полное и широкое осуществленіе и защита его интересовъ съ интересами не только другихъ юридически-несуверенныхъ общественныхъ классовъ, но и съ интересами всего соціальнаго развитія. Поэтому онъ является застрѣльщикомъ и вождемъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ, не только общества, но и органа юридическаго суверенитета (напр., парламента), его выступленія будутъ встрѣчать самую единодушную поддержку, его господство будетъ рядомъ политическихъ побѣдъ, и представители его будутъ защищать его интересы безъ сопротивленія и помѣхи со стороны другихъ классовъ. Но, въ интересующемъ насъ отношеніи, картина не мѣняется и тогда, когда юридическій суверенъ начнетъ встрѣчать сопротивленіе, когда его законы начнутъ носить на себѣ печать урѣзывающихъ и ограничивающихъ тенденцій по отношенію къ интересамъ другихъ классовъ, противъ которыхъ они направлены, когда давленіе этихъ классовъ заставитъ его поступаться своими интересами. И въ этомъ случаѣ государственная власть была и остается въ рукахъ суверениаго класса, и, въ концѣ концовъ, передъ нимъ всегда открытъ выборъ — уступать или нѣтъ. Если онъ уступаетъ, то, очевидно, лишь потому, что уступить выгодно, выгоднѣе, чѣмъ вступать въ борьбу,—но не потому, что исходъ побѣды обѣщаетъ ему пораженіе или непосредственно угрожаетъ его господству. Суверенный классъ можетъ быть спокоенъ и за то и за другое, но онъ все-же уступитъ,—только потому и для того, чтобы обезпечить своему закону наибольшую силу и устойчивость, чтобы упрочить, расширить и удлинить свое господство. Могутъ замѣтить, что законъ мѣшаетъ ему иногда осуществлять свои интересы въ такой мѣрѣ и такимъ образомъ, какъ онъ хотѣлъ бы; но что такое законъ, какъ не созданіе его рукъ, и если законъ, мѣшающій ему, остается въ силѣ, а не отмѣняется, не значитъ-ли это, что законъ ему болѣе полезенъ, чѣмъ вреденъ, болѣе необходимъ, чѣмъ даже только желателенъ; если-же законъ, дѣйствительно, настолько мѣшаетъ ему, что измѣнившіяся условія или частныя потребности даннаго столкновенія требуютъ его отмѣны, не слѣдуетъ ни минуты сомнѣваться, что онъ или будетъ грубо нарушенъ одной изъ управляющихъ властей, кому и какъ удобнѣе, или онъ будетъ «законно» отмѣненъ, или обычный порядокъ отмѣны замѣнится чрезвычайнымъ (Zolltarif, 1901 г.).

Всѣ эти соображенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что основными признаками, опредѣляющими тотъ классъ или группу, ко-

торымъ въ данный моментъ принадлежитъ суверенитетъ, являются прежде всего два слѣдующихъ: во-первыхъ, направленіе законодательства въ данное время, соотвѣтствующее, главнымъ образомъ, интересамъ какого-нибудь опредѣленнаго общественнаго класса; во-вторыхъ, руководство этимъ законодательствомъ и защита этихъ интересовъ ведется представителями или самими членами того класса, интересы котораго имѣютъ подавляющее значеніе въ законодательствѣ даннаго времени.

Обратимся къ третьему признаку юридическаго суверена, признаку, котораго въ гораздо болѣе рѣзкой степени, чѣмъ двухъ предыдущихъ, лишены остальные, несуверенные классы: юридическій суверенъ обладаетъ силой и правомъ опредѣлять объемъ правъ, предоставленныхъ другимъ классамъ общества и можетъ, въ законодательной организаціи и защитѣ своего классоваго господства, итти противъ интересовъ другихъ классовъ, или грубо ихъ нарушая, или издавая законы, направленные на ихъ ограниченіе. Этотъ послѣдній признакъ настолько рѣзко и очевидно заключается въ самомъ существѣ юридическаго суверенитета, а современная практика буржуазнаго государства даетъ такъ много фактовъ, воплощающихъ этотъ признакъ, что намъ не будетъ стоить труда найти примѣры, иллюстрирующіе это положеніе.

На нашихъ глазахъ, всего 5 лѣтъ тому назадъ, германскій рейхстагъ провелъ увеличенныя таможенныя ставки на ввозимый иностранный хлѣбъ (такъ наз. Zolltarif, таможенный тарифъ). Несмотря на отчаянную борьбу соціалъ-демократіи и части свободомыслящихъ (покойный Рихтеръ съ другой частью боролся противъ соціалъ-демократіи) противъ проекта таможеннаго тарифа, несмотря на его явное противорѣчіе интересамъ широкихъ массъ, — феодально-буржуазный парламентъ, прорвавшись путемъ цѣлаго ряда грубѣйшихъ правонарушеній чрезъ обструкцію соц.-демократіи, принялъ этотъ ростовщическій законъ исключительно въ угоду кучкѣ феодаловъ, опредѣляющихъ направленіе законодательной дѣятельности «высокаго дома». Вотъ гдѣ заключается тайна юридическаго суверенитета: «Vae victis!» и «Beati possidentes!», которое такъ любилъ Бисмаркъ. [1])

Пойдемъ далѣе. Статистика показываетъ, что за послѣдніе 50 лѣтъ милитаризмъ въ Европѣ возрасталъ со страшной и

---

[1]) Напомнимъ, что и въ 1898 г. рейхстагъ отказался временно снять или хоть понизить хлѣбныя пошлины. А. Исаевъ. О соціализмѣ нашихъ дней. Штутгартъ, 1902; стр. 65.

небывалой силой (одинъ маринизмъ въ Германіи поглотилъ за 10 лѣтъ Вильгельмова царствованія вдвое больше денегъ, чѣмъ на него была истрачено въ десятилѣтіе, предшествовавшее этому славному царствованію) Ученые, философы, моралисты и политики исписали море чернилъ и потратили океанъ словъ, высчитывая и доказывая, что милитаризмъ является самымъ разнузданнымъ и безпощаднымъ бичомъ широкихъ народныхъ массъ и всего національнаго хозяйства—и что же? Буржуазія всѣхъ странъ и народовъ, въ безумной лихорадкѣ и съ неутолимой жадностью, увеличиваетъ свой военный бюджетъ, льетъ новыя пушки, строитъ грандіозные броненосцы, вооружаетъ стотысячныя арміи, превращаетъ современное «культурное» государство въ военный лагерь,—и для кого все это дѣлается?—Для той самой буржуазіи, которой некуда дѣвать богатствъ, доставляемыхъ ей милліонами эксплуатируемыхъ пролетаріевъ. Ей тѣсно у себя на родинѣ,—ей нужны рынки; она боится за прочность своего экономическаго и политическаго господства,—ей нужны новыя орудія порабощенія и гнета. Она всемогуща, ибо органъ юридическаго суверенитета, парламентъ,—созданіе ея рукъ, онъ повинуется ей, ея духъ витаетъ надъ нимъ,--и она можетъ не только сама охранять свои интересы, на ея сторонѣ и сила и право вторгаться въ сферу какихъ-угодно чужихъ интересовъ, порабощать ихъ своимъ цѣлямъ и поступать вопреки имъ, когда это ей выгодно.

Цѣлый рядъ другихъ областей экономической и политической жизни буржуазнаго государства даетъ намъ ту же картину: вездѣ законодательство, осуществляемое представителями господствующаго класса, не только заботливо защищаетъ его интересы, но и прямо направлено въ ущербъ и вопреки интересамъ широкихъ народныхъ массъ, разъ это выгодно суверенной буржуазіи.

Таковы законы, касающіеся налогового обложенія, которое всей тяжестью ложится на плечи трудящихся массъ, благодаря системѣ косвенныхъ налоговъ; таково коалиціонное право, предоставляющее буржуазіи самую широкую и безпрепятственную свободу организаціи и всячески затрудняющее организацію рабочаго класса; таковы законы о стачкахъ, провокаціонная практика администраціи и циническое насиліе буржуазныхъ судовъ: администрація провоцируетъ «безпорядки» среди стачечниковъ, чтобы подавить стачку разстрѣлами и арестами, а суды перегибаютъ вѣсы правосудія въ сторону буржуазіи, когда этого нельзя предоставить сдѣлать закону; таково избирательное право, съ цѣлымъ рядомъ ограниченій и искаженій его всеобщаго, прямого и равнаго характера,—если таковой юридически существу-

етъ; тому же служитъ буржуазно-аристократическая верхняя палата, ничтожный культурно-просвѣтительный бюджетъ, сравнительно съ военнымъ и морскимъ и т. д. и т. д.—сколько можно привести подобныхъ принциповъ и законовъ, прямо или косвенно направленныхъ противъ несуверенныхъ классовъ! [1])

Удивительно ли, что Вильгельмъ II, закрывая рейхстагъ сессіи 1893-1898 г. г., въ своей тронной рѣчи выражалъ ему благодарность за содѣйствіе правительству? И въ самомъ дѣлѣ, говоритъ «Vorwärts», есть всѣ условія, чтобы правительство было довольно дѣятельностью большинства. Оно ревностно поддерживало всѣ требованія относительно увеличенія расходовъ на войско и флотъ; оно усердно черпало изъ кармановъ народа и позволяло правительству неограниченно распоряжаться народнымъ имуществомъ и народной кровью.... Рейхстагъ выдалъ огромныя суммы для непроизводительныхъ расходовъ и намѣтилъ новые косвенные налоги... Движеніе въ Кіаучау прославляется, какъ великое культурное завоеваніе; но германскій плательщикъ податей чувствовалъ до сихъ поръ благословеніе этихъ колоніальныхъ предпріятій только въ томъ, что далъ правительству налогами нѣсколько лишнихъ милліоновъ. Дѣлаются ссылки на миролюбивую внѣшнюю политику, на мирныя отношенія ко всѣмъ народамъ, а вооруженіе идетъ повсюду полнымъ ходомъ, и Германія стоитъ во главѣ милитаризма. Тронная рѣчь вовсе не упоминаетъ о хозяйственномъ и соціальномъ законодательствѣ. И не мудрено: рейхстагъ, занимаясь только военными и колоніальными вопросами, потерялъ всякую воспріимчивость ко внутреннимъ преобразованіямъ... Наконецъ, во всей тронной рѣчи нѣтъ ни слова о законахъ, ограждающихъ работниковъ... Можно поэтому сказать, что дѣятельность въ направленіи соціальной реформы совершенно замерла [2]).

---

[1]) Насколько конституціонный строй служитъ потребностямъ замаскированнаго классоваго гнета и не позволяетъ управляемымъ классамъ понять, кто является истиннымъ сувереномъ,—могутъ лучше всего передать цѣнныя показанія одного изъ первыхъ борцовъ съ русскимъ самодержавіемъ—П. И. Пестеля: «Я находилъ,—пишетъ онъ въ своихъ показаніяхъ,—что во Франціи и Англіи конституціи суть однѣ только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ, какъ въ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность, хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но за то и не можетъ такъ скоро худое исправить; что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала». Былое, февр. 1906, стр. 137.

[2]) А. Исаевъ. О соціализмѣ нашихъ дней. Штутг., 1902, стр. 249. Исаевъ ставитъ и рѣшаетъ интересный вопросъ: «часто ли принимаетъ парламентъ предложенія соціалистовъ?» Отвѣтъ не трудно предвидѣть:

Таковы факты. Для того, чтобы интересующая насъ основная черта юридическаго суверена, его способность поступать въ разрѣзъ съ интересами несуверенныхъ классовъ, выступила особенно ярко и рѣзко, — попытайтесь представить себѣ положеніе обратное: вообразите, что законодательство идетъ противъ юридическаго суверена такъ, какъ оно въ дѣйствительности идетъ противъ несуверенныхъ классовъ. Можетъ-ли это быть? Можетъ-ли процвѣтать академическая свобода, широкое и независимое мѣстное самоуправленіе, независимый судъ, свобода прессы, союзовъ, собраній, стачекъ и пр. и пр. въ самодержавномъ государствѣ? Возможно-ли такое положеніе, когда феодально-буржуазный парламентъ проводитъ законъ, по которому союзы предпринимателей или «локауты» будутъ караться уголовнымъ закономъ, а соціалистическіе союзы или широко-организованныя стачки рабочихъ будутъ поддерживаться и поощряться правительственными войсками и субсидіями?— Декабрьскій разгромъ русской революціи и разстрѣлы стачечниковъ во Франціи, Америкѣ, Бельгіи, Италіи (лѣто 1906 г.) и другихъ странахъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы.

Итакъ, три признака опредѣляютъ принадлежность юридическаго суверенитета тому или иному классу или группѣ: 1. Направленіе законодательства въ защиту интересовъ опредѣленныхъ экономически-господствующихъ общественныхъ классовъ. 2. Непосредственное руководство законодательствомъ и проведеніе законодательныхъ актовъ самимъ заинтересованнымъ классомъ или его представителями. 3. Сила и способность представителей этого класса опредѣлять объемъ правъ другихъ классовъ, организовать все дѣйствующее право вообще и проводить такія законодательныя мѣры, которыя рѣзко и рѣшительно противорѣчатъ интересамъ другихъ классовъ, не только въ области экономической, поскольку ослабляетъ ихъ экономическую силу и способность къ экономической борьбѣ, но—что является наиболѣе рѣшительнымъ признакомъ юридическаго суверенитета—мѣры, направленныя на отмѣну или ограниченія политическихъ правъ другихъ классовъ. Соединяя всѣ эти признаки въ одно опредѣленіе, мы найдемъ, что юридическій суверенитетъ принадлежитъ тому классу, который непосредственно, самъ или черезъ своихъ представителей, можетъ защи-

---

«соціалисты, несмотря на энергичную и искусную дѣятельность въ парламентѣ, остаются обыкновенно въ меньшинствѣ... самыя лучшія рѣчи ихъ представителей имѣютъ мало вліянія на измѣненія въ законодательствѣ». Op. cit., стр. 395.

щать свои интересы въ законодательныхъ мѣрахъ, противорѣчащихъ не только экономическимъ, но и политическимъ интересамъ другихъ классовъ, ему враждебныхъ [1]).

---

[1]) Яркую характеристику основныхъ чертъ развитого и законченнаго юридическаго суверенитета даетъ Ликокъ (L e a c o c k), очерчивая границы, вѣрнѣе безграничность, власти англійскаго парламента: «Парламентъ является абсолютнымъ законнымъ сувереномъ. Каждый законъ, который парламентъ найдетъ удобнымъ создать,—ipso facto является дѣйствительнымъ закономъ (a valid law). Не существуетъ никакого (законнаго) ограниченія объема его юрисдикціи. Ни одинъ британскій судъ, палата, присутствіе вообще не можетъ сомнѣваться въ дѣйствительности статута, надлежащимъ образомъ прошедшаго чрезъ парламентъ. (Легально) онъ совершенно не ограниченъ обычаемъ, законодательствомъ прошлаго, или какими-нибудь писанными документами (Magna Carta и т. д.), хотя-бы они составляли часть британской конституціи (which may be said to form part of British Constitution). Ни одинъ отдѣльный гражданинъ не имѣетъ ни одного такого (законнаго) «права», котораго не могла бы аннулировать суверенная власть парламента; ни одна мѣстная корпорація или колонія не имѣетъ полномочій въ сферѣ самоуправленія (any powers of self-government) которыхъ бы не могъ уничтожить актъ парламента». Prof. S t e p h. L e a c o c k. Elements of political science. Lond. 1906, p. 57 (The Sovereignty of the State).

ОТДѢЛЪ III.

Экономическій и юридическій суверенитетъ.

ГЛАВА I.

Соотношеніе между экономическимъ и юридическимъ суверенитетомъ.

Выяснивъ природу экономическаго и юридическаго суверенитета, обратимся снова—на этотъ разъ и съ принципіальной и съ фактической стороны — къ вопросу о связи между экономическимъ и юридическимъ суверенитетомъ.

Исторія роста фактическаго суверенитета съ рѣшительной ясностью указываетъ на тотъ фактъ, что чѣмъ распространеннѣе и значительнѣе, въ смыслѣ важности, извѣстный способъ производства,—тѣмъ полнѣе фактическая власть, находящаяся въ рукахъ того класса, который руководитъ этимъ производствомъ, что фактическій суверенитетъ находится въ рукахъ того общественнаго класса, который руководитъ экономически-господствующимъ способомъ производства, т. е. фактическій суверенитетъ опирается на то, что мы назвали экономическимъ суверенитетомъ. Точно также и юридическій суверенитетъ долженъ принадлежать тому классу, въ рукахъ котораго находится руководство и организація политической власти. Вѣрные духу Марксова ученія, мы должны предположить, что этотъ юридическій суверенитетъ опирается на фактическое господство въ области производственныхъ отношеній и долженъ принадлежать экономическому суверену. Что же отвѣчаетъ на это предположеніе исторія?

Повидимому, положительно. Въ средніе вѣка феодалы являлись организаторами и руководителями производства, — и они

были государями въ своихъ земляхъ, они обладали суверенитетомъ [1]); въ силу того же, католическая церковь, въ средніе вѣка владѣвшая землями трети тогдашняго христіанскаго міра, была суверенна въ своихъ владѣніяхъ, ибо она была единственнымъ организаторомъ производства въ этихъ земляхъ; королевская власть, централизовавшая и организовавшая производство въ интересахъ широкаго и свободнаго товарнаго обращенія, въ силу своего положенія, въ качествѣ верховнаго организатора хозяйства, была суверенна во времена абсолютной монархіи, въ наше время буржуазія, являющаяся фактической руководительницей производства, обладаетъ юридическимъ суверенитетомъ.

Все это, повидимому, вѣрно. Однако, вглядимся глубже въ эти факты; мы до сихъ поръ разсматривали ихъ, какъ стаціонарныя явленія: экономическій суверенитетъ принадлежитъ феодаламъ, церкви, королю, буржуазіи, — юридическій суверенитетъ также принадлежитъ соотвѣтственно каждой изъ этихъ общественныхъ силъ. Разсмотримъ тѣ же явленія, слѣдя за ними, какъ за процессами.

Правда, что феодалы обладали юридическимъ суверенитетомъ въ силу своего фактическаго суверенитета, какъ руководители производственнаго процесса. Но послѣ того и по мѣрѣ того, какъ они теряли свое фактическое значеніе, по мѣрѣ того, какъ они переставали быть экономически-необходимыми,—развѣ юридическій суверенитетъ не принадлежалъ имъ больше? Развѣ короли, послѣ того, какъ ихъ централистская и организаціонная работа была уже закончена и національныя государства могли развиваться сами по себѣ, безъ опеки надъ ними королевской власти, которая съ пользой для ихъ развитія могла быть замѣнена мощнымъ контролемъ всенароднаго парламента, — развѣ короли, утерявъ экономическій суверенитетъ, не имѣли еще въ рукахъ юридическаго суверенитета? А католическая церковь, развѣ господство ея не было невыносимымъ игомъ уже въ срединѣ среднихъ вѣковъ, а расшатка ея была закончена лишь ко времени реформаціи, и то не повсюду и не вездѣ одинаково цѣлостно и рѣшительно? И вообще говоря, не можетъ ли экономически-угасающій общественный классъ пользоваться фактическимъ суверенитетомъ и оставаться на своихъ организаторскихъ мѣстахъ и послѣ утраты юридическаго суверенитета?

На всѣ эти вопросы исторія отвѣчаетъ самымъ рѣшительнымъ и положительнымъ образомъ: исторія знаетъ такіе

[1]) «Cascuns barons est sovrains en sa baronnie» (каждый баронъ суверененъ въ своей баронии). Баронъ, кромѣ права суда и законодательства, имѣлъ право взимать налоги, набирать отряды для войны и пр. S. M. Seydel. Allgemeine Staatslehre. S. 41. — Г. Еллинекъ. Право совр. госуд. Спб. 1903, стр. 293 и сл.

моменты, ихъ не мало, и они далеко не коротки, когда юридическій суверенитетъ не предполагаетъ фактическаго, и, наоборотъ, когда фактическій суверенитетъ далекъ отъ того, чтобы воплотиться въ юридическій. Какъ объяснить это?

Конечно, введя понятіе исторической инерціи, столь свойственной такимъ, по существу консервативнымъ институтамъ, какъ право, и въ особенности государственное право, покоющееся на «основныхъ», мало поддающихся воздѣйствію жизни и особо отъ нея огражденныхъ, законахъ [1], — введя это понятіе, мы, конечно, подойдемъ къ рѣшенію вопроса, но далеко еще не разрѣшимъ его. Точно также не разрѣшитъ вопроса и ссылка на энергію классоваго интереса, заставляющаго юридическаго суверена цѣпко и упорно держаться за власть, — съ одной стороны, и общее замѣчаніе о трудности завоеванія юридическаго суверенитета. Здѣсь рѣчь идетъ не столько о желаніяхъ и опасностяхъ, ведущихъ къ извѣстной цѣли, или отклоняющихъ отъ нея, сколько о силахъ, позволяющихъ осуществить эти желанія, о средствахъ устранить эти опасности, пренебречь ими или даже рѣшимости итти имъ навстрѣчу и побѣдить ихъ во что бы то ни стало. Именно съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ поставленный вопросъ: какія силы создаютъ и поддерживаютъ несоотвѣтствіе между фактическимъ и юридическимъ суверенитетомъ.

Каутскій выставилъ, какъ существенно-характерную черту монархіи то, что средствомъ ея господства и цѣлью ея политики является стремленіе «сохранить равновѣсіе между классами, не отдавая ни одному изъ нихъ слишкомъ значительнаго преимущества»; поэтому «монархія сильнѣе всего тогда, когда силы различныхъ классовъ взаимно уравновѣшиваются, и эти классы ослабляютъ другъ друга [2]).

Но этотъ важный многообъясняющій законъ политической борьбы есть лишь частный выводъ изъ болѣе важнаго и многообъемлющаго закона соціальной борьбы: всякій юридически - суверенный общественный классъ стремится не только черезъ законодательство, но и фактическимъ вмѣшательствомъ въ соціальную борьбу, насколько это отъ него зависитъ, установить и сохранить равновѣсіе между борющимися классами, чтобы усилиться за счетъ ихъ взаимноослабляющей борьбы, ревниво слѣдя за успѣхами каж-

[1]) «Эта неподвижность, въ общемъ, тѣмъ больше, чѣмъ централизованнѣе государственная власть». К. Каутскій. Республ. и соц.-демократія, стр. IV.

[2]) К. Каутскій. Op. cit., стр. 4. Ср. юридическую конструкцію монархіи у Еллинека, op. cit., стр. 447—474.

даго изъ нихъ и самоотверженно помогая слабѣйшему. Вотъ отчего бонапартизмъ поддерживалъ рабочихъ противъ буржуазіи [1]), а англійскіе землевладѣльцы начала XIX в. сперва помогали рабочимъ противъ буржуазіи, а потомъ соединились съ буржуазіей, чтобы лишить рабочій классъ избирательныхъ правъ. Вотъ отчего французскіе короли поддерживали буржуазію до 1388 г., когда города и крестьянство поддерживали революцію; потомъ стали покровительствовать дворянству; затѣмъ снова буржуазіи и, наконецъ, послѣ Фронды—дворянству. Въ силу того же закона, современныя феодально-буржуазныя правительства покровительствуютъ и поддерживаютъ мелкое производство противъ пролетаріата; наконецъ, англійское феодальное дворянство въ XIII—XIV в.в. опиралось на города противъ королей.

Такимъ образомъ, всякій юридическій суверенъ стремится упрочить свое господство раздѣленіемъ и борьбой, которыя онъ вызываетъ между общественными классами. Онъ стремится разорвать ихъ возможный союзъ поддержкой одного противъ другого. Съ особенной силой эта политика дѣйствуетъ не только по отношенію къ цѣлымъ классамъ, но, что очень важно,—по отношенію къ фракціямъ одного и того же класса: таковы рабочая аристократія, лелѣемая буржуазнымъ законодательствомъ (Англія); финансовая аристократія, поддерживаемая монархіей (іюльская монархія во Франціи); мелкое крестьянство, покровительствуемое феодалами въ борьбѣ съ земледѣльческимъ пролетаріатомъ (прусское юнкерство).

Взглянемъ съ этой точки зрѣнія на борьбу между феодализмомъ и королевской властью въ Германіи XV и XVI в.в. Юридически-суверенное дворянство въ борьбѣ съ князьями, правда, главнымъ образомъ, опиралось на свою военную

---

[1]) Слѣдуетъ также замѣтить, что отчасти изъ тѣхъ же побужденій Бисмаркъ создалъ свой знаменитый рептильный фондъ: то была, конечно, раньше всего государственная зубатовщина, и, подобно русской, имѣла цѣлью прежде всего деморализовать, и въ концѣ концовъ, ослабить рабочее движеніе, съ его политической задачей борьбы противъ существующаго политическаго строя. Но поскольку эта зубатовщина поддерживала экономическую борьбу, поскольку, такимъ образомъ, она имѣла цѣлью ослабить и буржуазію, принудить ее быть покорнѣе по отношенію къ правительству, помощь котораго ей была необходима въ этой борьбѣ,—постольку и здѣсь поддержка (хотя и фиктивная) одного класса (рабочаго) противъ другого (буржуазіи) была обычнымъ пріемомъ политики правительства: Iuva et impera! Помогай и властвуй! — Но, конечно, вульгарной ложью является утвержденіе германскаго либерализма, что «Бисмаркъ воспиталъ рабочее движеніе».—Рабочее движеніе выросло, несмотря на рептильный фондъ, который его ослаблялъ, а не благодаря ему. «Этой ложью,—говоритъ «Neue Zeit» о Рихтерѣ,—онъ политически жилъ, отъ этой лжи онъ политически умеръ». Neue Zeit. 1906. Nr. 25.

и экономическую силу, но этимъ не исчерпывались шансы его борьбы. Къ началу XVI в. дворянство раздѣляется на двѣ рѣзко различныя части, высшее и низшее. Въ то время, какъ низшее дворянство, чтобы воскресить свой угасающій суверенитетъ, поддерживаетъ крестьянство и вмѣстѣ съ нимъ участвуетъ въ возстаніи 1525 г., высшее дворянство заключаетъ союзъ съ князьями, подчиняется имъ и «продаетъ свою самостоятельность, чтобы тѣмъ прочнѣе укрѣпить свое господство надъ крестьянствомъ» [1]). Низшее дворянство было побѣждено, ибо связало свою судьбу съ реакціоннымъ принципомъ крестьянства [2]), высшее—надолго удержало свое привилегированное положеніе, такъ какъ соединилось съ прогрессивнымъ тогда принципомъ княжеской власти. Такимъ образомъ, союзъ юридически-суверенаго дворянства съ князьями съ одной стороны, и низшаго, теряющаго власть дворянства съ закрѣпощеннымъ крестьянствомъ—съ другой,—есть не что иное, какъ попытка юридически еще суверенаго, но фактически теряющаго подъ собою почву, общественнаго класса удержать суверенитетъ, опираясь на фактическую силу другого класса, руководя имъ или подчиняясь ему, но единственно въ цѣляхъ удержать ускользающую власть.

Между тѣмъ возникающій и усиливающійся юридическій суверенитетъ княжеской власти, сперва распространявшійся лишь на собственныя феодальныя владѣнія князя и ничѣмъ по существу не отличавшійся отъ суверенитета феодальныхъ бароновъ [3]), сталъ понемногу расти, но князья въ Германіи и короли во Франціи стали вести борьбу не одиноко, а вскармливая, воспитывая и усиливая врага феодализма и феодальнаго дворянства, въ лицѣ буржуазіи. Вооружая ее противъ дворянства, давая ей права и вольности, усиливая ее за счетъ суверенитета феодаловъ, королевская власть во Франціи довела буржуазію до той мощи, которая сдѣлала ее фактически-равной—по своему экономическому значенію—съ феодальнымъ дворянствомъ [4]); скоро

---

[1]) К. Каутскій. Обществ. движеніе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи, подъ ред. Базарова и Степанова. Спб. 1901, стр. 331—2.

[2]) Знаменательный фактъ, что города отказались вступить въ союзъ съ Зикингеномъ, вождемъ возстанія, на съѣздѣ представителей городовъ въ Шпейерѣ. Фр. ф.-Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. Т. I. Спб. 1900, стр. 441. См. также чрезвычайно интересныя данныя объ этой эпохѣ у Gottlob Egelhaaf. B. I. (1517 — 1526) Stutg. 1887. K. Hartfelder, Zur Geschichte des Bauernkrieges in Sudvestdeutschland. Stutg. 1884 и Ф Энгельсъ. Крестьянская война въ Германіи.

[3]) «Отбросивъ всякія фантазіи и изслѣдуя только факты, мы найдемъ, что королю была подвластна только часть—и очень маленькая часть нынѣшней Франціи». Огюстъ Тьерри. Городскія коммуны во Франціи. Спб. 1901, стр. 5 и сл. О томъ же у Г. Еллинека. Право совр. госуд., стр. 294 и сл.

[4]) Горячія возраженія Тьерри противъ этого взгляда относятся лишь къ опредѣленной исторической эпохѣ, но не исчерпываютъ общаго во-

она переросла его по своей экономической роли, и тогда королевская власть, которая и раньше охотно усиливала лишь экономическую силу буржуазіи, но крѣпко держала въ рукахъ суверенитетъ,—въ виду угрожающаго роста ея, начала постепенно отнимать у нея всѣ тѣ права, которыя могли столкнуться съ полновластіемъ монархіи· королевская власть вооружила буржуазію, она же энергично взялась за ея политическое разоруженіе, ибо экономическаго роста буржуазіи удержать ужъ было невозможно. Наряду съ правовыми ограниченіями буржуазіи шло фактическое вооруженіе дворянства, но тоже не суверенными правами, не долей участія въ отправленіи суверенитета, а результатами національнаго богатства, привилегіями въ занятіи видныхъ мѣстъ, т. е. та же эксплуатація—черезъ поборы и высокое содержаніе—національнаго богатства,—однимъ словомъ, можно сказать, перефразируя слова Маркса о 48-мъ годѣ, что было организовано акціонерное предпріятіе, носившее имя абсолютной монархіи, верховнымъ организаторомъ и пайщикомъ котораго былъ король, а беззаботными акціонерами—дворяне. Королевская власть довела буржуазію и дворянство до нѣкоторой степени экономическаго равенства—дальнѣйшая исторія 17 и 18 в.в. есть, какъ выражается по аналогичному поводу Энгельсъ, балансированіе монархіи между феодальнымъ дворянствомъ и буржуазіей.

Но въ же время экономическій ростъ буржуазіи, какъ сказано, не прекращался: онъ шелъ crescendo, не останавливаясь, а доступъ къ юридическому суверенитету былъ закрытъ ей рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо Генеральные штаты съ 1614 г. не созывались, король становился все самовластнѣе, роскошь возрастала, фактическое могущество буржуазіи—въ такой же мѣрѣ, но объ участіи ея въ юридическомъ суверенитетѣ не было и рѣчи. Почему же, какъ мирилась буржуазія до 1789 г. съ такимъ положеніемъ, отчего она, овладѣвшая по крайней мѣрѣ, за 100 лѣтъ до революціи фактическимъ суверенитетомъ, не овладѣла на 100 лѣтъ раньше юридическимъ суверенитетомъ? Отвѣтъ на

проса о роли монархіи въ усиленіи французской буржуазіи. Его доводамъ мы противопоставимъ чрезвычайно интересный фактъ, установленный А. Оларомъ. «Рѣшивъ вернуться къ той политикѣ, которая была источникомъ удачи и могущества Капетинговъ, онъ (Люд. XVI), повидимому, задумалъ опереться на третье сословіе, чтобы этимъ способомъ поддержать свою поколебленную власть». Правительство содѣйствовало распространенію «произведеній, содержавшихъ самыя рѣзкія обвиненія противъ дворянства» (чтобы сдѣлать его громоотводомъ народнаго гнѣва и раздраженія противъ монархіи). «Въ первые мѣсяцы 1789 г. ничто не позволяло предвидѣть, что въ іюнѣ Людовику XVI придется взять сторону привилегированныхъ противъ народа».—А. Оларъ. Внутр. ист. фр. рев. М. 1906, стр. 9.

этотъ вопросъ даетъ намъ соціальное законодательство Франціи за 17 и 18 в.в. Наряду съ рѣшительнымъ недопущеніемъ къ юридическому суверенитету, оно ревностно и бережливо охраняетъ экономическіе интересы буржуазіи, т. е. источникъ обогащенія королевской казны и «дырявыхъ кармановъ» феодаловъ и духовенства. И хотя эта охрана и защита интересовъ буржуазіи (конечно, подъ контролемъ королевской бюрократіи), въ свою очередь, усиливала фактическое значеніе буржуазіи и создавала и увеличивала до невѣроятныхъ размѣровъ бьющее въ глаза противорѣчіе между экономической и политической силами буржуазіи и дворянства,—но—что насъ приближаетъ къ рѣшенію поставленной задачи—все это реформаторское законодательство настолько энергично защищало интересы буржуазіи, что у нея не было тѣхъ могучихъ экономическихъ импульсовъ, которые только и способны толкать классъ къ непримиримой борьбѣ за юридическій суверенитетъ. Естественно, что такое реформаторство удовлетворяло буржуазію лишь до извѣстнаго момента—именно до того, пока ея ростъ не заставилъ трещать по всѣмъ швамъ тотъ дѣтскій костюмъ, который сшила для нея королевская власть. Реформы были лишь заплатами, иногда очень удачными и своевременными, но сама ткань повсюду и вездѣ рвалась и требовала обновленія, и самое лихорадочно-дѣятельное законодательство [1]) не могло бы обновить ветхаго платья: оно только убѣдило бы, что дѣло дошло уже до того, что весь костюмъ состоитъ изъ заплатъ, а старая ткань совершенно исчезла. Но буржуазія не хотѣла носить платья изъ лоскутьевъ учености королевскихъ юристовъ и игры воображенія королевскихъ министровъ: она требовала свободнаго, просторнаго платья.

Здѣсь, въ этой наступившей политической зрѣлости буржуазіи, мы находимъ объясненіе интересующему насъ замѣчательному явленію изъ области динамики политическихъ надстроекъ: на извѣстной ступени развитія будущаго претендента на суверенитетъ, какъ-бы ни защищалъ его интересы юридическій суверенъ, даже какъ-бы мало враждебенъ ни былъ ему юридическій суверенъ по самому существу представляемыхъ имъ, сувереномъ, интересовъ,—экономическій суверенъ стремится самъ стать юридическимъ сувереномъ, онъ борется за личное обладаніе юридическимъ суверенитетомъ. Завязывается глухая, отчаянная борьба; вулканическія силы револю-

[1]) «Трудно составить себѣ представленіе о количествѣ работы, произведенной Тюрго, и невозможно перечислить всѣ мелкія реформы, осуществленныя въ этотъ періодъ», т. е. въ началѣ царствованія Людовика XVI (1774). Всеобщая исторія, ред. Лависса и Рамбо. Т. VII. М. 1901, стр. 582—3.

ціи тяжело вздымаютъ и колеблютъ соціальную почву; мобилизуются и встряхиваются всѣ силы общества; атмосфера его достигаетъ невыносимаго напряженія; пламя борьбы и возмущенія начинаетъ разгораться и разливается по всей странѣ неукротимымъ пожаромъ возстанія,—и съ грохотомъ, сквозь дымъ и огонь, прорывается кровавый призракъ революціи...

Мы видѣли, такимъ образомъ, когда и почему экономическій суверенитетъ какого-нибудь класса не вызываетъ немедленно его юридическаго суверенитета, отчего и когда экономическій суверенъ не вступаетъ въ открытую борьбу за юридическій суверенитетъ, а сравнительно мирно уживается съ юридическимъ сувереномъ, и, наоборотъ,—отчего и когда юридическій суверенъ, еще долго послѣ утраты своего экономическаго суверенитета, остается юридическимъ сувереномъ: юридическій суверенъ, общественный классъ, стремится сохранить равновѣсіе между борющимися общественными классами, поддерживая то одинъ, то другой (но не давая добровольно ни одному изъ нихъ участія въ отправленіи суверенитета).

Такимъ образомъ, экономическій суверенъ можетъ извѣстное время не ощущать той рѣзкой, настойчивой необходимости въ юридическомъ суверенитетѣ, которая толкаетъ на революцію, ибо юридическій суверенъ въ извѣстный періодъ не только не мѣшаетъ росту экономическаго суверена, но и всячески расчищаетъ дорогу этому росту, чтобы его эксплоатировать въ свою пользу или въ пользу своего союзника. — Но на извѣстной ступени развитія экономическаго суверена, покровительство становится для него оковами, и стремленіе взять свою судьбу въ свои руки овладѣваетъ имъ всецѣло. Тогда начинается борьба за суверенитетъ, т. е. революція.

Въ силу очерченной схемы, французская монархія XVIII в. поддерживала, въ противовѣсъ буржуазіи, дворянство и въ то же время поощряла и помогала экономическому росту буржуазіи Но, можетъ быть, это была лишь случайная комбинація историческихъ условій (поскольку таковая принципіально-допустима), быть можетъ, нѣтъ никакой внутренней необходимости въ такой поддержкѣ экономическаго роста возвышающагося класса юридическимъ сувереномъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ непосредственная ссылка на развитіе производительныхъ силъ.

Представимъ себѣ, что это развитіе знаменуетъ собою ростъ и развитіе новаго общественнаго класса, который мало-по-малу становится фактическимъ сувереномъ (французская буржуазія XVIII в.); представимъ себѣ далѣе, что тотъ новый способъ производства (буржуазный), носителемъ котораго всегда является новый фактическій суверенъ, становится господствующимъ и, слѣдовательно, понемногу вытѣсняетъ прежній способъ произ-

водства (феодальный), представителемъ котораго является прежній фактическій суверенъ. Не ясно ли, что «съ порфирой падаетъ и герцогъ»: съ паденіемъ извѣстнаго способа производства падаетъ въ своемъ значеніи и его представитель?

Такимъ образомъ, его угасаніе есть неизбѣжный спутникъ экономическаго прогресса, и юридическій суверенъ, который до сихъ поръ усиливалъ прогрессивный классъ, видя грозный ростъ его, спѣшитъ поддержать и укрѣпить гибнущій классъ, чтобы создать буферъ между собою и новымъ фактическимъ сувереномъ.

Но какъ укрѣпить его, какъ поднять его силы? Для этого надо повернуть назадъ развитіе производительныхъ силъ, чтобы онѣ деградировали къ пережитому уровню своего развитія. Но юридическій суверенъ не только *не можетъ* сдѣлать этого,— онъ этого *не желаетъ*.

Остановка въ развитіи производительныхъ силъ означаетъ не только юридическую, но и фактическую его смерть: онъ умретъ не только какъ юридическій суверенъ, т. е. лишится суверенитета, но и какъ классъ, извлекающій рядъ выгодъ изъ своего классоваго положенія и развитія производительныхъ силъ.

Почему же это такъ, почему юридическій суверенъ *вынужденъ* всегда способствовать развитію производительныхъ силъ, если не въ полную мѣру ихъ возможнаго развитія, то, по крайней мѣрѣ, значительной частью? Какую роль играетъ при этомъ тотъ гибнущій классъ, который поддерживается юридическимъ сувереномъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, выяснимъ, что означаетъ то положеніе, когда классъ экономически угасаетъ и лишается фактическаго значенія. Это значитъ, что его руководство хозяйствомъ или вредно или не даетъ достаточно-производительнаго результата; это значитъ, что другія хозяйственныя формы производительнѣе, сильнѣе, прогрессивнѣе. Въ такомъ случаѣ, прежній организаторъ вытѣсняется съ поля руководства производствомъ, изъ организатора онъ становится паразитомъ, и все его богатство создается чужой организаторской работой. Но при такихъ условіяхъ *успѣхи этой чужой организаторской работы*, плодами которой онъ пользуется, *есть его прямой интересъ*. Не ясно ли, что юридическій суверенъ, желающій удержаться у власти и удержать отъ гибели прежняго экономическаго суверена, можетъ помочь ему, только поддерживая его *за счетъ новаго прогрессивнаго организаторскаго класса*. Это тѣмъ естественнѣе, что такимъ образомъ ослабляется этотъ новый организаторскій классъ, и юридическій суверенъ замѣчаетъ совпаденіе интересовъ своего господства съ интересами угасающаго общественнаго класса. Но, благодаря тому, что юридическій суверенъ свя-

зываетъ свою судьбу съ фактически-безсильнымъ, паразитарнымъ общественнымъ классомъ, — фактическое паденіе этого класса увлекаетъ за собою съ фатальной необходимостью окончательное паденіе юридическаго суверена, и экономически-прогрессивный классъ становится у власти. Такимъ образомъ, юридическій суверенъ логикой событій вынужденъ поддерживать и укрѣплять тотъ классъ, ростъ котораго такъ очевидно-враждебенъ его существованію, и, такимъ путемъ, содѣйствуя развитію производительныхъ силъ общества, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ роетъ собственную могилу.

Всѣ эти соображенія доказываютъ ту мысль, что если развитіе производительныхъ силъ обезпечиваетъ ростъ фактическаго значенія какого-нибудь класса, если этотъ классъ переростаетъ своего соперника, то законодательство, хотя и не находится въ рукахъ экономически-суверениаго общественнаго класса, оно тѣмъ не менѣе защищаетъ его интересы, ибо они соотвѣтствуютъ развитію производительныхъ силъ страны, а это послѣднее, т. е развитіе этихъ силъ, является источникомъ существованія, обогащенія и власти юридическаго суверена, разъ его собственное фактическое значеніе пало и не можетъ само по себѣ удовлетворить потребностей его экономическаго и политическаго могущества.

Такимъ образомъ, создается законодательство, обезпечивающее ростъ фактическаго значенія поднимающагося экономическаго суверена, который легко мирится съ чужимъ юридическимъ суверенитетомъ, ибо этотъ послѣдній мало мѣшаетъ или даже покровительствуетъ его фактическому росту, а чтобъ вступить въ борьбу за юридическій суверенитетъ, необходимо такое развитіе экономическаго суверенитета, когда реформаторское законодательство юридическаго суверена не можетъ уже удовлетворять потребности даннаго класса въ ростѣ и не можетъ поспѣть за темпомъ этого роста,—когда ростъ и развитіе того способа производства, носителемъ котораго является экономическій суверенъ, могутъ происходить лишь при полномъ упраздненіи того юридическаго принципа, который проникаетъ собою всю политическую организацію общества,—юридическаго принципа, который Лассаль назвалъ «особой идеей» класса, и самимъ рѣзкимъ выраженіемъ котораго является привилегія.

Раньше, чѣмъ итти далѣе, необходимо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.—Съ той точки зрѣнія, которую я стремился сдѣлать красной нитью этой работы, юридическій суверенитетъ есть право устанавливать и выражать въ законѣ фактическое соотношеніе силъ различныхъ общественныхъ классовъ и группъ. Поэтому,

поскольку юридическій суверенъ въ полной мѣрѣ и рѣшительности выражаетъ реальную силу фактическаго суверена, постольку говорятъ о преданности дворянства престолу, о приверженности буржуазіи къ парламентарному государству, о героическомъ мужествѣ пролетаріата въ его борьбѣ за соціалистическій строй. преданность извѣстнаго класса извѣстному государственному строю или формѣ правленія—въ тотъ или иной моментъ—зависитъ отъ того, насколько данный государственный строй можетъ или желаетъ вѣрно служить соціально-экономическому самодержцу. Въ силу этого, всякій разъ, когда юридическій суверенъ, благодаря исторической инерціи, продолжаетъ выражать волю прежняго фактическаго суверена, въ то время, когда фактическій суверенитетъ перешелъ уже въ другія руки,—происходитъ революція. Цѣль революціи—захватъ суверенитета, но не затѣмъ только, чтобы законъ, точка въ точку правильно и со строгой точностью, выражалъ фактическое значеніе класса, совершающаго революцію, чтобы фактическое соотношеніе силъ находило себѣ вѣрную копію въ законѣ,—несравненно важнѣе для класса захватъ суверенитета, какъ права безконтрольно, по собственному желанію, самому выражать закономъ соотношеніе реальныхъ силъ, присвоеніе права опредѣлять по своему усмотрѣнію и произволу границы власти всѣхъ прочихъ общественныхъ классовъ и группъ,—иными словами: не только исправлять несправедливости прежняго политическаго строя, но и «перегибать лукъ» въ обратную сторону, устанавливая для себя тѣ преимущества, которыя вытекутъ изъ его права законной силы,—т. е., рядомъ съ правами, основанными на его дѣйствительномъ общественномъ значеніи, новый классъ стремится создать для себя привилегіи. Такъ, феодальныя права, связанныя съ владѣніемъ землею, замѣняются, послѣ успѣшной буржуазной революціи, правами, связанными съ собственностью на средства производства вообще, а привилегіи, связанныя съ рожденіемъ, замѣняются привилегіями, связанными съ обладаніемъ капиталомъ.

Поэтому, если-бъ мы стали опредѣлять справедливость съ точки зрѣнія ея положительнаго содержанія, мы сказали бы, что понятіе справедливости есть представленіе о тѣхъ совершенныхъ, цѣлостныхъ и гармонически согласованныхъ соціальныхъ формахъ, въ которыхъ данный классъ найдетъ наилучшую почву для своего безраздѣльнаго господства, гдѣ онъ не встрѣтитъ той борьбы (и противодѣйствія) со стороны другихъ классовъ, которая въ настоящее время отнимаетъ у него «абсолютную» полноту власти и даетъ лишь частичное воплощеніе

его мечтѣ объ этомъ полновластіи. Борьба классовъ не даетъ ему осуществить этой мечты, и современное право, какъ итогъ соціальной борьбы классовъ, есть лишь равнодѣйствующая между силами борющихся. Но наиболѣе послѣдовательныя и непримиримыя натуры ни на минуту не забываютъ своей неосуществленной мечты о полновластіи: глядя мимо настоящаго,—впередъ или назадъ—они создаютъ теорію справедливости, рисуютъ идеалъ «справедливаго» соціальнаго строя, когда противодѣйствіе и борьба другихъ классовъ равны нулю.— Такова «справедливость» у наиболѣе крайнихъ и послѣдовательныхъ членовъ всякаго класса, т. е., слѣдовательно, и у господствующаго.

Но если обернуться къ противоположному полюсу господствующаго класса и опредѣлять справедливость отрицательно, если спросить, что самая умѣренная часть господствующихъ классовъ называетъ несправедливостью, то отвѣтъ будетъ чрезвычайно любопытенъ. Окажется, что несправедливостью въ ихъ глазахъ являются не права, вытекающія изъ ихъ фактическаго суверенитета, а тѣ привилегіи, которыя связаны съ вліяніемъ на юридическаго суверена. Несправедливымъ у нерѣшительныхъ, трезвенныхъ элементовъ господствующаго класса, стоящихъ на точкѣ зрѣнія этого класса, называется только это пользованіе фикціями и привилегіями, но ни въ коемъ случаѣ не самая организація соціальныхъ отношеній, которая, чрезъ юридическій суверенитетъ, даетъ мѣсто этимъ фикціямъ и привилегіямъ.—Легко отсюда понять, насколько глубоко проникаютъ въ сущность соціальныхъ явленій эти представители современныхъ господствующихъ классовъ, которые готовы отказаться отъ неизбѣжнаго слѣдствія факта, защищая и охраняя самый фактъ: новая попытка сжечь лѣсъ безъ дыму или заколоть животное, не проливая крови.—Бѣдный Шейлокъ, зачѣмъ ты не былъ «демократомъ»,—ты зналъ-бы, какъ поступить!

Такимъ образомъ, сущность юридическаго суверенитета заключается не столько въ томъ, что суверенъ имѣетъ право и силу выражать въ законѣ то, что есть, но и создавать безчисленное множество хитро-сплетенныхъ фикцій для того, чего въ сущности нѣтъ, но что навязывается уму управляемыхъ классовъ, какъ основа для классовыхъ преимуществъ суверена. Вотъ почему агитація и борьба противъ суверена начинается съ «aussprechen, was ist» («высказыванія того, что есть». Лассаль), ибо такимъ путемъ неотвратимо и грозно встаетъ, was ist nicht (то чего нѣтъ), т. е. раскрываются и разоблачаются фикціи и привилегіи. Необходимо поэтому постоянно имѣть въ виду и строго различать тѣ права, которыя вытекаютъ изъ фактическаго суверенитета, и тѣ права и привилегіи, которыя извлека-

ются отъ законнаго обладанія юридическимъ суверенитетомъ, то соотношеніе силъ, которое фактически существуетъ, и то, которое насильственно, по праву сильнаго, устанавливается въ законѣ господствующимъ классомъ и которое обязательно и дѣйствуетъ, какъ правовое принужденіе, благопріятное господствующему классу, законнымъ образомъ дающее ему тѣ права и силу, которыя фактически принадлежатъ ему въ гораздо меньшей мѣрѣ.—Теперь намъ не трудно будетъ глубже понять и опредѣлить сущность привилегіи.

Привилегія есть частный видъ права, и существо ея опредѣляется не только тѣмъ, что привилегированный классъ, какъ указалъ Лассаль относительно буржуазіи, «превращаетъ фактъ владѣнія въ правовое условіе политической власти» [1]). Этимъ еще далеко не исчерпывается понятіе привилегіи. Въ этомъ опредѣленіи устанавливается лишь то, что политическія привилегіи извѣстнаго класса заключаются въ принадлежности лишь ему одному политической власти: говоря общѣе, основной экономическій признакъ, характеризующій данный классъ и рѣзко отличающій его отъ другихъ классовъ, становится источникомъ и условіемъ права на политическую власть. Но этого очень мало.

Отмѣтимъ прежде всего, какъ отрицательный выводъ изъ этого положительнаго опредѣленія привилегіи, то немаловажное обстоятельство, что всѣ классы, не обладающіе опредѣленнымъ экономическимъ признакомъ, изгоняются изъ области государственнаго строительства, т. е. изъ области легальной политической борьбы. Но не менѣе важными являются двѣ другія черты привилегіи, на которыхъ полезно остановить вниманіе: во-первыхъ, извѣстный экономическій признакъ становится условіемъ права не только на политическую власть, но и на экономическое господство: напримѣръ, въ Россіи XVIII в. лишь дворяне могли пользоваться крѣпостными на фабрикахъ; во-вторыхъ, подобно тому, какъ извѣстный экономическій признакъ становится основаніемъ для извѣстнаго положительнаго права, такъ, съ другой стороны, этотъ-же признакъ освобождаетъ отъ цѣлаго ряда обязанностей: напримѣръ, русское дворянство Ека-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что подъ политической властью слѣдуетъ понимать не только непосредственное участіе въ законодательствѣ или вліяніе на него, — но и право на цѣлый рядъ государственныхъ должностей въ судахъ, арміи, церкви, администраціи, по назначенію юридическаго суверена: въ XVIII вѣкѣ во Франціи дворяне занимали лучшія мѣста въ арміи, церкви, въ органахъ судебной и административной власти, при дворѣ и т. д. А. Оларъ. Внутр. исторія франц. революціи. М. 1906.—Каутскій. Противор. клас. инт. въ 1789 г. Спб. 1902 г.

теринискаго времени было освобождено отъ военной службы, отъ податей, отъ подчиненности общегосударственнымъ судамъ, отъ тѣлеснаго наказанія [1]). Такое положеніе, помимо отрицательнаго бремени неравенства, создаетъ для другихъ классовъ положительную обязанность нести на себѣ непомѣрно увеличенныя тяготы, снятыя съ плечъ привилегированныхъ классовъ. Такимъ образомъ, привилегія, по существу своему, имѣетъ двойственный характеръ: съ одной стороны, она провозглашаетъ источникомъ политическихъ и экономическихъ правъ такой экономическій признакъ, который принадлежитъ лишь опредѣленному общественному классу, обыкновенно политически и экономически господствующему, всѣ-же другіе классы лишены этихъ правъ; съ другой стороны, источникомъ политическихъ и экономическихъ обязанностей избирается такой признакъ, который рѣзче и рѣшительнѣе представленъ подавляющей массой политически и экономически - порабощенныхъ классовъ общества, или иными словами, такой признакъ, который взваливаетъ бремя государственныхъ повинностей на эти экономически и политически-порабощенные классы [2]). Первой стѣной, на которую устремляется революціонная волна народнаго сознанія, является эта послѣдняя, съ рѣзкостью очевидная черта привилегіи. лозунгомъ революціи, т. е. борьбы за суверенитетъ, является отмѣна этихъ повинностей. Слѣдующій натискъ направленъ на вторую стѣну: создается убѣжденіе въ необходимости отмѣны положительныхъ привилегій, и, наконецъ, наступаетъ очередь самаго источника привилегій, политической власти, принадлежащей привилегированному классу или его защитнику, юридическому суверену.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что самымъ очевиднымъ и ненавистнымъ воплощеніемъ политическаго господства какого-нибудь класса является привилегія, что юридическій суверенъ можетъ долгое время подкупать наростающій фактическій суверенъ благопріятствующимъ ему законодательствомъ и даже предоставленіемъ и ему также нѣкоторыхъ привилегій (цехи),—но всякій классъ стремится сдѣлать свои привилегіи господствующимъ принципомъ всего общества и упразднить всѣ прочія, — поэтому, несмотря ни на какое покровительство, онъ стремится самъ, въ своихъ интересахъ, перестроить все общество, захватить юридическій суверенитетъ и водрузить на немъ знамя своей «особой идеи» и, вмѣстѣ съ ней, своей

---

[1]) П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Спб. 1896. I., стр. 64—176. М. Яблочковъ. Исторія двор. сословія etc. Спб. 1876; стр. 492, 523—530.

[2]) «По налоговой системѣ можно узнать соціальный характеръ общества». К. Каутскій. Респ. и соц.-демокр., стр. 12.

особой привилегіи. Поэтому экономическій суверенъ терпитъ и примиряется съ юридическимъ лишь до тѣхъ поръ, пока его могутъ удовлетворять робкія привилегіи и неглубокія реформы, пока подъ ихъ сѣнью не разовьется до подавляющихъ размѣровъ «идея» этого класса, пока она не начнетъ сталкиваться съ «идеей» юридическаго суверена и не начнетъ стремиться къ ея упраздненію и къ перестройкѣ всего общества въ соотвѣтствіи со своей «идеей». Вотъ отчего юридическій суверенъ можетъ оставаться у власти, несмотря на утрату своего фактическаго значенія: съ одной стороны, онъ усиливаетъ прогрессивный классъ, опирается на него и эксплоатируетъ въ свою пользу, съ другой— поддерживаетъ за счетъ этого класса другіе, ему антагонистическіе, чтобы создать соціальное равновѣсіе. Въ силу этой покровительственной системы юридическаго суверена, прогрессивный классъ до извѣстнаго времени, въ свою очередь, чтитъ и охраняетъ его [напримѣръ, парижскій парламентъ во время возстанія Фронды (1649 г.), стоялъ на сторонѣ короля] [1]), а другіе классы, противъ которыхъ укрѣпляется этотъ несуверенный классъ, безсильны бороться съ союзомъ юридическаго и нарождающагося экономическаго сувереновъ. Но когда сила послѣдняго, вскормленная и взрощенная юридическимъ сувереномъ, вырастаетъ и начинаетъ угрожать господству юридическаго суверена, этотъ послѣдній спѣшитъ укрѣпить прежде ослабленный общественный классъ и, въ союзѣ съ нимъ, борется противъ могущества новаго класса, интересы котораго онъ перестаетъ защищать съ прежней энергіей и приводитъ его, такимъ образомъ, къ убѣжденію, что только захватъ суверенитета, т. е. революція, можетъ дать просторъ и почву для его дальнѣйшаго роста и развитія. Такова исторія французской буржуазіи до 89 г., англійской до 1649 г., нѣмецкой, австрійской и др. до 48 г.

---

[1]) Описывая движеніе Фронды, буржуазный историкъ парижскаго парламента, Классонъ, говоритъ, что Лига (союзъ возставшихъ дворянъ фрондеровъ) «стремилась лишь упрочить свое вліяніе и думала больше о своемъ эгоистическомъ интересѣ, чѣмъ о благѣ государства. Она была бы даже (!) способна довести дѣло до крайности и поколебать тронъ, какъ въ Англіи. Но,—заключаетъ онъ съ облегченіемъ,—этого не могъ допустить парламентъ. Ему принадлежитъ рѣдкая заслуга—во все время этихъ волненій остаться глубоко привязаннымъ къ монархіи (pendant toute la durée de ces troubles.. rester profondement attaché à la monarchie). Онъ далъ ей очевидныя доказательства (этой преданности)... и можно сказать, что онъ сдѣлалъ все, чтобы предупредить ужасныя послѣдствія». — Classon. Le parlement de Paris. Paris, 1901. P.p. 292—3.—Эта преданность парижскаго парламента монархіи не помѣшала, однако, тому же парламенту требовать суда надъ Мазарини и ссылаться, для подкрѣпленія своихъ притязаній на вмѣшательство въ государственное управленіе, на «первоначальныя и основныя права» Франціи (Sich auf die «ursprunglichen und grundsäthlichen Rechte» Frankreichs berief). Kelles-Krauz. Die Sociologie im XIX Jahrh. Berl. 1902. S. 553.

Итакъ, королевская власть, въ силу указаннаго соціальнаго закона, оперлась на феодальное дворянство и старалась усилить его за счетъ буржуазіи, но, вслѣдствіе того, что интересы развитія производительныхъ силъ были на сторонѣ третьяго сословія, усиленіе средствъ дворянства и самой королевской власти могло явиться лишь слѣдствіемъ усиленія фактической силы и богатства буржуазіи, которую обирали король и дворянство. Вотъ отчего третье сословіе побѣдило. король оперся на умирающій принципъ дворянскаго землевладѣнія, и это соединеніе двухъ угасающихъ принциповъ—феодальной системы хозяйства и самодержавной монархіи—ускорило гибель обоихъ.

Въ силу того же было подавлено, сходное по цѣли съ дворянскимъ, крестьянское возстаніе 1525 г.: низшее дворянство, если-бы могло опереться на жизненный, прогрессивный, обладающій будущимъ классъ, оно нашло бы въ немъ могущественнаго союзника и само, по мѣрѣ силъ, вливалось бы въ его ряды; но, взявъ за основу реакціонныя стремленія крестьянства, раньше всѣхъ пострадавъ отъ нихъ, дворянство было осуждено на гибель.

Такимъ образомъ, и дворянство въ средніе вѣка и король въ новое время, хотя и дѣйствовали въ согласіи съ упомянутымъ закономъ классоваго самосохраненія, но будучи сами осуждены исторіей и опершись на осужденные исторіей классы и принципы,—были побѣждены. Однако, сила и значеніе этого закона сказались все-таки въ томъ, и это очень важно для насъ, что именно этотъ союзъ съ другими общественными классами на нѣкоторое время—для королевской власти очень продолжительное (Лассаль считаетъ его въ двѣсти пѣтъ),—этотъ союзъ можетъ удержать власть въ рукахъ юридическаго суверена, утерявшаго свое былое фактическое значеніе. Если-бы, напр., королевская власть не воспитала и не поддержала буржуазіи противъ феодаловъ въ средніе вѣка, феодализмъ существовалъ бы, какъ юридическій принципъ, гораздо дольше, чѣмъ это было,—послѣ утраты имъ своего прогрессивно-экономическаго значенія; точно такъ же, если-бы та же королевская власть не подкупала буржуазіи въ XVII и XVIII вв. реформами, французская революція совершилась бы гораздо раньше.

Итакъ, отвѣчая на поставленный вопросъ,—какія объективныя условія и силы являются опорой и поддержкой несоотвѣтствія между фактическимъ и юридическимъ суверенитетомъ,—мы видимъ, что оно опирается на два фактора:

1) Съ одной стороны, юридическій суверенъ остается у власти въ силу того, что, для ослабленія фактическаго суверена, онъ поддерживаетъ за его счетъ классъ ему враждебный, антагонистическій, выбираетъ изъ среды послѣдняго

надежныхъ «охранителей» и руководителей существующей государственной машины и довѣряетъ эту охрану и руководство лишь ему одному. Ясно, что «охранители» изъ его среды тѣмъ вѣрнѣе будутъ служить суверену и поддерживать его, что, какъ фактически-угасающій классъ, они принуждены всѣми силами держаться за существующій политическій режимъ и стремиться къ его сохраненію, потому что паденіе этого режима, означающаго ихъ господство, и замѣна его новымъ, который поставитъ у власти прогрессивный классъ,—приведетъ ихъ къ тому юридическому ничтожеству, которое лишь искусственно отсрочено и самымъ естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ ихъ паразитарной роли,—между тѣмъ, какъ теперь, несмотря на свое фактическое ничтожество, они вознесены существующимъ сувереномъ на вершину государственнаго строительства.

2) Съ другой стороны, юридическій суверенъ черпаетъ свою силу изъ поддержки экономическаго суверена, изъ эксплоатаціи возрастающей его силы, изъ паразитическаго пользованія результатами его развитія, дѣятельности и силы, т. е. богатствъ, созданныхъ имъ.

Эти два условія несоотвѣтствія между экономическимъ и юридическимъ суверенитетомъ — поддержка одного класса противъ другого, угрожающаго могуществу суверена, и эксплоатація роста послѣдняго—имѣютъ свое объективное значеніе.

Развитіе производительныхъ силъ, означающее ростъ фактической силы того класса, который руководитъ производствомъ, не только создаетъ для суверена громадное поле эксплоатаціи, но и сосредоточиваетъ его по преимуществу, если не исключительно, въ рукахъ одного класса—организатора производства, который, въ силу своей юридической несувереннности, не можетъ оказать рѣшительнаго противодѣйствія и охранить себя отъ эксплоатации юридическаго суверена. Съ другой стороны, ростъ фактическаго значенія этого класса, обезпечиваемый развитіемъ производительныхъ силъ, заставляетъ юридическаго суверена поддерживать и усиливать въ противовѣсъ ему, его антагониста, т. е. или классъ прежнихъ организаторовъ производства или нарождающійся новый классъ, который враждебенъ суверену, какъ его преемникъ и антиподъ: въ первомъ случаѣ, юридическій суверенъ гибнетъ вмѣстѣ со своимъ protégé; во второмъ—оживаетъ вмѣстѣ съ побѣдой его. Эта необходимость поддерживать фактически-несуверенный классъ лишь юридически-суверенной властью создаетъ ихъ паразитическій союзъ, который можетъ существовать не эксплоатаціей своего собственнаго фактическаго суверенитета, котораго у нихъ нѣтъ, а захватомъ продуктовъ организаторской дѣятельности фактическаго суверена.

Но при такихъ условіяхъ существованіе и сила юридическаго суверена зависитъ отъ роста и силы фактическаго суверена, подобно тому, какъ непроизводительное (напр., разбойничье) племя можетъ существовать лишь наряду съ богатымъ и производительнымъ; слѣдовательно, условіемъ существованія—не говоря ужъ о требовательномъ могуществѣ,—юридическаго суверена и его нахлѣбника, является ростъ и развитіе фактическаго суверена: то, что является залогомъ ихъ гибели, является въ то же время условіемъ ихъ существованія и самосохраненія. Поэтому юридическій суверенъ не только не можетъ остановить роста фактическаго суверена, какъ нельзя остановить движенія міровой планетной системы, но онъ и не желаетъ этого. Напротивъ, всѣ его интересы на сторонѣ роста фактическаго суверена, и онъ стремится черезъ свой юридическій суверенитетъ увеличить богатство и силу этого класса, и вотъ почему фактически-суверенный классъ не только мирится съ юридическимъ сувереномъ, но, на извѣстной ступени его роста, ему не приходитъ и въ голову вступить въ борьбу за суверенитетъ,—и, чѣмъ цѣлесообразнѣе реформы, чѣмъ своевременнѣе уступки, — тѣмъ энергичнѣе разсѣивается стремленіе растущаго фактическаго суверена къ власти, если оно у него зарождалось наканунѣ запоздавшей или неудовлетворительной реформы, тѣмъ слабѣе и нерѣшительнѣе его революціонное настроеніе, если оно создалось. Но рано или поздно реформы не могутъ уже удовлетворить выросшій и сознательный классъ, рано или поздно потребности его роста и вліянія не могутъ вмѣститься въ рамкахъ строя, организованнаго по враждебному ему принципу прежняго фактическаго суверена. Подъ напоромъ жажды господства надъ собственной судьбой и возрастающаго вреда отъ владычества юридическаго суверена, который требуетъ все большаго, а даетъ все меньше, революціонное настроеніе крѣпнетъ и растетъ, преслѣдованія юридическаго суверена, стремящагося удержать власть, вызываетъ открытое возмущеніе, костеръ революціи, пылаетъ все ярче, шире и грознѣе, пока огненная волна революціи не зальетъ отъ края до края всю страну. Наступаетъ «разрѣшеніе противорѣчія»...

Итакъ, какъ общее правило, мы можемъ принять, что юридическій суверенитетъ принадлежитъ экономическому суверену; что же касается тѣхъ случаевъ, когда экономическій суверенъ не суверененъ юридически, а юридическій—не суверененъ экономически, то первый случай объясняется сравнительно-недостаточной экономической зрѣлостью, экономическаго суверена, интересы котораго еще могутъ быть удовлетворены въ рамкахъ политическаго господства прежняго суверена, а второй—тѣмъ, что законо-

дательство юридическаго суверена направлено въ защиту интересовъ экономическаго суверена, и поэтому, несмотря на паразитическую роль юридическаго суверена, экономическій суверенъ не имѣетъ тѣхъ рѣзкихъ и возмущающихъ причинъ, которыя вызываютъ борьбу за юридическій суверенитетъ, т. е. революцію. Слѣдовательно, по-прежнему остается въ силѣ положеніе: юридическій суверенитетъ всегда принадлежитъ выросшему и окрѣпшему экономическому суверену.

Въ заключеніе мы остановимся на чрезвычайно любопытной и характерной чертѣ фактическаго суверена, особенно рельефно выступающей въ періодъ борьбы фактическаго суверена за юридическій суверенитетъ. Эта черта замѣчательна не только по существу своему, но и какъ прекрасная иллюстрація діалектическаго процесса историческаго развитія. Рѣчь идетъ о дезорганизующей работѣ новаго суверена, стремящагося расширить свою власть и сталкивающагося или со сферами господства прежняго суверена, или съ завоевательными стремленіями своего будущаго преемника, или съ тѣми и другими вмѣстѣ. Изъ этихъ столкновеній рождаются возмущенія, возстанія и революціи, запоздавшія или преждевременныя, реакціонныя или прогрессивныя.

Разсмотримъ поближе этотъ вопросъ. Мы знаемъ, что основаніемъ фактическаго суверенитета и вырастающаго на его почвѣ юридическаго суверенитета—является организаторская роль класса въ области экономическаго и за нимъ политическаго господства. Но ни одинъ классъ не можетъ достигнуть организаторской роли во всѣхъ областяхъ общественнаго производства, не закончивъ ранѣе разрушительную работу въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ организаторскія функціи еще принадлежатъ прежнему экономическому суверену. Этими обстоятельствами обусловливается двусторонній процессъ, сопровождающій переходъ экономическаго суверенитета къ новому классу: наряду съ его организующей дѣятельностью въ процессѣ производства идетъ его дезорганизаторская работа по отношенію къ сферамъ господства прежняго экономическаго суверена. Эта двусторонняя работа естественно вызываетъ съ одной стороны мобилизацію силъ подъ знаменами новаго класса-организатора, творящихъ положительную работу новой организаціи и отрицательную работу разрушенія и борьбы съ отживающимъ сувереномъ; съ другой стороны, она же, эта работа создаетъ оборонительную и наступательную организацію всѣхъ тѣхъ силъ, которыя прямо или косвенно связаны, заинтересованы или сжились съ господствомъ прежняго класса-организатора.—Такова экономическая

подкладка реакціонныхъ возстаній (Фронда (1648-53), Вандея, Бретань, Анжу, Пуату и т. д. (1793-95) 1).

Но съ другой стороны и въ то же время, возникаетъ борьба между новымъ сувереномъ и его будущимъ преемникомъ, таящимся въ его нѣдрахъ: развитіе экономическихъ силъ новаго суверена съ неотвратимой силой естественнаго процесса ведетъ къ развитію его антипода, и всякое усиленіе экономическаго суверена создаетъ почву для развитія будущаго суверена. подобно тому, какъ, согласно гегелевой діалектикѣ, всякая жизнь есть смерть, процессъ жизни есть процессъ умиранія, такъ же точно развитіе силъ экономически-господствующаго класса есть въ то же время развитіе его антипода: усиленіе орудій господства и процвѣтанія класса есть усиленіе орудій его низверженія и деградаціи.

Поэтому, дезорганизаторская работа новаго суверена, наряду съ его организаторской дѣятельностью, никогда не прекращается, будучи направлена то противъ прежняго, то противъ будущаго экономическаго суверена; между тѣмъ, въ ней, въ этой дезоорганизаторской дѣятельности, мы находимъ ключъ къ опредѣленію значенія суверена и отвѣтъ на чрезвычайно важный вопросъ: означаетъ ли господство даннаго класса въ данное время прогрессъ или деградацію общества, находится ли онъ самъ въ періодѣ роста или клонится къ упадку. Если его дезорганизующая работа направлена всецѣло или рѣшающимъ образомъ на разрушеніе и ликвидацію стараго способа производства,—ясно, что его господство ведетъ все общество къ прогрессу, и онъ самъ растетъ за счетъ результатовъ своей разрушительной дѣятельности. Напротивъ, если борьба его со старымъ порядкомъ не занимаетъ уже виднаго мѣста въ его разрушительной работѣ, которая вся и исключительно направлена на борьбу съ организаціями будущаго суверена,—это значитъ, что его господство ведетъ общество къ деградаціи, и

---

1) О размѣрахъ контръ-революціи 1793-95 г.г. см. М. Ковалевскій Происх. соврем демократіи. М. 1897, стр. 32.—Насколько широко понимала буржуазія 1792-95 г. г. свои политическія и экономическія задачи, прекрасно выражено въ рѣчи Камбона предъ Конвентомъ: «Ce n'est pas aux rois seuls que nous avons à faire la guerre; car s'ils étaient isolés, nous n'aurions que dix ou douze têtes à faire tomber; nous avons à combattre tous leurs complices, les castes privilégiés qui sous le nom des rois ruinent et oppriment le peuple depuis plusieures siècles». Но разумѣется, en détruisant les abus, ne négligeons rien pour proteger les personnes et les proprietés (Vifs applaudissements)».—Жоресъ, т. III, La Convetion. Livrais, 235. P. 559—60.

онъ самъ деградируетъ, теряя не только свою прогрессивную роль, но и сковывая прогрессивныя силы общества.—

Въ силу этого классъ или партія тѣмъ прогрессивнѣе и революціоннѣе, чѣмъ охотнѣе и рѣшительнѣе они повторяютъ: никакой борьбы налѣво! и обратно,—тѣмъ консервативнѣе и реакціоннѣе, чѣмъ чаще они твердятъ: никакой борьбы направо! Первый принципъ—это принципъ коалиціи лѣвыхъ силъ; онъ обрушиваетъ всюмассу лѣвыхъ партій на ихъ противоположный конецъ—направо. Расчетъ здѣсь простъ: вся масса лѣвыхъ партій наваливается на центръ и бьетъ имъ, какъ тараномъ, вправо. При обратномъ же принципѣ, тѣмъ же центромъ были бы влѣво, и, чѣмъ лѣвѣе партія, тѣмъ тяжелѣе ей приходилось бы отъ этихъ ударовъ. Между тѣмъ, современная буржуазія все яростнѣе борется именно «налѣво», предпочитая царистскую диктатуру диктатурѣ лѣвыхъ партій (Россія въ дек. 1905, Франція въ 1799 и 1852). Напр., французская буржуазія третьей республики (1875-19) не только не борется противъ монархической организаціи арміи, но и поддерживаетъ «то господствующее положеніе, которое занялъ генеральный штабъ въ республикѣ» (дѣло Дрейфуса), ибо «она, въ концѣ концовъ, охотнѣе переноситъ власть офицерскаго сословія, чѣмъ пролетаріата» (К. Каутскій). Вотъ отчего она, мирясь съ «господствомъ сабли», въ то же время свирѣпо поражаетъ пролетарскія организаціи и искажаетъ коалиціонное право. Такимъ образомъ, дезорганизующія тенденціи буржуазіи направлены въ настоящее время не противъ феодализма и монархіи, какъ въ былое время, а противъ антипода и преемника буржуазіи—пролетаріата, и этимъ опредѣляется та рѣзко-реакціонная роль буржуазіи, которая задерживаетъ развитіе общества, и въ будущемъ неминуемо и неотвратимо приведетъ къ ликвидаціи буржуазный порядокъ.

Итакъ, степень прогрессивности суверенаго класса опредѣляется не столько направленіемъ его творческой положительной работы, сколько направленіемъ и характеромъ его дезорганизующихъ стремленій, и если организація силъ господствующаго класса, ранѣе направленная на разрушеніе силъ прежняго экономическаго суверена, всецѣло въ дальнѣйшемъ направлена противъ организаціи силъ будущаго суверена, то это ясно показываетъ, что классъ исчерпалъ свою историческую задачу, что онъ деградируетъ и неудержимо идетъ къ упадку и гибели. Поэтому, если развитіе настоящаго суверена означало ранѣе паденіе прежняго, если борьба и возстанія прежняго суверена и связанныхъ съ его господствомъ классовъ, неминуемо должны были окончиться неудачей, то точно такъ же развитіе и усиленіе орудій господства нынѣшняго суверена, неминуемо сопровождаемое ростомъ и усиленіемъ новаго будущаго суве-

рена,—неотвратимо ведетъ къ усиленію послѣдняго, и если возстанія прежняго суверена никогда не вернутъ ему былой власти, то, напротивъ,возстанія будущаго суверена, какъ бы неудачны они ни были въ данный моментъ, рано или поздно привезутъ его къ господству. — Таковы шансы буржуазіи и пролетаріата.

Резюмируемъ сказанное и подведемъ итоги. Въ нашихъ рукахъ теперь имѣются достаточныя данныя для синтетической конституціи, сплетающей въ одно цѣлое основные законы экономической организаціи общества съ кардинальными принципами политической его организаціи.

Классъ—организаторъ господствующаго способа производства получаетъ и пользуется всѣми выгодами и преимуществами, вытекающими изъ его организаторской роли; эти экономическія выгоды и преимущества, которыя получаетъ классъ и тогда, когда онѣ противорѣчатъ интересамъ другихъ классовъ, являются показателями и внѣшними признаками, по которымъ можно опредѣлить, кто является организаторомъ и руководителемъ общественнаго производства, кому принадлежитъ экономическій суверенитетъ: такъ, прибыль, создающаяся изъ прибавочной цѣнности, характеризуетъ буржуазное господство.

Точно такъ же выгоды и преимущества, принимающія въ области политической форму привилегій, характеризуютъ юридическій суверенитетъ. сущность его заключается не только въ томъ, что законъ защищаетъ интересы юридическаго суверена,—мало того—у юридически-суверениаго класса должны быть сила и право самостоятельно защищать свои политическія и экономическія права и привилегіи, въ ущербъ и противорѣчіе интересамъ другихъ классовъ,—вотъ что является опредѣляющимъ и рѣшающимъ признакомъ юридическаго суверенитета.

Экономически-суверениымъ является классъ-организаторъ господствующаго способа производства и этотъ суверенитетъ выражается въ томъ, что классъ имѣетъ экономическую силу бороться не только противъ покушеній на его организаторскія функціи и вытекающія изъ нихъ экономическую силу и преимущества, но и обладаетъ силами отстаивать ихъ въ ущербъ и въ противорѣчіе интересамъ своихъ экономическихъ антагонистовъ. Точно такъ же юридически-суверениымъ является классъ-организаторъ господствующаго политическаго строя, и этотъ суверенитетъ выражается въ томъ, что классъ имѣетъ политическую силу бороться не только противъ покушеній

на его организаторскія политическія функціи и вытекающія изъ нихъ политическія права и привилегіи, но и обладаетъ силами отстаивать ихъ въ ущербъ и противорѣчіе интересамъ своихъ политическихъ соперниковъ.—Эти два параллельныхъ и совершенно тождественныхъ принципа соціальной жизни неразрывно сплетены другъ съ другомъ, и одно изъ нихъ, поскольку оно существуетъ въ полную мѣру своего содержанія, логически предполагаетъ другое. если нѣтъ соотвѣтствія—значитъ нѣтъ полнаго развитія этого содержанія, ибо, какъ только одно изъ нихъ достигаетъ полнаго и цѣлостнаго развитія, наступаетъ эпоха общественнаго кризиса, происходитъ или революція или coup d'état.

ГЛАВА II.

Отчуждаемость и дѣлимость суверенитета.

Такъ разрушается представленіе буржуазной демократіи о единомъ, однородномъ, всевластномъ и свободномъ народѣ, которому одному и, безъ изъятій, всему, принадлежитъ суверенитетъ. Это представленіе о народѣ-суверенѣ, народѣ-самодержцѣ, особенно ярко и сильно защищенное Руссо, провозгласила французская революція 1789 г. [1]). Она же торжественно объявила, что суверенитетъ, принадлежа всему народу и только ему одному, не можетъ быть ни отчуждаемъ, ни дѣлимъ (Констит. 1791 г.).—Такъ ли это?

Предыдущее изложеніе должно было показать, что это утвержденіе, поскольку оно говорило бы о томъ, что такъ было или бываетъ, въ какомъ бы то ни было классовомъ обществѣ,—безусловно ложно, ибо національный суверенитетъ всегда находился въ рукахъ господствующихъ классовъ, а не въ рукахъ всего, безъ изъятій, народа. Поскольку же это положеніе уста-

[1]) «Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la nation. Nul corps, nul individu ne peut exercer d'autorité qui n'en émane expressément.—La loi est l'expression de la volonté générale.» («Принципъ всякаго суверенитета по существу покоится въ націи. Никакая коллегія, никакой индивидъ не можетъ пользоваться властью, не исходящей явно отъ него. Законъ есть выраженіе общей воли») —Жоресъ, т. I. La Constituante (1789—91), p. 327.

навливаетъ, что такъ быть должно въ будущемъ буржуазномъ обществѣ, которое воцарится на развалинахъ феодальнаго строя,—оно безсмысленно, ибо классовая организація общества исключаетъ возможность равенства въ правахъ всего народа и обладаніе всѣми его классами одинаковой политической силой [1]). Поскольку, наконецъ, оно предполагаетъ, что суверенитетъ, въ силу высшаго «естественнаго» права, неотъемлемъ у народа, которому онъ принадлежитъ даже тогда, когда онъ имъ не пользуется,—это безсодержательная, абстрактная формула, которая можетъ при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ туманить головы и толкать ихъ на революцію, но истиннымъ идейнымъ моторомъ революціи является не эта идея, а смутное или ясное сознаніе различными общественными группами своихъ классовыхъ интересовъ. Однако, если-бы это и дѣлала самая идея неотъемлемости самодержавія народа, народа, который такимъ образомъ приводится къ убѣжденію, что у него отнято его «неотъемлемое» право,—то и тогда тернистый путь революціонныхъ завоеваній этого права свидѣтельствуетъ о томъ, что это есть скорѣе самостоятельное творчество новаго права, чѣмъ борьба за то, что уже принадлежитъ борющимся, и историческая дѣйствительность показываетъ, что это право гораздо болѣе «неотъемлемо» въ рукахъ у того, кто имъ пользуется, чѣмъ у того, кому оно, въ силу какихъ-то нормъ «естественнаго» права, «принадлежитъ», но кто въ дѣйствительности является только претендентомъ на него.

Такимъ образомъ, національный суверенитетъ не только никогда не былъ «неотчуждаемъ» и въ настоящее время не принадлежитъ всей націи,—но и болѣе того: въ силу того, что захватъ суверенитета тѣмъ или инымъ классомъ диктовался развитіемъ производительныхъ силъ, эта отчуждаемость суверенитета сыграла огромную прогрессивную роль въ исторіи развитія общества, и съ этой точки зрѣнія не могла быть ни вызвана «незнаніемъ, забвеніемъ или презрѣніемъ» священныхъ, «естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина», ни устранена признаніемъ этихъ правъ. Поскольку суверенитетъ никогда не принадлежалъ цѣликомъ всѣмъ, безъ изъятія, гражданамъ и въ равной мѣрѣ всѣмъ классамъ [2]),

---

[1]) См. М. Гераклитовъ. Изъ исторіи зап.-европ. парламента. «Правда», 1906, кн. IV.

[2]) Этотъ фактъ возведенъ современной буржуазной демократіей въ вѣчный законъ природы. Въ своей недавней работѣ «О духѣ демократ. правленія» (De l'esprit du gouvernement démocratique. Brux. 1905. P. 97-99), краснорѣчивый противникъ «эгалитарной утопіи», Ад. Пренсъ обѣщаетъ доказать, что «законъ дифференціаціи классовъ и индивидовъ есте-

постольку королевская власть, отнявшая его у феодаловъ, совершила этимъ огромную прогрессивную работу централизаціи и организаціи разъединеннаго и неупорядоченнаго національнаго хозяйства; буржуазія, отнявъ суверенитетъ у монарха, создала условія для дальнѣйшей централизаціи и развитія національнаго хозяйства и сообщила развитію производительныхъ силъ націи самый сильный, могучій толчокъ. Точно такъ же отчуждаемость суверенитета является исторической предпосылкой завоеванія политической власти пролетаріатомъ и организаціи соціалистическаго производства,—съ той лишь огромной разницей, что это завоеваніе впервые создастъ прочную почву для цѣлостнаго осуществленія самодержавія народа и для его неотчуждаемости, ибо тогда онъ дѣйствительно будетъ принадлежать единому и равноправному народу, которому, какъ идеалъ развитія общества, онъ и долженъ принадлежать неотчуждаемо и навсегда.

Что касается недѣлимости суверенитета, то однимъ изъ чрезвычайно рѣзкихъ воплощеній единаго и нераздѣленнаго суверенитета, т. е. могучаго, безраздѣльнаго классоваго господства, въ новѣйшее время могъ бы быть однопалатный парламентъ, вѣрнѣе, его буржуазное большинство, или, еще точнѣе, буржуазный блокъ. Можно установить, какъ общій законъ, что тамъ, гдѣ имѣется одинъ господствующій классъ, онъ осуществляетъ свое полновластіе чрезъ однопалатный парламентъ; тамъ же, гдѣ юридическій суверенитетъ подѣленъ между двумя,

---

ственъ и неизбѣженъ (naturelle et inévitable)». «Всегда существовали, говоритъ онъ далѣе, и, въ извѣстномъ смыслѣ, будутъ существовать классы высшіе, средніе и низшіе. Мѣняется только одно — основаніе этихъ дѣленій (la base de ces divisions)»... «Демократія не есть совершенное упраздненіе классовъ. Она означаетъ ихъ тѣсное сближеніе (?); ихъ сосуществованіе, ихъ координацію, ихъ близость. Она не должна стремиться къ нивеллировкѣ, которая рождаетъ посредственность». «Она не есть равенство (Elle n'est pas l'égalite). Она движеніе». — Сказать то же, но «nur mit ein bisschen andern Worten», значитъ признать, что демократія не только не уничтожаетъ классовъ и не нивеллируетъ различій между ними, но и, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого положенія, не прекращаетъ классовой борьбы, рождаемой противорѣчіями классовыхъ интересовъ: классовая же борьба въ современномъ обществѣ, при превосходствѣ силъ буржуазіи, приводитъ послѣднюю къ побѣдѣ и политическому господству надъ пролетаріатомъ, т. е, иными словами, демократія ни на мгновеніе не отнимаетъ юридическаго суверенитета у буржуазіи, напротивъ: столкновеніе классовъ, въ демократіи является наиболѣе рѣзкимъ, непосредственнымъ и открытымъ Какой же смыслъ тогда въ рѣчахъ о «тѣсномъ сближеніи» классовъ, объ ихъ «координаціи» и «близости»? Да, классы близки при демократіи, но это—близость схватившихся враговъ, желѣзныя объятія которыхъ могутъ быть разорваны только смертью или паденіемъ одного изъ нихъ.

или болѣе, господствующими общественными силами,—тамъ создается двухпалатный парламентъ. Между тѣмъ, почти повсемѣстное господство не одно, — а двухпалатнаго парламента устраняетъ всякую мысль о недѣлимости суверенитета въ современномъ буржуазномъ государствѣ, и это обстоятельство даетъ возможность установить чрезвычайно-рѣзкій характерный признакъ перемѣщенія, раздробленія или захвата юридическаго суверенитета: созданіе двухъ палатъ означаетъ, что въ средѣ господствующихъ классовъ существуетъ различіе и даже противоположность въ средствахъ и цѣляхъ классоваго господства, что прежній юридическій суверенъ никогда не бываетъ окончательно и абсолютно побѣжденъ и уничтоженъ однимъ ударомъ, ибо можно отнять у класса или лица его единоличное пользованіе суверенитетомъ, его права, привилегіи, собственность, но нельзя упразднить всѣ тѣ общественныя функціи, которыя онъ выполнялъ и фактически еще и теперь продолжаетъ выполнять, въ силу исторической инерціи или традиціоннаго своего обаянія. Съ этой точки зрѣнія экономическій суверенъ, и послѣ утраты своего суверенитета, можетъ получить значительную часть завоеваннаго новымъ классомъ суверенитета, и вотъ эта-то сила и стремленіе класса, даже послѣ пораженія, удержать въ своихъ рукахъ часть своего былого суверенитета,— эта сила создаетъ Верхнюю палату. Двухпалатная система есть не что иное, какъ сохраненіе части юридическаго суверенитета за отживающимъ классомъ или институтомъ (дворянство или монархія, чаще—оба вмѣстѣ). Двухпалатная система есть приспособленіе прежняго юридическаго суверена къ новымъ политическимъ условіямъ, къ новому соотношенію экономическихъ и политическихъ силъ,—эта система есть арена дѣлежа добычи между господствующими классами.

Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о недѣлимости суверенитета—къ тому же, еще въ смыслѣ принадлежности его всему народу—въ современномъ государствѣ, когда почти повсюду неизмѣннымъ украшеніемъ буржуазнаго господства является двухпалатный парламентъ, когда сами господствующіе классы постоянно сталкиваются у кормила власти?—Такимъ образомъ, о недѣлимости суверенитета можно повторить то же, что сказано о его неотчуждаемости, и поскольку этимъ принципомъ устанавливается, что «никакая общественная группа, путемъ дробленія суверенитета», не можетъ захватить господствующей части суверенитета, постольку этому противорѣчитъ дальнѣйшая исторія буржуазіи, установившей этотъ принципъ: буржуазія раздѣлила суверенитетъ между собой, феодальной аристократіей и монархомъ, и эти три силы, представляя собою суверенную націю, дѣлятъ между собою всѣ выгоды эксплоатаціи народныхъ

массъ и господства надъ тѣмъ народомъ, представителями котораго они заявляютъ себя въ законѣ [1]).

Недѣлимымъ суверенитетъ является лишь въ томъ смыслѣ, что господствующіе классы не удѣляютъ «народу» никакой замѣтной и серьезной части своего суверенитета, сколько-бы представителей не имѣлъ рабочій классъ въ парламентѣ. Такимъ образомъ, буржуазія дѣйствительно исполнила свое обѣщаніе, торжественно данное въ «Декларацiи правъ»· суверенитетъ недѣлимъ, но не въ томъ смыслѣ, что принадлежитъ безраздѣльно всему народу, но въ томъ, что имъ безгранично и безраздѣльно пользуются господствующіе классы. Такимъ образомъ, и въ этомъ пунктѣ, торжественныя обѣщанія и демократическіе идеалы нѣкогда передовой и революціонной буржуазіи—осуществитъ лишь пролетаріатъ, который въ своемъ соціалистическомъ обществѣ дѣйствительно утвердитъ недѣлимость національнаго суверенитета, въ смыслѣ принадлежности его всему, безъ изъятій, народу, не раздѣленному на классы.

ГЛАВА III.

Суверенитетъ и форма правленія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ не только теоріи, но и практики политической борьбы является вопросъ о формѣ правленія, какъ формѣ организаціи и защиты фактически-суверереннымъ классомъ своего юридическаго суверенитета: насколько та или иная форма правленія защищаетъ интересы того или иного общественнаго класса и—что особенно важно для нашей работы — какую политическую форму избираетъ

---

[1]) Выразительной иллюстрацiей того, какъ буржуазія, при отсутствiи монарха и феодальной знати, осуществляетъ неотчужденность и недѣлимость суверенитета,—можетъ служить Женевская республика, гражданиномъ которой Руссо съ такой гордостью называлъ себя: «къ народу», въ рукахъ котораго, согласно Руссо, находился суверенитетъ, принадлежало 1000—2000 гражданъ, «citoyens»; сюда входили и фамилiи, съ давнихъ временъ обладавшія правомъ гражданства, и «bourgeois», которые не родились гражданами, но впослѣдствiи были приняты въ гражданство. Большая часть населенія не имѣла политическихъ правъ; это были «natifs», родившіеся въ Женевѣ, но не принадлежавшіе къ бюргерству жители, и «habitants», вновь поселившіеся; они занимали какъ разъ такое положеніе, какъ метеки въ Аѳинахъ» (!). «Только въ 1738 г. имъ было предоставлено право самостоятельно заниматься ремеслами и вступать въ цехи». Готфр. Кохъ. Очерки по исторiи полит. идей и госуд управл. М. 1906, стр. 210.

или предпочитаетъ фактически-суверенный общественный классъ, какую юридическую надстройку создаетъ для экономическаго базиса суверенный классъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что фактически-суверенный общественный классъ, полный экономическихъ силъ и идейнаго вліянія на общество, самымъ рѣшительнымъ образомъ избираетъ республику формой для своего политическаго господства: его фактическое полновластіе, его подавляющая сила въ сравненіи съ другими общественными классами и группами, его политическій и идейный энтузіазмъ, его самообольщеніе и самоувѣренность, присущія ему въ періодъ высшаго расцвѣта его силъ и соціальнаго обаянія—все толкаетъ его къ отверженію, къ рѣшительному отрицанію монархіи. Но было бы ошибочно думать, что этотъ классъ всегда былъ и будетъ враждебенъ монархіи. Такое сужденіе было бы такъ же поспѣшно, какъ и обратное: что монархія имѣетъ свой опредѣленный, принципіально ей ненавистный классъ, и другой, любимый и лелѣемый ею.

Въ своей «Республикѣ и соц.-демократіи» Каутскій говоритъ: «Опредѣленному общественному строю и даже каждому общественному классу соотвѣтствуетъ опредѣленный политическій строй, наиболѣе приспособленный къ его интересамъ, наиболѣе благопріятствующій его развитію. Съ измѣненіемъ общественныхъ условій измѣняются также и политическіе идеалы». — Въ силу этого, одинъ и тотъ же классъ на различныхъ ступеняхъ своего развитія можетъ стоять за различныя формы правленія, и, наоборотъ, одна и та же форма правленія, въ различныя эпохи общественнаго развитія, можетъ обезпечивать и защищать интересы различныхъ общественныхъ классовъ. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить исторія возникновенія и развитія монархіи.

Происхожденіе монархіи, ея силу и общественный смыслъ, какъ мы видѣли, надо искать въ ея централизующей и организующей роли, въ объединеніи самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга общинъ, въ созданіи націи, т. е. въ глубоко-прогрессивной ея дѣятельности, шедшей нога въ ногу съ могучими потребностями экономическаго развитія и прогресса. Воплощаясь въ количественно-ничтожной группѣ лицъ, составляющихъ верхній слой организующихъ общественныхъ элементовъ, (но ни въ коемъ случаѣ не стоящихъ внѣ или надъ ними, въ смыслѣ оторванности отъ нихъ, въ смыслѣ надъ-классовой силы),—монархія, для своей централизующей роли, нуждалась прежде всего въ достаточномъ просторѣ для своей власти — для подавленія протестовъ и возмущеній со стороны тѣхъ общественныхъ группъ, которыхъ частные интересы должны были быть принесены въ жертву общему эконо-

мическому развитію цѣлаго [1]). Во Франціи, напр., — какъ и въ другихъ странахъ,—такимъ классомъ явились феодалы. Монархія вступила съ ними въ борьбу. Но, какъ ни могущественъ былъ тотъ союзникъ монархіи, которымъ явилось развитіе производительныхъ силъ и который неотвратимо велъ феодаловъ къ полной потерѣ всякаго экономическаго значенія, — этого было мало. Монархія, не забывая ни на минуту своей организаторской роли и крѣпко держа въ рукахъ организаторскія и централистскія нити, опирается на возникающій общественный классъ городской буржуазіи, торговый и ремесленный капиталъ, и въ союзѣ съ ними идетъ противъ дворянства. Выведенное изъ этого факта заключеніе, что монархія есть форма правленія, опирающаяся на буржуазію въ борьбѣ съ аристократіей, — носило бы на себѣ печать того же грубаго эмпиризма, какъ и другое утвержденіе, матеріалъ для котораго берется изъ позднѣйшей исторіи французской монархіи, утвержденіе, что монархія есть форма политическаго господства феодальнаго дворянства противъ другихъ классовъ.

Монархія по существу своему экономически нейтральна: ей безразлично, какой классъ даетъ опору ея существованію и какому классу она сама, въ силу своего юридическаго суверенитета, оказываетъ поддержку. Ея экономическій и политическій интересъ—чисто отрицательный: не дать ни одному классу поднять свою голову въ уровень съ нею, не дать ни одному классу безраздѣльнаго экономическаго и политическаго господства надъ всѣми другими; ея интересъ—равновѣсіе классовъ, чаще всего,—особенно въ послѣднее время,—равновѣсіе господствующихъ классовъ. Поэтому, когда сила какого-нибудь класса очень велика, подавляетъ силу остальныхъ классовъ (феодальная Англія XII и XIII в.в.), онъ прекрасно чувствуетъ гнетъ монархіи и то, что она не дастъ ему того политическаго полновластія, которое соотвѣтствовало бы его экономическому могуществу; онъ вступаетъ съ ней въ борьбу, онъ борется за юридическій суверенитетъ, за парламентъ. Монархія, если нѣтъ къ тому времени достаточно сильнаго класса, на который она могла бы опереться въ противовѣсъ притязаніямъ перваго, вынуждена уступить, но втайнѣ питаетъ нарождающійся новый классъ, чтобы съ его помощью обуздать

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что къ концу среднихъ вѣковъ рыцарство, напр., въ Германіи, своими разбоями дѣлало совершенно немыслимымъ какое бы то ни было правильное сообщеніе между различными частями даже одной и той же государственной единицы. «Рыцарство, говоритъ Бецольдъ, стало элементомъ, вреднымъ культурѣ и позоромъ имперіи. Папскій легатъ Кампано назвалъ въ 1471 г Германію сплошнымъ большимъ вертепомъ разбойниковъ». Стр. 29.

полновластный первый классъ (нѣмецкіе города XIII—XIV вѣковъ [1]). Этотъ питомецъ монархіи, естественно, держится за нее противъ юридически и фактически-суверенаго класса, но до поры, до времени: когда, подъ защитой монархіи, его фактическій ростъ и соотвѣтственное вліяніе на государственную власть достаточно возрастутъ и даже перерастутъ вліяніе юридически-суверенаго класса, онъ возстаетъ противъ монархіи, которая раньше его вскормила, а теперь, въ виду его грознаго роста и силы, создаетъ препятствія его сплоченности и организаціи [2]) или спѣшитъ уравновѣсить его могущество силой антагонистическаго ему общественнаго класса. Начинается эта борьба вслѣдствіе покровительства угасающему общественному классу и выливается въ рѣшительную борьбу противъ монархіи, со стороны новаго, фактически, т. е. экономически-полновластнаго класса; онъ требуетъ республики (англійская буржуазія въ 1649 г.)

Но это лишь до тѣхъ поръ, пока нѣтъ ему соперника. Когда этотъ послѣдній, въ лицѣ третьяго класса, является на сцену, его фактическое вліяніе растетъ, онъ заявляетъ угрожающія требованія, опасныя для юридическаго суверенитета второго класса,—тогда этотъ послѣдній снова охотно отдается подъ покровительство монархіи и торопливо прячется за ея широкую капральскую спину и традиціонный авторитетъ среди народныхъ массъ.

Таковъ историческій смыслъ реставраціи: реставрація Стюартовъ (1660), диктатура Наполеона (1799), реставрація Бурбоновъ (1814) и самодержавіе Наполеона III (1852).

Бываютъ, однако, моменты, когда монархію отвергаютъ одинаково и поднимающійся общественный классъ, но не достигшій единовластнаго господства надъ обществомъ, и угасающій общественный классъ, еще полный, однако, силъ и вліянія. Они оба желаютъ республики и даже входятъ въ коалицію (орлеанисты

---

[1]) «Вплоть до XIV столѣтія простирается возрастающее политическое развитіе нѣмецкаго бюргерства, и кто могъ бы включить тогда это движеніе въ опредѣленныя рамки?» Фр. ф. Бецольдъ. Ист. реформаціи въ Герм Т. I. Спб. 1900, стр. 24.

[2]) «У (нѣмецкихъ) князей были вѣскія основанія смотрѣть съ неудовольствіемъ на союзъ городовъ, ибо здѣсь вырастала въ высшей степени опасная конкуренція ихъ собственнымъ стремленіямъ къ обладанію всей властью въ государствѣ. При такихъ условіяхъ, открытое и рѣшительное столкновеніе было неизбѣжно. Дѣйствительно, въ концѣ XIV в., несмотря на запрещеніе Карла IV въ золотой буллѣ всякихъ союзовъ, образованныхъ безъ разрѣшенія князей, города рѣшились на отважную попытку упрочить свое положеніе наперекоръ имперскому закону; швабскій, рейнскій, франкскій и виттершаускій союзы соединились между собою... но въ 1388 году войска городовъ были на голову разбиты въ Швабіи, Франконіи и на Рейнѣ»... Ibid., стр. 24—5.

и легитимисты, буржуазія и феодалы 48 г. [1]). Это не противорѣчитъ, однако, нашей схемѣ. Феодалы, благодаря вторженію капитализма въ земледѣліе, все болѣе сливались съ крупной буржуазіей въ одинъ эксплоататорскій заговоръ. Объединяющей связью являлась не столько общность положительныхъ интересовъ, которой, безъ сомнѣнія, не было, но главнымъ образомъ — общность отрицательныхъ интересовъ, общая вражда къ пролетаріату и крестьянству. Испуганные угрожающимъ поведеніемъ и требованіями пролетаріата и крестьянства, они предпочли цезаризмъ диктатурѣ пролетаріата. Это объединеніе ихъ въ одну большую группу господствующаго класса, и боязнь каждаго изъ нихъ, что другой черезъ монархію, созданную и поддерживаемую его фактической силой, сможетъ овладѣть юридическимъ суверенитетомъ,—заставляетъ ихъ избрать нейтральную почву совмѣстнаго вліянія на государственную машину — республику; это не мѣшаетъ имъ, однако, отдаваться тайнымъ мечтамъ о монархіи, которая цѣлостно и рѣшительно осуществляла бы ихъ классовыя стремленія.

Такимъ образомъ, когда два господствующихъ класса въ своемъ развитіи достигаютъ такого положенія, когда одинъ еще фактически не полновластенъ для созданія республики, а другой уже не имѣетъ фактическаго суверенитета для того, чтобы въ республикѣ осуществлять свои интересы, когда въ данный моментъ ихъ силы приближаются къ равенству,—каждый изъ нихъ желаетъ монархіи, но такой и до тѣхъ поръ, поскольку и покуда она осуществляетъ только его волю. Отсюда извѣстный девизъ нѣмецкихъ юнкеровъ: «Auch der König absolut, wenn er unsern Willen thut» («И король абсолютенъ, разъ только онъ исполняетъ нашу волю.)

Однако, благодаря равенству силъ, борьба за монополію своего класса встрѣчаетъ отпоръ въ стремленіи другого класса къ своей монополіи, и тогда они сходятся на нейтральной почвѣ и заключаютъ союзъ для господства надъ массами подъ эгидой республики. Но, съ одной стороны, страхъ предъ угнетенными классами заставляетъ ихъ предпочитать диктатуру цезаристскую диктатурѣ народной, съ другой—союзъ угнетенныхъ классовъ, которые, подъ режимомъ такой республики, страдаютъ не меньше, чѣмъ при монархіи, вырываетъ у нихъ республику и создаетъ монархію (Наполеонъ III), которая не допускаетъ къ власти ни экономически господствующіе классы, ни угнетенные классы, а правитъ сама, «балансируя» между ними.

---

[1]) К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи. Спб. 1905, стр 58—59: 18-е Брюмера. М. 1906., стр. 12.

Итакъ, мы видимъ, что классы, экономически еще не полновластные или, напротивъ, экономически уже угасающіе, иногда охотно держатся за монархію, а глубо-созрѣвшіе, полные развивающихся силъ и общественнаго авторитета классы—рѣшительно ей враждебны. Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже видѣли, умирающій классъ имѣетъ въ монархіи самаго надежнаго союзника, который ему тѣмъ необходимѣе, что угасаніе и разложеніе класса никогда не стоитъ одиноко, а всегда имѣетъ причиной и предпосылкой появленіе новаго растущаго класса; гибель и разложеніе нѣкогда фактически-суверенаго общественнаго класса является слѣдствіемъ развитія и торжества его антагониста, вытѣсняющаго его со всѣхъ позицій. Поэтому разлагающійся классъ, теряющій подъ собою экономическую почву своего суверенитета, всѣми силами поддерживаетъ монархію, которая въ силу ея собственныхъ интересовъ, интересовъ клики, которая управляетъ именемъ монарха, не допуститъ роста и политическаго единовластія новаго класса, и для этого должна будетъ всячески поддерживать силу стараго класса, чтобы тѣмъ ослабить новый [1]). Эта поддержка угасающаго класса, конечно, не мѣшаетъ монархіи осуществлять и желанія новаго класса, тѣмъ болѣе, если у него имѣется фактическая сила принудить монархію; не мѣшаетъ даже поддерживать его больше, чѣмъ всѣ другіе общественные классы и служить его послушнымъ орудіемъ,—но до извѣстнаго предѣла: предѣлъ этотъ опредѣляется такими размѣрами роста новаго класса, которые создаютъ въ немъ стремленіе къ единовластію и захвату юридическаго суверенитета. Какъ только обнаруживается такая зрѣлость и сила класса,—монархія ставитъ неисчислимыя препятствія на его пути къ политической власти [2]); это, въ свою очередь, вызываетъ недовѣріе и раздраженіе въ претендентѣ на суверенитетъ, онъ становится все враждебнѣе монархіи, онъ требуетъ отъ нея все новыхъ и новыхъ правъ,—не покушаясь, однако, на ея существованіе, которое своимъ традиціоннымъ авторитетомъ въ глазахъ массы прикрываетъ и обезпечиваетъ для него

---

[1]) Монархія можетъ дѣлать это тѣмъ спокойнѣе, чѣмъ менѣе опасенъ ей покровительствуемый классъ, чѣмъ меньше шансовъ у него достигнуть полновластія.

[2]) Къ серединѣ 18 в. «парламенты измѣнили свое положеніе и систему. Королевская власть предоставила имъ силу, которую они направили противъ нея же. Въ то время, какъ гибель аристократіи окончательно подготовлена была ихъ общими усиліями, они разъединились, какъ разъединяются всѣ союзники послѣ побѣды. Королевская власть стремилась уничтожить орудіе, превратившееся изъ полезнаго для нея въ опасное; парламентъ, въ свою очередь, старался подорвать королевскую власть. Борьба эта... окончилась только революціей». Минье. Исторія французской революціи, стр. 6.

фактическое могущество. Если монархія бываетъ дальновидна и уступчива, — она является послушнымъ орудіемъ фактически-суверениаго общественнаго класса, и когда на историческую сцену выступаетъ третій претендентъ на суверенитетъ, она уже снова становится на ноги и балансируетъ между ними; тѣмъ болѣе, что второй классъ, съ ростомъ третьяго претендента, начинаетъ терять свой фактическій суверенитетъ, и страхъ предъ новымъ врагомъ заставляетъ его прятаться за спину монархіи, которая свою задачу видитъ въ поддержаніи равновѣсія между борющимися, въ политикѣ препятствованія усиленію какого-нибудь изъ нихъ до борьбы съ нею за суверенитетъ или непримиримой рѣшимости стремиться къ ея уничтоженію.

Если же, несмотря на ростъ новаго класса, монархія настолько недальновидна или упрямо-самовластна, что непримиримо борется съ нимъ, сопротивляется его покушеніямъ и со слѣпой жестокостью подавляетъ его притязанія на юридическій суверенитетъ, — онъ становится фанатически-враждебнымъ монархіи, его фанатическая непримиримость достигаетъ энтузіазма, онъ «братается» со всѣмъ обществомъ, выступаетъ, какъ его представитель и защитникъ противъ самовластія монархіи и прежняго фактически - суверениаго класса, увлекаетъ за собою все общество, свергаетъ монархію и учреждаетъ республику [1]). Однако-же, недостатокъ силъ въ борьбѣ съ старымъ врагомъ (въ рамкахъ республиканской законности) и ростъ новаго антагонистическаго класса, его угрожающее развитіе и идейное вліяніе заставляютъ вчерашняго республиканца стать врагомъ обманувшаго его принципа національнаго суверенитета, который долженъ былъ обозначать его собственный суверенитетъ, и онъ бросается ницъ предъ какой-нибудь энергичной «шпагой», умоляя ее спасти отечество (18-е брюмера Наполеона III и Наполеона I).

Но «шпага» сама знаетъ, когда и что ей дѣлать: она разгоняетъ всѣ «суверенныя» собранія и отводитъ ихъ для военныхъ постоевъ; она объявляетъ, что отнынѣ единовластнымъ, дѣйствительно-суверениымъ учрежденіемъ является казарма, въ и

---

[1]) Въ настоящее время, одинъ только сознательный пролетаріатъ упорно враждебенъ монархіи и на всѣ ея заигрыванія отвѣчаетъ самой рѣшительной и непримиримой ненавистью.

[2]) «Найдено изъ опыта», гласитъ резолюція Нижней Палаты англійскаго парламента отъ 7 февраля 1649 г., «что... королевская власть и вообще власть, сосредоточенная въ рукахъ одного лица, является излишней, тягостной и опасной для свободы, безопасности и общественнаго блага народа, поэтому она должна быть уничтожена» (is unnecessari, burdensome and dangerous to the liberty, safty and public interests of the people of this nation, and therefore ought to be abolisched). 19 мая однопалатный парламентъ Англіи объявилъ ее республикой (Commonwealth). S. Gardiner. History of Commonwealth and Protectorate. Lond. V. I. P. 3.

отвѣтъ на причитанія вчерашняго суверена, а нынѣ покорнаго вѣрноподданнаго, «шпага» можетъ по праву сказать: «Tu l'as voulu!»

Обращаясь къ основному вопросу, занимающему насъ въ настоящій моментъ—о политической настройкѣ для экономическаго базиса, мы видимъ, что хотя республика и является мечтой и воплощеніемъ полновластія фактически-господствующаго класса, но, вообще говоря, онъ никогда не становится во враждебное положеніе къ монархіи до тѣхъ поръ, пока не убѣдится безповоротно, что она неизлѣчимо-слѣпа и, игнорируя его мощь и развитіе, продолжаетъ предъявлять требованіе на вѣчное самовластіе, опорой беретъ угасающій общественный классъ, а орудіемъ—обнаженную силу.

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ монархія экономически-нейтральна, всякій общественный классъ полититически-нейтраленъ [1]). Каково бы ни было принципіальное отношеніе къ монархіи того или иного общественнаго класса, ни одинъ господствующій классъ не является враждебнымъ ей постоянно и неизмѣнно: напротивъ, подъ защитой ея исторически-укрѣпившагося авторитета зрѣетъ общественный авторитетъ представляемаго ею класса, и его общественная сила укрѣпляется двумя авторитетами: своимъ собственнымъ и монархіи, такъ что монархія бываетъ иногда выгодна экономическому суверену, разъ онъ имѣетъ на нее рѣшительное вліяніе или она ему не мѣшаетъ (Англія).

Кромѣ этихъ отрицательныхъ факторовъ, поддерживающихъ монархію, имѣются еще и другіе, положительные, которые даютъ ей силу и нѣкоторую долговѣчность. Такъ, монархія иногда искусственно, но всегда довольно искусно,—сплетаетъ и расплетаетъ различные групповые интересы—или внутри класса, на который опирается и которому служитъ, или перебрасываетъ нити сближенія между группами различныхъ классовъ, надѣляя ихъ привилегіями и, такимъ образомъ, группируя ихъ въ одну большую, преданную ей клику. Духовенство, напр., въ 18 вѣкѣ было надѣлено привилегіями вмѣстѣ съ дворянствомъ, но съ другой стороны было разъединено внутри—на высшее и низшее, почти нищенствовавшее.

Принципъ монархіи: раздѣляй и властвуй. Та же политика проводится ею по отношенію къ національностямъ и тотъ же характеръ носитъ поддержка деревни въ противовѣсъ крупнымъ городскимъ центрамъ. Такъ что Монтескье отмѣчаетъ только

---

[1]) Въ настоящее время, одинъ только сознательный пролетаріатъ упорно враждебенъ монархіи, и на всѣ ея заигрыванія отвѣчаетъ самой рѣшительной и непримиримой ненавистью.

одну сторону явленія, когда говоритъ, что «привилегіи дворянства, духовенства, городовъ, юрисдикція сеньеровъ и т. д.—суть ограниченія произвольной власти монарха». Эти привилегіи служатъ еще иной, совершенно противоположной цѣли: они разобщаютъ тѣ общественные элементы, которые могли бы объединиться противъ монархіи, и, такимъ образомъ, мало ограничивая «произвольную власть монарха», эти привилегіи даютъ ему самую сильную опору и поддержку въ произвольномъ распоряженіи силами и средствами государства.

Такъ же точно, но въ другомъ отношеніи, вызываютъ сомнѣніе слова Каутскаго, что «между монархіей и пролетаріатомъ всегда лежитъ та пропасть, которая раздѣляетъ имущихъ отъ неимущихъ».

Едва-ли эта пропасть создается различіемъ между имущими и неимущими. Еще больше была пропасть между буржуазіей, низкой по происхожденію, внѣшнимъ привычкамъ и вообще по своему идейному складу, порожденному тѣми новыми экономическими принципами, представительницей которыхъ она являлась,—съ одной стороны, и блестящей, родовитой, утонченно-воспитанной и аристократически-настроенной монархіей Бурбоновъ, представительницей стараго феодальнаго міропониманія,—съ другой. Однако, исторія знаетъ весьма продолжительные періоды, когда эта монархія поддерживала буржуазію: въ XVIII вѣкѣ она унизилась до раболѣпія предъ ея ростовщиками, а въ XIX вѣкѣ французская монархія настолько радикально измѣнила свой характеръ, что современники не называли Луи-Филиппа иначе, какъ королемъ банкировъ.—Точно такъ же монархія враждебна пролетаріату и даже преслѣдуетъ его лишь тогда, когда онъ или слабъ и безпомощенъ, или, напротивъ, начинаетъ заявлять серьезныя претензіи на власть,—или возстаетъ противъ покровительствуемаго монархіей класса, что, въ сущности, иногда и приводитъ его къ стремленію овладѣть властью. Въ другихъ случаяхъ, монархія не только заигрываетъ съ пролетаріатомъ (Наполеонъ III), но и оказываетъ ему реальныя услуги и поддержку (уніонистскія министерства Англіи, Чемберленъ).

Вообще же отношеніе монархіи къ тому или иному классу опредѣляется достаточными основаніями для претензіи его на суверенитетъ, и въ двухъ противоположныхъ случаяхъ это отношеніе одинаково враждебно: когда у класса слишкомъ мало или слишкомъ много этихъ основаній.

Въ первомъ случаѣ, когда классъ слабъ, подавленъ и забитъ, отношеніе къ нему монархіи опредѣляется презрѣніемъ и пренебреженіемъ: она позволяетъ безпрепятственно эксплоатировать и угнетать его тѣмъ классамъ, на экономическій суверенитетъ которыхъ она опирается.—Во второмъ

случаѣ, когда классъ уже окончательно созрѣлъ и, вооруженный, полный энергіи и «воли къ власти», стоитъ предъ монархіей, готовый вступить съ нею въ борьбу,—отношеніе къ нему монархіи выливается въ чувство ненависти монархія видитъ въ немъ претендента на ея суверенитетъ, изъ опоры онъ превращается въ разрушителя, изъ надежды на жизнь онъ становится символомъ смерти.

Но, несмотря на это, монархія охотно покровительствуетъ тѣмъ же классамъ,—которые она еще такъ недавно презирала или ненавидѣла и которые она потомъ будетъ игнорировать или преслѣдовать, — разъ только ихъ растущее фактическое значеніе даетъ ей теперь опору противъ претензіи на суверенитетъ со стороны другихъ классовъ, и это положеніе остается въ силѣ, будь это классъ имущій, какъ буржуазія, или неимущій, какъ пролетаріатъ. Во всякомъ случаѣ, «пропасти» между монархіей и какимъ бы то ни было классомъ не существуетъ: всякая монархія экономически нейтральна, точно такъ же, какъ всякій классъ нейтраленъ политически.

ОТДѢЛЪ IV.

Буржуазная и соціальная демократіи.

ГЛАВА I.

Различія между буржуазной и соціальной демократіями.

Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Западной Европы былъ вѣкомъ завоеванія и установленія буржуазнаго господства, и повсюду, гдѣ буржуазія низвергала абсолютизмъ, въ ея конституціяхъ устанавливался любимый принципъ буржуазной демократіи — самодержавіе народа. Но мы знаемъ, что практическое значеніе этого принципа повсюду искалѣчено, принижено и оскорбительно ничтожно даже для той буржуазной демократіи, которая съ такимъ упоеніемъ говоритъ объ этомъ принципѣ и которая рѣдко была въ состояніи создать на дѣлѣ какую-нибудь надежную и прочную гарантію противъ ограниченій и искаженій этого принципа: мы знаемъ, что ограниченія въ избирательномъ правѣ, доступномъ не для всѣхъ слоевъ народа въ равной мѣрѣ: многостепенные выборы; двухпалатный парламентъ; громадная роль монархической власти (Германія, Австрія, Италія); отвѣтственность должностныхъ лицъ не предъ парламентомъ, а предъ короной; ограниченное самоуправленіе, отсутствіе независимой судебной власти; отсутствіе полной свободы стачекъ, союзовъ, собраній, ученія и обученія [1]), религіи и прессы, равноправія національностей, сословій, женщинъ и т. д. и т. д. — отсутствіе

[1]) Весьма характерной иллюстраціей той свободы науки, какая существуетъ, напримѣръ, въ Германіи, можетъ служить книга Атлантикуса: боясь преслѣдованій за свои симпатіи къ соціализму, этотъ, повидимому, профессоръ не могъ выставить на ней своего имени, и долженъ былъ прикрыться псевдонимомъ Атлантикуса.—См. Атлантикусъ. Взглядъ на государство будущаго. Пред. Каутскаго. К. 1906.—Ср. также увольненіе соц.-демократа Аронса.

всѣхъ этихъ свободъ, составляющихъ логически-неизбѣжный выводъ изъ полнаго и цѣлостнаго осуществленія принципа самодержавія народа, какъ его формулировала старая демократія, съ Руссо во главѣ, — въ то-же время составляютъ логически-неизбѣжное слѣдствіе политическаго господства буржуазіи, вопреки тому, какъ его понимаетъ современная буржуазная демократія. Такимъ образомъ, практика буржуазнаго господства, даже въ такихъ демократіяхъ, какъ Франція, приводитъ къ цѣлому ряду искаженій и ограниченій того принципа самодержавія народа, который кладется въ основу почти всѣхъ конституцій міра, какъ формальная посылка, или всепроникающій основной принципъ. И характерно для буржуазной демократіи то, что она не только мирится съ этими искаженіями принципа національнаго суверенитета, который она такъ гордо провозглашаетъ, — но и защищаетъ эти искаженія и ограниченія, придумывая для нихъ самыя «естественныя» и «справедливыя» основанія.

Такъ, развертываемъ «Основанія» [1]) Эсмена и сперва читаемъ благородныя строки, въ стилѣ Руссо: «Безъ сомнѣнія, изъ самаго принципа національнаго суверенитета вытекаетъ, что всѣ граждане естественно призваны къ отправленію этой основной функціи, ибо ограничивать преднамѣренно это отправленіе въ пользу одного какого-нибудь отдѣльнаго класса гражданъ было-бы фактически равносильно сосредоточенію суверенитета въ этомъ привилегированномъ классѣ. Но...» Тутъ обрываются традиціи Руссо, вмѣстѣ съ ними прячется скрытое лицемѣріе буржуазной теоріи и на сцену выступаетъ циническое насиліе буржуазной практики: оказывается, что въ теоріи никого, конечно, «ограничивать преднамѣренно» нельзя, но — на практикѣ можно «вполнѣ законно запретить женщинамъ эту функцію, такъ какъ историческое развитіе человѣчества сдѣлало ихъ фактическую способность выполнять эту функцію чрезвычайно сомнительной», т. е. прежде всего милліоны женщинъ и женъ пролетаріевъ исключаются и устраняются съ поля политической борьбы, и это признается «вполнѣ законнымъ», потому что «основано на естественномъ фактѣ»;— не потому-ли скорѣе, что само понятіе законности лишилось въ буржуазномъ обществѣ своего творческаго, логически-опредѣленнаго содержанія и, перефразируя сентенціозное замѣчаніе Эсмена о женщинахъ, не справедливѣе-ли было бы сказать, что историческое развитіе буржуазіи сдѣлало ея собственную «фактическую способность выполнять функцію» государственнаго строительства «чрезвычайно сомнительной»?

---

[1]) А. Эсменъ. Общія основанія конституц. права. Спб. 1898, стр. 160.

Но этого ограниченія мало. Законъ, читаемъ мы дальше, «можетъ подчинить отправленіе (избирательной функціи) и мужчинъ требованію достаточно зрѣлаго возраста, постояннаго проживанія въ данной мѣстности», т. е. возрастному и осѣдлому цензу,—и, такимъ образомъ, устранить отъ политической дѣятельности наиболѣе воспріимчивые къ соціалистическимъ идеямъ умы и массы рабочаго класса, часто вынужденныя безпрестанно мѣнять мѣсто жительства: вѣдь буржуазная «обязанность работать» уже столѣтіями ищетъ своего логическаго дополненія «въ правѣ на трудъ»...

Мало и этого. «Слѣдуетъ прибавить», продолжаетъ Эсменъ, «что законъ можетъ также замѣнить прямую подачу голосовъ непрямой, если доказано, что этимъ можетъ быть достигнуто лучше и болѣе разумное отправленіе избирательной функціи». Конечно, что «лучше и разумнѣе»—будетъ опредѣлять тотъ-же буржуазно-феодальный парламентъ, переполненный кассоваго самоотреченія.

Вообще говоря, анализируя отношеніе современныхъ буржуазныхъ теоретиковъ къ принципу національнаго суверенитета и слѣдуя за ними въ ихъ защитѣ ограниченій и искаженій этого принципа, мысль не разъ останавливается предъ вопросомъ· до какого предѣла могутъ доходить сарказмы современныхъ буржуазныхъ теорій надъ тѣми принципами, которые еще такъ недавно и съ такимъ энтузіазмомъ провозглашены самой буржуазіей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ сочиненіяхъ извѣстнаго Ад. Прэнса [1]), неутомимаго противника «утопіи равенства», опаснаго разрушителя Марксовой теоріи цѣнности и непобѣдимаго аргументатора противъ... всеобщаго избирательнаго права. Можно различно оцѣнивать его экономическія и соціально-юридическія конституціи, но не колеблясь признать, что въ доводахъ его очень много поэзіи—гораздо больше, чѣмъ логики. Соціологическія построенія Прэнса не головоломны Общество у него дѣлится на двѣ части—на героевъ и толпу: герои—это государственные люди (des hommes d'Etat)—Ризо, Бругэмъ, Грей, Моль; толпа—все остальное общество, за исключеніемъ, впрочемъ, выдающихся индивидуальностей и развитыхъ умовъ (когда Прэнсъ хочетъ быть серьезнымъ, онъ говоритъ, что общество дѣлится на бѣдныхъ и богатыхъ). Что-же такое толпа?

«Толпа,—объясняетъ Прэнсъ,—какъ дитя· она любитъ прекрасныя сказки, въ которыхъ улыбающіяся феи быстрымъ движеніемъ открываютъ золотыя двери зачарованныхъ замковъ. Измѣнчивая, легковѣрная, враждебная духу ·анализа или отда-

---

[1]) Ad. Prins. De l'ésprit du gouvernement démocratique. Brux. et Leipz. 1905.

леннымъ перспективамъ, она дрожитъ отъ нетерпѣнія, въ наше время такъ-же, какъ въ былыя времена, когда она рукоплескала рѣчамъ Клеона въ Аѳинахъ или Джека Кэда въ Лондонѣ» (стр 184—5). Характеристика толпы для всѣхъ вѣковъ и народовъ готова, и никто не скажетъ, что ей не достаетъ поэзіи. Такой толпѣ Прэнсъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать всеобщаго избирательнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, это право можетъ только повредить ей, и не трудно понять, почему. Прэнсъ говоритъ, что общество дѣлится на бѣдныхъ и богатыхъ. Для «бѣдныхъ», нужно, конечно, написать «законы о страхованіи» и вообще «хорошіе экономическіе законы» («de bonnes lois économiques»). «бѣднымъ надо покровительствовать», потому что богатые сами знаютъ, какъ себѣ помочь. Но «слѣдуетъ-ли изъ этого, что бѣдные сумѣютъ черезъ всеобщее голосованіе выбрать наилучшихъ защитниковъ своихъ правъ?» Прэнсъ рѣшительно сомнѣвается въ этомъ. Возьмите примѣръ: для невѣждъ необходима раціональная постановка просвѣщенія въ странѣ,—неужели предоставить невѣждамъ выборъ лицъ, способныхъ освободить ихъ отъ невѣжества? Или неужели законодатель, желающій «принять дѣйствительныя мѣры» противъ алкоголизма, долженъ «зависѣть отъ толпы винокуровъ, кабатчиковъ» (и самихъ алкоголиковъ?)?—Нѣтъ, всеобщее избирательное право не годится ни для парламентовъ, ни для коммунальныхъ и муниципальныхъ органовъ: еще «предки наши оцѣнили, что въ общественныхъ дѣлахъ, какъ и въ частныхъ, необходимо профессіональное и техническое образованіе» (стр. 189—192).

Вооруженный этими аргументами и призвавъ на помощь Заратустру и Бальфура, Штокмана и Д'Аннунціо, Спенсера и Анатоля Франса, Ренана и Элизе Реклю, — Прэнсъ рѣшительно возстаетъ противъ принципа большинства и всеобщаго избирательнаго права, и, прослѣдивъ развитіе этихъ принциповъ отъ античной древности до настоящаго момента, отдыхаетъ душой въ средневѣковомъ обществѣ, ибо, по его мнѣнію, «средневѣковье знало истинные народные суверенитеты. Они не были расплывчаты, хрупки, нерѣшительны, окутаны туманами абстракціи. Они были тяжеловѣсны, массивны, неправильны, но способны къ сопротивленію. Раздѣленныя на профессіональныя, политическія, соціальныя группы, они давали органическое выраженіе общей волѣ. Они осуществляли, кромѣ того, типъ демократическаго общества» и т. д.—(Ad. Prins. L'ésprit... P. 147—8)...

Трудно аргументировать противъ воззрѣній, въ которыхъ научный энтузіазмъ и жажда борьбы за соціальный идеалъ подмѣнены научной фразой и романтической тоской по прошлому; трудно холодно и спокойно повторять и доказывать, что научный анализъ долженъ быть направленъ не на констатированіе

имущественныхъ различій, а на изслѣдованіе причинъ борьбы классовыхъ противорѣчій; что исторія гражданскаго общества есть не «сближеніе и координація» «бѣдныхъ» съ «богатыми» на почвѣ «хорошихъ экономическихъ законовъ», а вѣчное столкновеніе и неотвратимое наростаніе классовыхъ антагонизмовъ, на почвѣ борьбы за экономическое и политическое господство; что въ этой борьбѣ сталкиваются между собою не даровитые герои съ невѣжественной и бездарной толпой, или мудрые законодатели — съ «аморфной» массой, а классы экономически-господствующіе съ политически-порабощенными, классы, управляющіе государствомъ, съ классами, эксплоатируемыми государствомъ; что не потому экономически-суверенный классъ диктуетъ свои законы всему обществу, что въ средѣ его больше таланта и «профессіонально-техническаго образованія», — а, напротивъ, умственныя его силы созданы и накоплены господствующимъ его положеніемъ, за которое онъ борется и тогда, когда таланты его деградируютъ, когда новые поднимающіеся общественные классы заключаютъ въ своихъ рядахъ неизмѣримо-большія умственныя силы, чѣмъ ихъ имѣется у классовъ юридически-господствующихъ: все это само собою понятно и вытекаетъ изъ посылокъ, лежащихъ въ основѣ настоящей работы. Въ одномъ только можно упрекнуть Прэнса — въ неосновательности печали по угасшему сословному строю средневѣковья. и понынѣ, несмотря на всеобщее избирательное право, котораго такъ боится Прэнсъ, аналогичный строй существуетъ въ формѣ классоваго представительства. созданнаго самою жизнью, внѣ искусственно-юридическаго разслоенія общества на сословія.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ аргументахъ Прэнса противъ принципа большинства, для котораго нашъ ученый не находитъ достаточно презрительныхъ выраженій («режимъ числа», «абсолютизмъ числа» и т. п.), — любопытно, какъ онъ объясняетъ историческую роль принципа большинства: «Миссіей числа было—оказать сопротивленіе захватамъ олигархіи привилегированныхъ; число было естественной плотиной противъ ихъ насилій», т. е. принципъ самодержавія народа необходимъ былъ буржуазіи въ ея борьбѣ съ феодальнымъ дворянствомъ («олигархіей привилегированныхъ»); къ тому-же, нужна была популярность среди широкихъ массъ народа, ибо «тѣ, которые не признавали этого принципа, слыли въ глазахъ толпы реакціонерами» (стр. 229). Но эти времена прошли. Въ настоящее время буржуазіи не опасны «олигархія привилегированныхъ» и монархическая власть; буржуазные политическіе принципы утвердились достаточно прочно, а принципъ большинства, проведенный до конца, можетъ отдать государственную власть обездоленнымъ классамъ, «толпѣ»; поэтому надо трубить отбой и разсудительно

объяснять, что когда-то былъ полезенъ принципъ большинства, когда имъ надо было сломить власть самодержавія и дворянства. Теперь обстоятельства ужъ не тѣ; міръ преобразился: основные принципы современнаго общества безспорно признаны... Если личная власть остается опасностью и должна быть сдерживаема, то безличная власть разнузданнаго большинства можетъ быть точно такъ же гибельна для свободы и прав ... Чистое всеобщее избирательное право отвѣчаетъ инстинктивному побужденію и могло быть необходимымъ этапомъ развитія», но, конечно, давнопройденнымъ: «теперь надо сдѣлать еще шагъ»,— вѣроятно, въ сторону дальнѣйшаго ограниченія всеобщаго избирательнаго права (стр. 230).— Серьезно говоря, зачѣмъ оно? Развѣ не видитъ всякій, подобно Прэнсу, зародыши «рабочаго законодательства» въ аристократической Пруссіи 1820 г. и «иниціативу» Бисмарка въ области «соціальной политики» (стр. 224)? Въ послѣднемъ случаѣ Прэнсъ не боится спорить даже съ самимъ Бисмаркомъ, заявившимъ, что иниціатива въ области соціальной политики принадлежитъ соц.-демократіи, безъ которой этой политики не было бы, но поэтически-одаренное воображеніе Прэнса, очевидно, даетъ ему возможность понимать поступки Бисмарка лучше, чѣмъ онъ самъ себѣ ихъ представлялъ...

Такъ говоритъ и разсуждаетъ современная буржуазная демократія. Она позабыла тѣ рѣчи, которыя она обращала къ народу, когда онъ кровью своей купилъ ея свободу, она забыла не только обѣщанія, но и «священные» свои принципы Впрочемъ, и то и другое она позабыла уже на другой день послѣ революціи. Тотъ самый Буасси д'Англа, который торжественно заявилъ, лишая революціонный парижскій департаментъ его имени, что «даже въ самыхъ малыхъ вещахъ не должно быть привилегій», не менѣе торжественно и смѣло защищалъ недостойнѣйшую изъ всѣхъ привилегій—привилегію избирательнаго права, въ своемъ проектѣ-докладѣ организаціи буржуазной цензовой республики (1795): «Настало время,—гласитъ докладъ,— воспользоваться преступленіями монархіи, ошибками Законодательнаго Собранія, преступной тираніей децемвировъ, бѣдствіями анархіи, несчастіями гражданской войны», т. е. воспользоваться опытомъ прошедшаго и не отдавать въ руки революціоннаго народа политической власти, использовать «преступленія монархіи», т. е. пораженіе самодержавія, и «бѣдствія анархіи», т. е. побѣду революціоннаго народа,—для того, чтобы создать прочное зданіе буржуазной диктатуры и устранить въ будущемъ пролетаріатъ отъ всякаго вліянія на политическую жизнь. Для этого нужно только серьезно и не смущаясь говорить: «Если вы предоставите людямъ, не имѣющимъ собственности политическія права безъ ограниченія, и если эти люди окажутся когда-нибудь

на скамьяхъ законодателей, то они будутъ вызывать или будутъ допускать волненія, не опасаясь ихъ послѣдствій; они установятъ или допустятъ установить налоги, пагубные для промышленности и земледѣлія... Страна, управляемая собственниками, живетъ въ соціальномъ строѣ, страна, въ которой управляютъ не имѣющіе собственности, живетъ въ первобытныхъ условіяхъ».

Приведя этотъ замѣчательный продуктъ буржуазнаго демократизма, даже Эсменъ застѣнчиво замѣчаетъ: «Мнѣ кажется, что въ этихъ разсужденіяхъ кроется ошибка и что цензовый режимъ логически несовмѣстимъ съ принципомъ національнаго суверенитета», ибо «надо, чтобы условія правоспособности, которыхъ законъ требуетъ отъ избирателей, были одинаково легко и удобно примѣнимы ко всѣмъ». А среди старыхъ демократовъ 89-95 г. взгляды Буасси д' Англа вызвали бичующе-смѣлый, блестящій отвѣтъ Жюльена Суэ: «Этотъ классъ людей, называемыхъ пролетаріями, съ энтузіазмомъ вооружился на защиту общей свободы. Кто побѣдилъ внѣшняго врага? Кто проливалъ свою кровь на Аргоннскихъ высотахъ, въ Жемаппѣ, въ Пиренеяхъ, при Флерюсѣ, въ Альпахъ, на Рейнѣ? Кто покрылъ Францію побѣдными лаврами и начерталъ ея имя на скрижаляхъ безсмертія? Безъ сомнѣнія, и другіе граждане принимали участіе въ этомъ удивительномъ пожинаніи славы; но что заставляетъ презирать смерть, какъ не несчастье? Что способно вызвать столько чудесъ, какъ не это презрѣніе къ смерти, несчастіе, надежда и добродѣтель?

А во внутреннихъ дѣлахъ, кто можетъ сомнѣваться, что революція совершена народомъ? Безъ сомнѣнія, иниціатива принадлежитъ въ ней совѣтамъ философіи; но безъ народной силы они создали бы лишь прекрасную иллюзію. Четырнадцатымъ іюля и десятымъ августа мы обязаны, главнымъ образомъ, классу неимущихъ гражданъ. Перзрѣніе, которымъ они были покрыты при старомъ порядкѣ; страданія, терзающія людей и заставляющія ихъ непрерывно мѣнять положеніе; чувствительность къ бѣдствію своихъ ближнихъ, столь естественная въ несчастномъ; отдаленность отъ милостей двора и выгодъ, извлекавшихся изъ его безпорядочной жизни богатыми и привилегированными; пониманіе природы, болѣе сильное у класса, наименѣе удаленнаго отъ ея свойствъ и законовъ; энтузіазмъ къ свободѣ и равенству, какъ самое сладкое утѣшеніе въ несчастіи и самая сильная страсть въ человѣкѣ, преслѣдуемомъ оскорбленіями и общественнымъ презрѣніемъ,—все это влекло неимущаго къ низверженію деспотизма, и его усилія были тѣмъ страшнѣе, что, такъ какъ ему нечего было терять, а надѣяться онъ могъ на все, то никакія соображенія не задерживали его порыва. Неужели же онъ пролилъ столько крови, выдержалъ столько битвъ, пе-

ренесъ столько лишеній и испытаній лишь для того, чтобы снова впасть въ рабство и видѣть, какъ у него отнимаются права тѣми самыми людьми, могущество и свободу которыхъ онъ обезпечилъ.» [1])

Говоритъ ли теперь буржуазная демократія Франціи то же самое? Есть ли въ ней не только Эсмены и Прэнсы, но и Жюльены Суэ?—Трудно сказать, но господствующій тонъ ея вполнѣ опредѣленно передаютъ тѣ конкретныя урѣзки и искаженія принципа самодержавія народа, которыми наполнена практика политической жизни Франціи и всего Запада вообще и съ которыми легко мирится буржуазная демократія.

И это понятно. Современная буржуазная демократія, поскольку она мирится съ буржуазнымъ строемъ, борется противъ покушеній на его цѣлость и противъ замѣны его соціалистическимъ строемъ,—не только не хочетъ—она не м о ж е т ъ, если-бъ и хотѣла—ни устранить эти ограниченія и искаженія принципа самодержавія народа в ъ н а с т о я щ е м ъ, ни сколько-нибудь плодотворно бороться за ихъ уничтоженіе в ъ б у д у щ е м ъ, ибо они являются логическимъ слѣдствіемъ господства буржуазіи и основы этого господства—буржуазнаго строя, пока, слѣдовательно, существуетъ этотъ послѣдній, должны въ большей или меньшей мѣрѣ существовать эти ограниченія и искаженія.

Совершенно иначе понимаетъ принципы самодержавія народа соц.-демократія. Глубоко враждебная существующему буржуазному строю, всѣми силами стремясь къ его ниспроверженію и борясь за соціализмъ, соц.-демократія тѣмъ самымъ борется не только противъ современнаго господства буржуазіи и вырастающихъ на его почвѣ ограниченій принципа самодержавія народа,—но и стремится создать такой политическій строй, въ которомъ эти ограниченія были бы немыслимы, въ которомъ, слѣдовательно, съ неизбѣжной необходимостью осуществится истинное самодержавіе народа, гдѣ дѣйствительно в е с ь, безъ классовыхъ изъятій и ограниченій, народъ является опредѣляющимърѣшающимъ факторомъ государственной жизни націи. Такимъ образомъ, соц.-демократія доводитъ робкія, половинчатыя требованія буржуазной демократіи до ихъ логическаго конца и требуетъ цѣлостнаго и рѣшительнаго проведенія этого принципа во всѣ сферы политической организаціи общества.

Но провозглашая принципъ самодержавія народа лозунгомъ непосредственной политической борьбы, неустанно защищая и проводя въ жизнь отдѣльныя частныя черты этого принципа, соц.-демократія нисколько не обманываетъ себя относительно невозможности медленной, безпрерывной, лойяльной борь-

[1]) Жюльенъ Суэ. «Мнѣніе». О л а р ъ, стр. 665.

бой провести и осуществить, во всей его рѣшительной полнотѣ, этотъ принципъ въ рамкахъ буржуазнаго общества,—и притомъ—именно въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ, со ихъ многочисленнымъ, дисциплинированнымъ, сознательнымъ пролетаріатомъ, объединеннымъ подъ знаменами соц.-демократіи. Проведеніе самодержавія народа въ такихъ странахъ будетъ означать низверженіе господства буржуазіи и замѣну буржуазнаго строя—соціалистическимъ, и несомнѣнно, что такія событія, по своей грандіозности превосходя торжество христіанства, побѣду реформаціи и введеніе конституціоннаго правленія, не могутъ совершиться за спиною тѣхъ, противъ кого направлены: не можетъ произойти, чтобы эти постепенныя реформы были допущены во всей своей угрожающей силѣ, чтобы борьба за эти реформы и осуществленіе важнѣйшихъ изъ нихъ не возбудило бы взрыва сопротивленія со стороны господствующихъ классовъ, чтобы всѣ наличныя силы этихъ классовъ не были мобилизованы противъ «разрушительныхъ тенденцій» освобождающаго рабочаго класса, поднявшагося мощной и рѣшительной борьбой противъ стараго порядка: неминуемо должна произойти соціальная революція, и новый строй можетъ замѣнить старый, лишь пройдя черезъ политическія формы диктатуры пролетаріата.

Въ этомъ пунктѣ еще рѣзче и рѣшительнѣе раскрывается та пропасть, которая раздѣляетъ соціальную и буржуазную демократіи. Соц.-демократія, включая въ свою программу-минимумъ требованіе самодержавія народа, твердо убѣждена, что проведеніе этого принципа въ рамкахъ буржуазнаго строя никогда не можетъ быть цѣлостнымъ и послѣдовательнымъ, что всякій крупный шагъ въ сторону усиленія непосредственнаго вліянія рабочаго класса на законодательство, можетъ быть купленъ лишь цѣною революціонной борьбы, полной жертвъ и насилій, что каковы бы ни были результаты этой борьбы, какъ бы значительны и важны ни были уступки буржуазныхъ правительствъ, эти уступки и завоеванія не могутъ привести въ настоящее время къ цѣлостному самодержавію народа, которое въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ неминуемо означаетъ господство рабочаго класса, т. е. начало конца капиталистическаго строя; между тѣмъ, паденіе буржуазнаго строя возможно лишь тогда, когда создадутся *матеріальныя условія* для уничтоженія капиталистическаго способа производства, на которомъ зиждется политическое господство буржуазіи,—въ рамкахъ же буржуазнаго строя рабочій классъ можетъ лишь принимать болѣе или менѣе замѣтное участіе *въ организаціи буржуазнаго господства*, но ни въ коемъ случаѣ не въ (постепенной) *соціализаціи буржуазнаго общества*;

поэтому, пока не будутъ созданы экономическія предпосылки диктатуры пролетаріата, ему не удастся ни уничтожить господство буржуазіи, ни осуществить для себя, наравнѣ съ господствующими классами, непосредственное вліяніе на политическую жизнь страны, въ духѣ медленнаго и постепеннаго проведенія принциповъ соціализма.

Такимъ образомъ, соц.-демократія, провозглашая и борясь за осуществленіе принципа самодержавія народа, видитъ въ немъ лишь цѣль политической борьбы, цѣль, осуществленіе которой въ рамкахъ буржуазнаго строя возможно лишь тогда, когда правящіе классы обладаютъ достаточными гарантіями и средствами, чтобы его проведеніе въ жизнь не отдало немедленно политической власти пролетаріату; такова, напр., Швейцарія, гдѣ мелкая буржуазія, составляющая опору общества, прочно обезпечила себя отъ диктатуры пролетаріата безчисленными средствами его порабощенія и угнетенія. Но въ современныхъ крупныхъ государствахъ съ ихъ многочисленнымъ пролетаріатомъ, составляющимъ большинство населенія (Германія, Франція и др.), проведеніе принципа самодержавія народа, въ его цѣлостной и рѣшительной формѣ, неминуемо должно привести къ политическому господству пролетаріата, а такое явленіе, если ему не предшествовала побѣдоносная пролетарская революція, едва-ли, прежде всего, возможно; если-же и возможно, то должно вызвать революціонный актъ сверху, со стороны господствующихъ классовъ, что́, въ свою очередь, приведетъ къ соціальной революціи, и только, какъ результатъ побѣды пролетаріата, можетъ быть установленіе полнаго и безусловнаго самодержавія народа.

Изъ всего этого видно, что мы не считаемъ возможнымъ цѣлостное и послѣдовательное осуществленіе—въ практикѣ государственной жизни современнаго буржуазнаго общества –принципа самодержавія народа, безъ соціальной революціи, поднятой и проведенной пролетаріатомъ. Но, поскольку, во 1-хъ, этотъ принципъ самъ по себѣ не содержитъ въ себѣ ничего рѣзко-соціалистическаго, а во 2-хъ, можетъ быть проведенъ, напр., въ мелко-буржуазныхъ государствахъ, съ населеніемъ почти однороднымъ, съ хозяйствомъ мало развитымъ и классовой борьбой лишь въ зачаткѣ,—постольку онъ можетъ быть включенъ въ программу-minimum.

Вообще же можно безъ колебаній защищать положеніе, что только противоположныя точки соціальнаго развитія, первобытный коммунизмъ и пролетарскій соціализмъ — являются почвой цѣлостнаго осуществленія самодержавія народа, ибо оно возможно лишь въ неклассовомъ обществѣ; пока же существуютъ классы, неминуема ихъ борьба; ни одинъ изъ нихъ не уступитъ, пока не будетъ побѣжденъ; ни одинъ не удержитъ

своей побѣды, не захвативъ политической власти; ни одинъ не отдастъ этой власти другому, не будучи къ тому силой принужденъ: дѣйствительное самодержавіе какого-нибудь класса мирится лишь съ фикціей самодержавія всего народа, поскольку эта фикція необходима для созданія или упроченія его господства.

Въ силу этого, только въ странахъ, гдѣ развитіе производительныхъ силъ еще не создало рѣзкой борьбы умирающихъ и нарождающихся классовъ, гдѣ классовая борьба не создала тѣхъ рѣзкихъ классовыхъ противоположностей въ интересахъ и благосостояніи борющихся общественныхъ группъ, — только тамъ возможно болѣе или менѣе полное, — хотя и далеко не цѣлостное и рѣшительное, — проведеніе принципа самодержавія народа, но дальнѣйшее развитіе такихъ обществъ, неизбѣжно сопровождающееся усиленіемъ и обостреніемъ классовой борьбы, рано или поздно должно создать, вмѣсто диктатуры народа, диктатуру побѣдоноснаго общественнаго класса, и если побѣдительницей явится буржуазія, то диктатура ея будетъ означать лишь мнимое самодержавіе народа; если-же побѣдителемъ явится пролетаріатъ, то его диктатура будетъ означать уничтоженіе всякой политической диктатуры, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ классовъ и классовой организаціи общества.

ГЛАВА. II

Буржуазная демократія.

Совсѣмъ иначе смотрятъ на дѣло тѣ теоретики-демократы, которые считаютъ соціализмъ «проблемой», думаютъ, что его осуществленіе—или утопія или дѣло весьма далекаго будущаго, и то рѣшительно склоняются въ сторону буржуазной демократіи, то балансируютъ между нею и соц.-демократіей.

На этой точкѣ зрѣнія стоятъ у насъ наиболѣе выдающіеся теоретики партіи народной свободы (к.-д.), которую Н. Бердяевъ, не безъ нѣкотораго основанія, назвалъ «русской Жирондой,» но члены которой сами признаютъ, что «принципъ равенства и народовластія, можетъ быть, даже болѣе страстно проводился» жирондистами, чѣмъ конст.-демократами [1]). Мы не будемъ рѣшать

[1]) И. Гревсъ. Идейная борьба и созидат. силы революціи. Полярн. Звѣзда. № 12, стр. 55.

вопроса, есть ли среди к.-демократовъ люди, напоминающіе Бриссо, Бюзо, Верньо, Тадэ, г-жу Роланъ и др.,—обратимся къ ихъ программѣ, съ ея монархомъ, допустимостью верхней палаты, отсутствіемъ гарантій свободы, и пр., — напоминаетъ ли она жирондистскій проэктъ 1793 г., устанавливающій, что «французская нація образовала собою единую и нераздѣльную республику», что «суверенитетъ пребываетъ во всемъ народѣ», что «общественное призрѣніе—священный долгъ общества; законъ долженъ опредѣлить его размѣры и способы примѣненія» (прототипъ «права на трудъ» французскихъ соціалистовъ 48 г.); что всѣ должности должны быть выборными; что законодательный корпусъ — единъ и долженъ ежегодно переизбираться; что конституція должна быть пересмотрѣна, «когда это было бы признано необходимымъ большинствомъ гражданъ республики», что необходима «народная цензура надъ дѣйствіями національнаго представительства», т. е. референдумъ. Наконецъ, «одинъ изъ отдѣловъ этой конституціи, отдѣлъ VI, былъ посвященъ средствамъ гарантировать гражданскую свободу. Здѣсь были детальныя, точныя, остроумно скомбинированныя предписанія, имѣвшія цѣлью устранить всякую возможность какой бы то ни было тираніи» [1]).

Мы привели эти черты жирондистской конституціи не только для доказательства нерѣшительности русской буржуазной демократіи, но и какъ образецъ буржуазнаго демократизма, довольно искренняго и смѣлаго, хотя и совершенно чуждаго соціализму: въ томъ же проектѣ конституціи мы находимъ провозглашеніе и защиту права собственности, которое «состоитъ въ томъ, что каждый свободенъ располагать по своему усмотрѣнію своимъ имуществомъ, своими капиталами, доходами и промышленностью». Проектъ Робеспьера рѣзко отличается въ этомъ отношеніи отъ жирондистскаго. «право собственности ограничено, какъ и всѣ другія права, обязательствомъ уважать права другихъ лицъ. Оно не должно наносить ущерба ни безопасности, ни свободѣ, ни существованію, ни собственности намъ подобныхъ. Всякая сдѣлка, нарушающая этотъ принципъ, по существу своему безнравственна и незаконна» [2]). Конечно, это были лишь фразы, необходимыя для побѣды надъ Жирондой, и, черезъ два мѣсяца послѣ ея пораженія, Робеспьеръ такъ же мало былъ соціалистомъ даже на словахъ, какъ мало онъ имъ былъ въ своихъ

---

[1]) А. Оларъ. Полит. истор. франц. рев., стр. 346.

[2]) А. Оларъ, op. cit., стр. 351. К. Каутскій. Анти-Бернштейнъ. Од. 1905, стр. 215.

поступкахъ, и если были серьезныя различія между монтаньярами и жирондистами, то общее, что было между ними, сводится къ рѣшительной защитѣ основного принципа буржуазнаго господства — собственности. Эпигоны старой буржуазной демократіи прибавили сюда новую черту, отрицательное слѣдствіе первой—вражда къ соціализму. Эта черта, непріязнь и вражда къ соціализму, является одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ всякой буржуазной демократіи, и эта отрицательная ея характеристика вытекаетъ изъ того, что буржуазная демократія считаетъ капиталистическій режимъ жизненнымъ и живучимъ и потому ограничиваетъ свою дѣятельность реформами въ рамкахъ этого строя, надѣясь, что онъ дастъ мѣсто постепенному завоеванію власти «народомъ», завоеванію «народной свободы»; но та же демократія совершенно отвергаетъ мысль о захватѣ власти революціоннымъ путемъ. Поскольку такая точка зрѣнія не заявляетъ себя враждебной соціализму и стремится къ реформамъ въ руки соціализма,—мы имѣемъ предъ собою современный ревизіонизмъ, поскольку же этого нѣтъ, поскольку реформы направлены лишь на улучшеніе экономическаго положенія рабочаго класса и осторожное привлеченіе его къ государственной жизни, не подрывая основъ классоваго господства,—передъ нами чистый видъ буржуазной демократіи. Для насъ несомнѣнно, что, въ конечномъ результатѣ, дѣятельность ревизіонистовъ и буржуазныхъ демократовъ имѣетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ одинъ объективный смыслъ: ограничивая свою дѣятельность рамками буржуазнаго общества и не подготовляя оружія и средствъ для его революціоннаго низверженія,—они усиливаютъ и укрѣпляютъ буржуазное господство, сообщаютъ ему жизненность и живучесть, о которыхъ близорукіе представители господствующихъ классовъ мало заботятся и забота о которыхъ недоступна ихъ узко-эгоистическому пониманію. Но въ то время, какъ буржуазная демократія стремится къ реформамъ для упроченія и защиты буржуазнаго строя отъ разрушенія, ревизіонисты борются за реформы во имя «опустошенія» капитализма, путемъ медленнаго измѣненія законодательства въ духѣ соціализма; но безъ соціальной революціи и диктатуры пролетаріата низверженіе капиталистическаго строя невозможно; поэтому разница между буржуазной демократіей и ревизіонизмомъ та, что первая, руководимая вѣрнымъ инстинктомъ классоваго самосохраненія, достигаетъ того, къ чему стремится, второй же, обманутый въ результатахъ своей дѣятельности, льетъ воду на колеса буржуазнаго механизма и поддерживаетъ то, что стремится уничтожить.

Мало того: чѣмъ энергичнѣе соц.-демократія борется за

демократическія требованія, тѣмъ консервативнѣе буржуазная демократія: она боится соціалистической контрабанды подъ флагомъ либерализма.—Напротивъ, чѣмъ непримиримѣе соц.-демократія, тѣмъ радикальнѣе буржуазная демократія. во-первыхъ, дѣло демократіи имѣетъ тогда въ ней единственнаго защитника; во-вторыхъ, противъ нея стоятъ вооруженное привилегіями дворянство, сильная бюрократія и консервативно-буржуазныя партіи (Германія).

Кромѣ враждебности къ соціализму, буржуазную демократію характеризуетъ еще ея мнимо-внѣклассовая точка зрѣнія: «Жирондисты опирались на классъ,—тотъ самый, который въ XIX в сталъ буржуазіей. Конституціоналисты же демократы открыто заявляютъ себя внѣклассовой (курс. подл.) организаціей — партіей «народной свободы» [1]). То же самое говорилъ П. Милюковъ въ своей рѣчи на первомъ учредительномъ съѣздѣ партіи (ноябрь 1905), и эта рѣчь была одобрена съѣздомъ «Демократическая окраска (партіи) исключала справа и слѣва: группировки на опредѣленномъ классовомъ принципѣ. конст.-демократическое теченіе фактически отмежевалось, съ одной стороны, отъ чисто-классовой доктрины пролетаріата; съ другой — отъ общественныхъ элементовъ, имѣющихъ современемъ создать политическія группы аграріевъ и промышленниковъ». Но партіи «отмежеваться» не удалось (да и возможно ли это для буржуазной демократіи?): въ партіи нѣтъ недостатка ни въ громадномъ количествѣ аграріевъ и промышленниковъ, понижающихъ демократизмъ партіи, ни въ значительныхъ массахъ буржуазной интеллигенціи, руководящихъ партіей и стоящихъ на буржуазной точкѣ зрѣнія, если не сознательно, то по объективному смыслу ихъ идеологіи и поступковъ! Съ другой стороны провозглашеніе себя внѣклассовой партіей изумительно характерно для освобождающейся буржуазіи, низвергающей самодержавіе и провозглашающей самодержавіе народа во имя «всенароднаго единенія» [2]), эта «внѣклассовая» точка зрѣнія, типичная для буржуазіи, кладетъ самую рѣшительную классовую печать на партію, отмѣчая ея классовый и именно буржуазный характеръ. Таковы парадоксы исторіи!

Такимъ же парадоксомъ исторіи, полнымъ однако историче-

---

[1]) Полярная Звѣзда. 1906. № 12. И. Гревсъ. Идейная борьба въ револ., стр. 56

[2]) «Она (конст.-демокр. партія) требуетъ всенароднаго (курс. подл.) единенія и на этой почвѣ зоветъ всѣ классы къ переработкѣ во имя его... противорѣчивыхъ между собой соціальныхъ истинктовъ, къ созданію внутри себя общаго великаго духа»... «Ея программа и задача единственныя по истинѣ «освободительныя» и «демократическія». Цит. жур, стр.. 62.

скаго значенія, является проектъ «Учредительнаго закона о вѣчныхъ и неотъемлемыхъ правахъ россійскихъ гражданъ» [1]). Мы видѣли, что буржуазная демократія игнорируетъ и отрицаетъ классовую борьбу въ моментъ разрушенія старой организаціи политической власти и созиданія новой; она считаетъ націю въ политическомъ отношеніи единой и однородной и полагаетъ, что и въ классовомъ обществѣ народъ можетъ состоять изъ политически-равныхъ единицъ; поэтому, буржуазная демократія ставитъ своей «внѣклассовой» задачей борьбу за политическое равенство.

Но мы знаемъ, что, на другой день послѣ учрежденія этого равенства, обманутый и доведенный до отчаянія пролетаріатъ поднимается съ оружіемъ въ рукахъ противъ буржуазной диктатуры (Парижъ, іюнь, 48),—и вотъ, чтобъ упрочить и закрѣпить за собою свою побѣду, буржуазія спѣшитъ создать «вѣчныя и неотъемлемыя права»... собственниковъ; ея «лейбъ-гвардія», буржуазная демократія, строчитъ декларацiи «вѣчныхъ правъ», не питая никакихъ сомнѣній насчетъ вѣчности того порядка, который они должны поддерживать, и стремясь лишь къ тому, чтобы права эти навѣки остались такими, какими ихъ создала буржуазная революція, примѣнительно къ цѣлямъ буржуазнаго господства,—и тотъ консерватизмъ побѣдившей буржуазіи, который диктуетъ декларацiи «вѣчныхъ и неотъемлемыхъ правъ», настолько понятенъ, что его невозможно затушевать никакими мнимо-убѣдительными доводами. Конечно, буржуазная демократія будетъ утверждать, что она желаетъ охранить «права народа» отъ покушеній монархіи и поэтому провозглашаетъ ихъ «неотъемлемыми и вѣчными»; но ясно, что пока существуетъ сильная монархическая власть, эти права не могутъ считаться ни неотъемлемыми, ни вѣчными (прусская конституція 1848 г.); поскольку же монархическая власть подчинена буржуазіи, или она упразднена—отъ чьихъ же покушеній защищать права гражданъ? Не отъ посягательствъ ли самой буржуазіи? На всѣ эти вопросы буржуазная демократія будетъ отвѣчать холоднымъ молчаніемъ, потому что ея декларацiямъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ монархія, угрожаетъ пролетаріатъ, и отъ его-то покушеній и ограждаются эти декларацiи. Самообольщеніе побѣдившей буржуазіи, воображающей, что она нашла послѣднее слово политической мысли и изобрѣла философскій камень государственнаго строительства,—соединяется со страхомъ предъ дальнѣйшимъ развитіемъ общества и ростомъ силъ пролетаріата [2]). Поэтому она торопится, еще раньше побѣды,

[1]) Л. Франкъ. Полярная Звѣзда. 1906. № 4.

[2]) Такое же самообольщеніе, но ужъ съ гораздо большими основаніями на него, породило то направленіе въ соціальной политикѣ и поли-

объявить декларацію вѣчныхъ и неотъемлемыхъ правъ, заявляя этимъ свое завѣтное желаніе, чтобы съ ея побѣдой закончилась соціальная борьба, а съ нею и соціальное развитіе, чтобы буржуазный порядокъ никогда не разрушался и чтобы не права народа, а буржуазное господство было «вѣчнымъ и неотъемлемымъ».

Послѣ всего сказаннаго, нетрудно понять отношеніе буржуазной демократіи къ идеѣ самодержавія народа. Выдвигая и защищая этотъ лозунгъ во имя низверженія феодально-монархическаго строя и замѣны его парламентарно-буржуазнымъ, буржуазія, въ этотъ важный для нея моментъ своего политическаго возрожденія, стремится мобилизовать и увлечь за собою всѣ слои общества, создавая фикцію «всенароднаго единенія» и однородности, не желая ни думать, ни слышать о классовыхъ различіяхъ, и передовой авангардъ буржуазіи, буржуазная демократія, съ энергіей и настойчивостью отрицаетъ и «исключаетъ группировки на опредѣленномъ классовомъ принципѣ», забывая, какъ мы указали, что поскольку такое отрицаніе классовой борьбы облегчаетъ захватъ буржуазіей политической власти, постольку такая идеологія является именно «группировкой на опредѣленномъ классовомъ принципѣ»—буржуазномъ [1]).

Однако, отношеніе къ этой идеологіи въ различныхъ слояхъ революціоннаго народа рѣзко различно. Дѣло въ томъ, что революція, т. е. борьба за суверенитетъ, не всегда имѣетъ ясную и положительную цѣль: различные классы могутъ объединяться противъ юридическаго суверена съ одной лишь отрицательной цѣлью: отнять у него суверенитетъ; что касается положительныхъ цѣлей революціи,—то различные клас-

---

тической экономіи, которое называется манчестерствомъ. Манчестерство, съ его враждой ко всякому вмѣшательству государства въ экономическую борьбу, есть не что иное, какъ увѣренность буржуазіи въ своихъ силахъ и способностяхъ справиться въ экономической области со своими врагами (феодалами и пролетаріатомъ), и въ то же время неувѣренность въ прочности и силѣ своего положенія, какъ участника въ отправленіи юридическаго суверенитета: государственная власть можетъ измѣнить ей въ пользу ея враговъ, чтобы усилиться за счетъ ея слабости.

[1]) Правда, въ увлекающей и объединяющей роли буржуазіи, въ революціонный періодъ творчества своего политическаго господства, существуетъ не только ея классовый интересъ, но и внутренняя историческая необходимость. которую нельзя устранить и безъ которой революція не можетъ быть побѣдоносной,—но соц.-демократія дѣйствуетъ единственно-вѣрнымъ путемъ, когда направляетъ всѣ усилія на то, что бы использовать и эту необходимость въ интересахъ борьбы рабочаго класса за политическую власть и повышенія его революціонной сознательности, неустанно повторяя: „вмѣстѣ бить, но врозь итти".

сы ждутъ отъ революціи совершенно различныхъ результатовъ. Поэтому, въ революціонный періодъ можно назвать съ опредѣленностью только современнаго юридическаго суверена—по той ненависти, которою онъ окруженъ,—но назвать будущаго юридическаго суверена бываетъ часто очень трудно; лишь позднѣйшія событія выясняютъ, кто былъ идейнымъ вдохновителемъ революціи, кто энергичнѣе, рѣшительнѣе и успѣшнѣе всѣхъ прокладывалъ себѣ дорогу къ суверенитету, у кого на это было больше всего данныхъ. Вотъ отчего классъ, у котораго для этого больше всего средствъ, любитъ всегда ставить вопросъ о цѣли революціонной борьбы—отрицательно: отнять суверенитетъ у того-то,—но кому его передать—объ этомъ рѣчь будетъ потомъ, когда будутъ «правовыя гарантіи»; иначе союзники, раньше времени, могутъ уйти; зачѣмъ внутренняя война—долой партіи!— Но тѣ классы, которые для полнаго захвата суверенитета не имѣютъ еще достаточныхъ силъ, склонны и любятъ настойчиво ставить проблему революціонныхъ цѣлей—положительно: они понимаютъ, что для нихъ—отнять суверенитетъ—значитъ не взять его себѣ, а отдать другому; они помнятъ, что союзники-друзья не навѣки, что борьба за суверенитетъ будетъ продолжаться, что надо занять позиціи, надо выговорить свое особое право на результаты борьбы—однимъ словомъ, надо получить право на часть отнятаго суверенитета. Вотъ отчего они сурово говорятъ: «Врозь итти». въ то время, какъ будущіе суверены охотнѣе повторяютъ: «Вмѣстѣ бить!» И тѣ и другіе признаютъ обѣ формулы, но не въ одну и ту же кладутъ центръ тяжести.

Этими соображеніями и объясняется борьба и отдѣльные конфликты между буржуазной демократіей и соціалистическими партіями въ Россіи. Сама, руководимая вѣрнымъ классовымъ инстинктомъ, буржуазія, напротивъ, сбиваетъ съ классовой точки зрѣнія пролетаріатъ, задача котораго—въ революціонный моментъ создать для себя гарантіи и почву для будущей борьбы съ буржуазіей въ новомъ парламентарномъ строѣ. Вотъ отчего пролетаріатъ и его руководительница, соц.-демократія, настойчиво подчеркиваютъ въ революціонный моментъ различіе и антагонизмъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи: атмосфера «солидарности» и «братства», создаваемая буржуазіей въ цѣляхъ захвата власти и организаціи буржуазнаго строя, не должна отуманивать сознанія пролетарскихъ массъ и, борясь вмѣстѣ съ передовой буржуазіей за демократическій строй, онѣ помнятъ, что то, что не завоевано въ революціонный моментъ у борющейся буржуазіи, то потомъ лишь цѣной кровавыхъ жертвъ пріобрѣтается у побѣдившей буржуазіи. Чѣмъ глубже и рѣшительнѣе проходитъ такое сознаніе въ широкіе слои пролетаріата, чѣмъ суровѣе его

требованія къ буржуазіи, чѣмъ рѣшительнѣе условія договора о союзничествѣ съ нею, — тѣмъ демократичнѣе и революціоннѣе буржуазная демократія, тѣмъ ея пониманіе принципа самодержавія народа и его пропаганда шире, смѣлѣе и демократичнѣе.

Изъ этого легко вытекаетъ, что буржуазная демократія не имѣетъ яснаго, опредѣленнаго и твердаго отношенія къ принципу самодержавія народа: предѣлы самодержавія народа опредѣляются сознательностью и борьбой пролетаріата за самое широкое толкованіе этого принципа, эластическаго и многообъемлющаго, какъ всякая сколько-нибудь крупная соціально-политическая идея.

Поэтому, во-первыхъ, толкованіе и пониманіе принципа самодержавія народа неуклонно растетъ и расширяется въ процессѣ революціонной борьбы: чѣмъ дольше длится революція, чѣмъ, слѣдовательно, труднѣе для буржуазіи побѣда,—тѣмъ необходимѣе ей народъ, тѣмъ роль и значеніе народа больше, тѣмъ требованія и сознательность его больше, тѣмъ больше уступокъ вынуждена сдѣлать буржуазія, тѣмъ шире и демократичнѣе пропаганда идеи самодержавія народа, — ибо буржуазная революція есть не только мать принципа самодержавія народа, но и его alma mater. она его вскармливаетъ и воспитываетъ. Вотъ отчего буржуазные теоретики и дѣятели со временъ Кромвеля (Путней, 1647 г.) всѣми силами спѣшатъ «ликвидировать» революцію, боясь «анархіи», которая, конечно, лучше всякихъ демократическихъ врачей воспитываетъ и углубляетъ революціонные инстинкты рабочихъ массъ, пріучая ихъ къ самоотреченію и борьбѣ [1]).

Во-вторыхъ, признаніе этого принципа (самодержавія народа) буржуазной демократіей въ мирное время, съ одной стороны, опредѣляется потребностью и желаніемъ буржуазной демократіи предупредить самостоятельное классовое движеніе пролетаріата или забрать его въ свои руки и взять на себя защиту политическихъ и экономическихъ интересовъ рабочаго класса; съ другой стороны, буржуазная демократія стре-

---

[1]) «Пролетаріатъ, въ противоположность буржуазіи, росъ повсюду вмѣстѣ съ движеніемъ». M. Adler. 1848. W. 1905. S. 11.«Еще сегодня, говоритъ Каутскій, вліяютъ на Францію событія великой революціи. И если пролетаріатъ этой страны, несмотря на сравнительную слабость своихъ соціалистическихъ организацій, проявляетъ больше могущества, чѣмъ нѣмецкій, съ его тремя милліонами избирателей, то онъ обязанъ этимъ никакъ не министеріалистской тактикѣ своихъ вождей, и лишь въ незначительной степени демократическимъ формамъ буржуазной республики, а всего больше—своимъ революціоннымъ инстинктамъ, унаслѣдованнымъ отъ временъ господства якобинцевъ».

мится получить поддержку рабочихъ на выборахъ и потому должна быть демократичнѣй, чтобы вести за собой массы «stimmendes Vieh». Этими двумя факторами и диктуется направленіе дѣятельности буржуазной демократіи· съ одной стороны, желая упрочить современный капиталистическій режимъ и относясь съ непріязнью къ соціализму, который такъ противорѣчитъ буржуазному міропониманію, — буржуазная демократія борется противъ самостоятельной политической партіи пролетаріата и даже иногда съ большимъ успѣхомъ (такъ было, напр., до послѣдняго времени въ Англіи) и противъ ея представительницы, соц -демократіи; съ другой—желая привлечь рабочія массы, буржуазная демократія выставляетъ широкую демократическую платформу. Но всякій, кто сколько-нибудь размышлялъ объ условіяхъ развитія буржуазнаго общества, согласится, что господствующіе классы могутъ допустить у себя демократію лишь постольку, поскольку она не покушается на политическое господство буржуазіи; поэтому, какъ-бы ни была красиво декорирована демократія, борьба рабочаго класса за лучшее экономическое положеніе и участіе въ политической жизни терпится лишь постольку, поскольку не подрываетъ въ корнѣ основъ буржуазнаго господства, а вся демократическая организація общества существуетъ и поддерживается буржуазіей лишь постольку, поскольку съ одной стороны, даетъ ей непосредственное господство надъ политической жизнью страны, а съ другой— поскольку такой порядокъ способствуетъ усыпленію недовольства рабочаго класса и разсѣиваетъ анархическое отчаяніе массъ.

Яркой иллюстраціей этихъ положеній могутъ служить Франція и Англія. Англія, гдѣ практика примиренія рабочаго класса съ буржуазнымъ господствомъ доведена до совершенства и гдѣ буржуазія въ этомъ отношеніи далеко опередила, кажется, весь континентъ, — Англія даетъ поразительные образчики братанія буржуазнаго общества съ рабочими и даже поддержки ихъ экономической борьбы, поскольку, конечно, она не направлена на самый источникъ буржуазнаго господства.—Превосходнымъ комментаріемъ къ этой тактикѣ владѣльческихъ классовъ Англіи по отношенію къ рабочему движенію — можетъ служить знаменитая лондонская стачка докеровъ. «Въ 1894 году, когда въ Лондонѣ происходила стачка доковыхъ рабочихъ, пособія сыпались имъ отовсюду. Во главѣ благотворительнаго общества, которое помогало имъ, стоялъ кардиналъ Маннингъ, многіе богатые дворяне и буржуа; наряду съ ними, во главѣ того-же благотворительнаго общества стоялъ Бернсъ, одинъ изъ вождей англійской соц.-демократіи» (!). Мало того, «многіе англійскіе союзы рабочихъ, руководя большими стачками, состоятъ

изъ членовъ, которые почти поголовно далеки отъ соціализма» [1]).

При такомъ братскомъ сочувствіи буржуазнаго «общества» и буржуазно-радикальной интеллигенціи пролетаріату, положеніе англійскихъ рабочихъ — не только, конечно, экономическое, но и политическое — должно бы быть, если не блестящимъ, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ удовлетворительнымъ. Что-же отвѣчаютъ на это предположеніе факты? — Широки-ли и властны права англійскаго пролетаріата и его непосредственное вліяніе на законодательство своей страны? Обратимся къ избирательному праву Англіи. Законъ 1884 г. (мин. Гладстона) установилъ систему «обитанія», т. е., если такъ можно выразиться, квартирный цензъ (подражаніемъ ему является наше «избирательное право»); кромѣ того, остался въ силѣ старый законъ, по которому одно и то-же лицо, разъ у него есть, напр., помѣстья въ различныхъ графствахъ, имѣетъ право на нѣсколько голосовъ,— иными словами, существуетъ еще и множественный вотумъ. Эти двѣ черты англійскаго избирательнаго права—система обитанія и множественный вотумъ,—конечно, ни въ коемъ случаѣ не дѣлаютъ его ни всеобщимъ, ни равнымъ: все населеніе Англіи представлено у избирательныхъ урнъ одной шестой своей частью.—Вотъ что говоритъ докладъ слѣдственнаго комитета о другихъ чертахъ избирательнаго права Англіи: «Эта система особенно тяжело ложится на избирателей, получающихъ за работу понедѣльно... Дни рабочаго или ремесленника, безпокойство или потеря времени, которымъ онъ долженъ подвергаться, чтобъ установить свои права, равносильны тяжелому, денежному взысканію... Такое положеніе вещей приводитъ къ результатамъ, несправедливымъ по существу и вреднымъ на практикѣ» [2]). Такъ, англійскій пролетаріатъ, — съ его несовершеннымъ избирательнымъ правомъ—съ одной стороны и съ идейнымъ рабствомъ подъ эгидой либерализма—съ другой,— идетъ къ избирательнымъ урнамъ, чтобъ осуществлять свой суверенитетъ. Удивительно-ли, что, передовѣривъ свои права и защиту своихъ интересовъ либеральной партіи, рабочій классъ, вмѣстѣ съ горстью своихъ представителей въ парламентѣ, является безсильнымъ свидѣтелемъ и, до нѣкоторой степени, участникомъ такихъ явленій англійской жизни, какъ имперіалистская политика, угнетеніе Ирландіи, эксплоатація колоній, преслѣдованія трэдъ-юніоновъ, реакціонныя мѣры по отношенію къ

---

[1]) А. Исаевъ. О соціализмѣ нашихъ дней. Штутг. 1902. стр. 193,
[2]) l. Hatschek. Englisches Staatsrecht. Tüb. 1905. Handbuch. d. öff. Rechts. S. s. 250—263.—А. Эсменъ. Об осн. кон. пр. Спб. 1998, стр. 183.

школѣ и пр.? — Только будущее можетъ показать, насколько поколеблется это положеніе послѣ весеннихъ выборовъ 1906 г.

Но, быть можетъ, экономическое положеніе рабочаго класса въ Англіи достаточно вознаграждаетъ массу англійскихъ рабочихъ за ихъ безсиліе въ области политической: хороша-ли, по крайней мѣрѣ, чечевичная похлебка Іакова?— Дѣйствительно, средній годовой заработокъ обученнаго англійскаго рабочаго второй (послѣ Америки) въ мірѣ — 2599 фр. (В. Тотоміанцъ), а національное богатство Англіи по величію— первое въ Европѣ — 251 милліардъ фр. Но вглядимся глубже въ общее положеніе пролетарскихъ массъ. Извѣстный изслѣдователь положенія труда въ Англіи, Сидней Веббъ, сравнивая современное положеніе англійскихъ рабочихъ съ ихъ положеніемъ въ 1837 году, пишетъ [1]): «Во всякомъ случаѣ, можно указать на то, что хотя значительный слой наемныхъ рабочихъ съ 1837 г. сдѣлалъ большіе успѣхи, за то другіе слои, если только вообще добились, то добились лишь незначительнаго участія въ общемъ прогрессѣ богатства и цивилизаціи. Если мы возьмемъ различныя условія жизни и труда и установимъ уровень, ниже котораго рабочій не можетъ уже прилично жить, то мы найдемъ, что по отношенію къ платѣ, рабочему времени, квартирнымъ условіямъ и общей культурности процентъ стоящихъ ниже этого уровня въ настоящее время меньше, чѣмъ въ 1837 году. Но мы также найдемъ, что самый низкій уровень въ настоящее время столь-же низокъ, какъ и тогда, и что общее число лицъ, стоящихъ ниже принятаго нами уровня, абсолютно превышаетъ въ настоящее время число таковыхъ-же лицъ въ 1837 г. Бездна нищеты не менѣе глубока, чѣмъ когда-бы то ни было; она столь-же, если не болѣе, распространена». — Такъ оживаетъ легенда о чечевичной похлебкѣ и обогащается новымъ варіантомъ· Іаковъ отнимаетъ у Исава не только первенство, но и плату за отказъ отъ него...

Что-же, дѣйствительно, даетъ рабочему классу демократическое государство? Основное содержаніе чистой демократіи заключается въ томъ юридическомъ принципѣ, что каждый отдѣльный гражданинъ, независимо отъ его соціальнаго положенія, получаетъ одинаковыя политическія права. Но фактически никогда еще не было такого демократическаго государства, въ которомъ каждый общественный классъ имѣлъ бы права, одинаковыя съ политическими правами другихъ классовъ повсюду и вездѣ, наряду съ политическимъ равенствомъ въ законѣ, не только поддерживается и укрѣпляется неравенство эко-

---

[1]) Цит. у Каутскаго. Анти-Бернштейнъ. Стр. 146. Од. 1905.

номическое,—болѣе того: на основѣ фиктивнаго индивидуальнаго равенства въ политическихъ правахъ—поддерживается фактическое классовое неравенство и угнетеніе въ сферѣ самой политической организаціи общества.

Такова реальная дѣйствительность, въ которую воплощается самодержавіе народа и «всенародное единеніе» буржуазной демократіи,—и пролетаріатъ, внимая буржуазной демократіи и даже дѣйствуя съ нею въ союзѣ, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ забыть этого. Недовѣріе — вотъ отвѣтъ на заигрываніе [1]): въ революціонные моменты, почвой союзничества пролетарскихъ и буржуазно-демократическихъ партій можетъ быть лишь всенародно-опубликованный и открыто-признанный договоръ между ними, въ силу котораго пролетаріату обезпечиваются фактическія гарантіи въ законодательствѣ политическихъ его правъ и полной свободы его экономической борьбы.

Итакъ, мы видимъ, что буржуазная демократія, во-первыхъ, убѣждена въ прочности и неразрушимости капиталистическаго строя, защищаетъ и охраняетъ его отъ «разрушительныхъ стремленій», и потому, во-вторыхъ, или непріязнена или прямо враждебна соціализму и соц.-демократіи, стремящейся къ низверженію буржуазнаго строя; поэтому, въ-третьихъ, буржуазная демократія заявляетъ себя, въ противоположность «чисто классовой доктринѣ пролетаріата», партіей «внѣклассовой», охватывающей и защищающей права и интересы всей націи, поскольку, конечно, эта нація признаетъ и охраняетъ буржуазную организацію общества,—и, наконецъ, полагая, что капитализмъ живучъ и крѣпокъ, она стремится создать конституцію, возможно болѣе прочную и долговѣчную, базируя ее на «вѣчныхъ и неотъемлемыхъ правахъ» націи, т. е. стремясь охранить свою конституцію отъ революціонныхъ покушеній пролетаріата и, слѣдовательно, еще болѣе укрѣпляя буржуазный порядокъ.

Къ этимъ четыремъ, логически между собою связаннымъ, принципамъ буржуазной демократіи надо прибавить еще пятый, не менѣе характерный — отвращеніе и страхъ предъ соціальной революціей и диктатурой пролетаріата, чувства, которыя раздѣляетъ съ буржуазной демократіей германскій ревизіонизмъ и наши идеалисты.

«Соціальная революція,—говоритъ Бердяевъ,—противорѣчитъ эволюціонному пониманію соціальнаго развитія»... «А вѣра въ

---

[1]) См. А. Менгеръ. Народная политика. М. 1906.

соціальную революцію есть противонаучная и даже противомарксистская утопія»... Поэтому онъ находитъ, что система марксизма даетъ «причудливое и некритическое сплетеніе соціологическаго пониманія слова революція съ пониманіемъ полицейскимъ» [1]).

Такъ ли это? Противорѣчитъ ли понятіе соціальной революціи теоріи соціальной эволюціи и самому марксизму? Дѣйствительно ли это—антинаучная утопія, сродни полицейскому пониманію развитія общества?

Намъ думается прежде всего, что дѣло здѣсь не въ противонаучности идеи соціальной революціи: предъ нами совершенно опредѣленное практическое желаніе низвести и ослабить соц.-демократію до положенія реформистской партіи, ограничить и сузить ея борьбу реформаторской работой — и для этого создается пропасть между соціальной эволюціей и соціальной революціей. Между тѣмъ, пока будетъ существовать классовая организація общества, до тѣхъ поръ эволюція неизбѣжно и неотвратимо будетъ приводить къ революціи, до тѣхъ поръ, понятія эволюція и революція не только не разъединены никакой пропастью, но, напротивъ, неразрывно сплетены между собой, какъ причина и слѣдствіе, ибо «революціи являются результатами медленныхъ и постепенныхъ процессовъ развитія (эволюціи)» [2]). Но «какъ всякое животное должно разъ пережить катастрофу, чтобы подняться на высшую ступень развитія (актъ родовъ, или, у птицъ, вылупливаніе изъ яйца), такъ и общество можетъ подняться на болѣе высокую ступень развитія только путемъ катастрофы» (Ibid.). Поэтому не кровопролитныя схватки, мятежи и баррикады являются логическимъ содержаніемъ революціи, какъ ее рисуетъ «система марксизма», и въ противоположность тому, какъ ее понимаютъ департаменты полиціи и прокуроры: революцію могутъ совершить самыя безшумныя и безкровныя дѣйствія, ибо самыя спокойныя «мѣропріятія, имѣющія цѣлью привести юридическую и политическую надстройку общества въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися экономическими условіями... суть дѣянія революціи»... (Каутскій).

Такое пониманіе революціи настолько часто проводилось и отстаивалось въ марксистской литературѣ что, казалось, только самодержавная прокуратура и самые отсталые представители буржуазной науки остались глухи ко всему этому. Между тѣмъ,

---

[1]) Н. Бердяевъ. Къ исторіи и психологіи русскаго марксизма. Полярная Звѣзда. 1906. № 10, стр. 681, 685.

[2]) К. Каутскій. Соціальная реформа и на другой день послѣ соц. реформы. М. 1905.

существуютъ еще старомодные «критики», которые въ своемъ пониманіи революціоннаго марксизма дѣйствительно даютъ довольно-таки «причудливое и не критическое сплетеніе» точекъ зрѣнія увядающей буржуазной науки и расцвѣтающей императорской прокуратуры...

Обращаясь къ общей позиціи и значенію буржуазной демократіи и подводя итоги ея характеристикѣ, мы видимъ, что поскольку капиталистическій порядокъ, охраняемый ею, неотвратимо характеризуется политической диктатурой буржуазіи, постольку буржуазная демократія изъ защитницы правъ и интересовъ «всей націи» превращается въ «настоящую лейбъ-гвардію капитализма» (Эд. Бернштейнъ, О либеральныхъ партіяхъ). Что же касается самодержавія народа, за которое борется буржуазная демократія, то осуществленіе этого принципа въ полную мѣру его содержанія въ развитомъ классовомъ обществѣ, какъ мы видѣли, невозможно, ибо классовое общество предполагаетъ юридическій суверенитетъ класса-организатора, а самодержавіе народа предполагаетъ политическую равноправность и однородность всѣхъ гражданъ, что возможно лишь съ уничтоженіемъ классоваго расчлененія общества, т. е. съ осуществленіемъ соціализма, противъ котораго буржуазная демократія всѣми силами борется. Ясно, слѣдовательно, что то самодержавіе народа, которое по силамъ провести буржуазной демократіи, должно неизмѣнно и всегда быть ограничено опасеніемъ, не приведетъ ли диктатура «народа» къ превращенію буржуазнаго строя въ соціалистическій. Лишь при наличности увѣренности господствующихъ классовъ въ слабости силъ пролетаріата и въ отсутствіи у него революціонныхъ намѣреній по отношенію къ буржуазному строю, могутъ они мирно согласиться на допущеніе пролетаріата къ участію въ государственной жизни. Поэтому буржуазная демократія всѣми силами стремится усыпить революціонные инстинкты пролетаріата, затемнить его классовое самосознаніе, разбить и разсѣять его самостоятельныя экономическія организаціи и политическія партіи, сбивать его съ классовой точки зрѣнія и увлекать во внѣ-классовую политическую борьбу для защиты такихъ фантомовъ, какъ «республика», «свобода культа» и проч., примиряя его съ буржуазнымъ режимомъ путемъ реформъ, уступокъ, обѣщаній, — ибо только при такихъ условіяхъ возможно широкое осуществленіе принципа самодержавія народа въ современномъ классовомъ государствѣ. Но можно ли назвать самодержавнымъ народъ, идущій въ хвостѣ буржуазной демократіи, пролетаріатъ, развращаемый пропагандой несуществующаго «соціальнаго мира» и мнимаго «равенства предъ закономъ», разслабленный и неспособный къ самостоятельной классовой политикѣ, недалекій и безхарактерный, какъ сама

буржуазная демократія? Невозможно не видѣть, что это не самодержавіе народа, а диктатура владѣльческой буржуазіи надъ умственно и морально порабощеннымъ рабочимъ классомъ.

Таково самодержавіе народа въ теоріи и практикѣ буржуазной демократіи. Обратимся теперь къ точкѣ зрѣнія соц.-демократіи.

ГЛАВА III.

Соціалъ-демократія и самодержавіе народа.

Я стремился выяснить, что соц.-демократія ни въ какомъ случаѣ не можетъ ни опьяняться буржуазнымъ лозунгомъ самодержавія народа, ни отстаивать его постоянно и повсюду вмѣстѣ съ буржуазіей только потому, что онъ является созданіемъ «либерализма, какъ всемірно-историческаго явленія» (Бернштейнъ), или въ силу того, что это — «неотъемлемый», «вѣчный», «абсолютный» или «священный» принципъ. Соц.-демократія не знаетъ и не признаетъ ничего ни вѣчнаго, ни безотносительнаго, ни «безусловнаго», ни «неотчуждаемаго», «denn alles, was entsteht, ist wert, dass es zu Grunde geht» — «ибо все, что возникаетъ, достойно гибели». Соц.-демократія, рѣшительнѣе всякой другой партіи, можетъ сказать о себѣ: «Ich bin der Geist, der stets verneint» (Mephis.). — «Я духъ, что вѣчно отрицаетъ». ни одинъ политическій принципъ, какъ бы возвышенъ онъ ни былъ въ глазахъ буржуазной демократіи, соц.-демократія не можетъ отстаивать во что бы то ни стало, повсюду, при всякихъ условіяхъ и постоянно въ одномъ и томъ же опредѣленномъ его значеніи.

Намъ думается, что, вообще говоря, «абсолюты» такъ же непріемлемы въ политическихъ конструкціяхъ, какъ и въ экономическихъ, моральныхъ, философскихъ и иныхъ построеніяхъ; что, поэтому, нельзя установить ни одного такого общаго политическаго принципа или требованія, которые во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ имѣли бы абсолютно-несгибаемое и вѣчно-одинаковое практическое примѣненіе и значеніе; что поэтому самые великіе политическіе принципы и учрежденія могутъ быть оцѣниваемы соціалъ-демократіей не съ точки зрѣнія ихъ «абсолютнаго», «вѣчнаго» и «всемірнаго» значенія, а лишь постольку, поскольку они облегчаютъ и ускоряютъ борьбу рабочаго класса за соціализмъ,

какъ въ данной странѣ, такъ и во всемъ мірѣ [1]). Съ этой точки зрѣнія долженъ быть обсуживаемъ и принципъ самодержавія народа: въ настоящее время самое важное и значительное, что даетъ этотъ принципъ, заключается съ одной стороны въ его противопоставленіи идеѣ господства одной или нѣсколькихъ привилегированныхъ общественныхъ группъ или классовъ, съ другой — въ его противоположеніи идеѣ неограниченной или конституціонной монархіи, поскольку монархъ выступаетъ, рядомъ съ народомъ, какъ независимая, самостоятельная общественная сила, или какъ управомоченная самимъ богомъ, или на основаніи фикціи «общественнаго договора».

Поэтому соц.-демократія признаетъ и поддерживаетъ при настоящихъ условіяхъ принципъ самодержавія народа въ силу убѣжденія, что полная и послѣдовательная демократизація общественнаго строя должна неотвратимо создать самую широкую почву для успѣшной классовой борьбы пролетаріата и для политической и экономической его организаціи, но она ни на минуту не допускаетъ мысли, что постепенное завоеваніе политической власти соціалъ-демократіей приведетъ естественнымъ и лойяльнымъ путемъ къ преобразованію буржуазнаго общества въ соціалистическое и къ низверженію самодержавія буржуазіи въ пользу самодержавія народа. Она поэтому не убаюкиваетъ рабочій классъ мечтой о соціальномъ мирѣ, а ясно и съ настойчивой убѣжденностью повторяетъ, что соціальный миръ наступитъ послѣ неслыханной по грандіозности своихъ размѣровъ гражданской войны, которую можно смягчить, но не уничтожить, ускорить, но не отмѣнить, что, въ концѣ концовъ, соціальный вопросъ разрѣшится соотношеніемъ реальныхъ силъ борющихся классовъ [2]), а не идеалистическими мечтаніями о соціальномъ мирѣ. «Если-бы мы, говоритъ Плехановъ», «вздумали увѣрять рабочихъ, что въ

---

[1]) Nichts ist dauernd als der Wechsel,—говоритъ—Берне, nichts beständig, als der Tod» «неизмѣнно одно лишь измѣненіе, постоянна только смерть». «Всякое средство борьбы имѣетъ тенденцію исчерпывать само себя, т. е. измѣнять условія такъ, что на его мѣсто могутъ и должны выступить другія новыя средства борьбы» Генріетта Роландъ-Гольстъ Всеобщая стачка и соц.-демократія. Спб. 1906, стр. 277.

[2]) Это прекрасно понимали теоретики старой буржуазной демократіи, и у Минье мы находимъ краснорѣчивыя строки, рисующія роль насилія въ борьбѣ за власть. Говоря объ условіяхъ, рождающихъ гражданскія войны, Минье замѣчаетъ: «Счастливы были бы люди, если-бы умѣли въ это время (т. е. до революціоннаго взрыва), согласиться между собою; если-бы одни уступали свой избытокъ, другіе довольствовались восполненіемъ своихъ недостатковъ... Но до сихъ поръ исторія народовъ не представляетъ ни одного примѣра подобнаго благоразумія: одна сторона вѣчно отказывается отъ жертвъ, другая—принуждаетъ къ жертвамъ,—и добро, подобно злу, совершается посредствомъ насилія и безправія. До сихъ поръ иного властелина, кромѣ силы, еще не было». Минье. Исторія франц. революціи. Спб. 1905, стр. 2

буржуазномъ обществѣ сила уже не имѣетъ того значенія, какое она имѣла при старомъ «порядкѣ», то мы сказали бы имъ явную и вопіющую неправду, которая—какъ и всякая неправда—только удлинила бы и увеличила «мученія родовъ». Соц.-демократія, дѣйствительно, заинтересована въ томъ, чтобы переходъ въ высшій общественный порядокъ совершился безъ потрясеній. Но значитъ ли это, что она должна отказаться отъ диктатуры пролетаріата? Совсѣмъ нѣтъ! Идя въ Пекинъ, союзныя европейско-американско-японскія войска были чрезвычайно заинтересованы въ томъ, чтобы занятіе китайской столицы совершилось безъ пролитія крови, но тѣмъ не менѣе они ни на минуту не покидали мысли объ ея занятіи. Никакая цѣль не можетъ измѣниться отъ того, что люди стремятся достигнуть ея съ наименьшими усиліями. Но, когда люди твердо рѣшили во что бы то ни стало достигнуть данной цѣли, выборъ средствъ зависитъ уже не отъ нихъ самихъ, а отъ обстоятельствъ. И именно потому, что соціалъ-демократія не въ состояніи предвидѣть всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ рабочему классу придется завоевывать свое господство, она не можетъ принципіально отказываться отъ насильственнаго способа дѣйствій. Она должна помнить старое испытанное правило. если хочешь мира — готовься къ войнѣ». (Предисл. къ Коммунист. Манифесту, стр. 48—49).

«Буржуазія,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Плехановъ,—стремилась къ диктатурѣ и находила ее необходимымъ и вполнѣ позволительнымъ средствомъ достиженія цѣли во время своей борьбы съ аристократіей. Но она стала осуждать это средство и находить его излишнимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ зашла рѣчь о диктатурѣ рабочаго класса». Поэтому лучшимъ отвѣтомъ на пламенное негодованіе буржуазіи, возмущенной борьбой пролетаріата за юридическій суверенитетъ, могутъ служить перефразированныя Плехановымъ слова Фр. Гизо, обращенныя имъ къ феодальной знати: «Выродившіеся потомки класса, нѣкогда безраздѣльно господствовавшаго надъ цивилизованнымъ міромъ и заставлявшаго трепетать королей, вы отрекаетесь отъ своихъ предковъ, отъ своей исторіи!..»

Но здѣсь встаетъ рядъ вопросовъ - возраженій, особенно часто выдвигаемыхъ противниками теорій классовой борьбы. Если соц.-демократія стремится раньше и важнѣе всего къ завоеванію самодержавія пролетаріата, то что же остается отъ самодержавія народа? Разъ принципъ самодержавія народа всегда и повсюду имѣлъ классовое значеніе и служилъ лишь орудіемъ классоваго господства, то пролетаріатъ, захвативъ политическую власть и использовавъ ее для установленія своей диктатуры, точно такъ же совершаетъ узурпацію народныхъ правъ, и на мѣсто самодержавія всего народа ставитъ самодержавіе одного класса и

поступаетъ нисколько не лучше другихъ? Что же будетъ, если воля народа разойдется съ волей соц.-демократіи, какъ представительницы рабочаго класса, и какъ, полагаетъ соц.-демократія, надо будетъ поступить въ настоящее время, если будетъ установлено, что воля большинства народа не склоняется въ пользу соц.-демократіи?

На всѣ эти вопросы, я думаю, можно отвѣтить лишь тогда, когда мы покинемъ абстрактно-внѣклассовую точку зрѣнія буржуазной демократіи, отстаивающей самодержавіе народа, какъ «абсолютный» принципъ, который имѣетъ «вѣчную» и неизмѣнную цѣнность, за который поэтому надо бороться (теоретически...) во всякомъ случаѣ, и къ какимъ бы выводамъ это насъ не приводило.—Единственно надежной путеводной звѣздой при обсужденіи значенія всякаго политическаго требованія или принципа, можетъ служить одинъ неизмѣнный критерій: насколько осуществленіе того или иного требованія или принципа усиливаетъ рабочій классъ и приближаетъ его къ завоеванію соціализма. Съ этой точки зрѣнія, борьба за демократизацію общества имѣетъ значеніе средства, усиливающаго рабочій классъ и ускоряющаго наступленіе соціализма; какъ всякое средство, оно въ той или иной политической обстановкѣ можетъ имѣть совершенно различное значеніе, и для того, кто безраздѣльно поглощенъ цѣлью, средство играетъ лишь подчиненную роль и никогда не можетъ имѣть самодовлѣющаго значенія; поэтому въ различные моменты и при различныхъ обстоятельствахъ модификаціи его могутъ быть безконечно-разнообразны, вѣрны и рѣшительны. Конечная цѣль соц.-демократіи — соціализмъ; самодержавіе народа—для настоящаго момента — является однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ къ достиженію этой цѣли; для будущаго соціалистическаго общества — оно является также средствомъ наилучшей организаціи общественнаго производства и политической жизни. Поэтому соц.-демократія рѣшительнѣе всѣхъ другихъ партій предана этому принципу, ибо онъ является не только средствомъ борьбы за соціалистическій строй, но и однимъ изъ звеньевъ той цѣпи учрежденій, которыя будутъ сковывать гражданъ будущаго соціалистическаго строя въ одинъ могучій братскій союзъ. Въ силу этого соц.-демократія принципіально всегда и неизмѣнно должна признавать и признаетъ принципъ самодержавія народа; но признаніе этого принципа двойственно: во 1-хъ, самодержавіе народа является средствомъ борьбы за соціализмъ и завоеванія истиннаго самодержавія народа; во 2-хъ, поскольку соціализмъ есть идеальная организація народовластія, на основѣ экономическаго и поли-

тическаго равенства, — самодержавіе народа является составной частью соціалистическаго идеала, т. е. цѣли соц.-демократіи. Поскольку принимается принципъ въ послѣднемъ смыслѣ, постольку соц.-демократія признаетъ и борется за него постоянно и повсюду; но поскольку онъ является, такъ сказать, средствомъ самозавоеванія, постольку пониманіе и отстаиваніе его должно быть различнымъ. Цѣль соц.-демократіи — организація такого соціально-политическаго строя, гдѣ экономическое равенство создаетъ почву для равенства политическаго, т. е., гдѣ весь народъ, единый и однородный, будетъ опредѣлять направленіе и характеръ государственной жизни—сперва націи, а потомъ — всего единаго человѣчества. Но такой строй можетъ быть завоеванъ лишь рабочимъ классомъ, когда онъ достигнетъ политическаго господства. Слѣдовательно, политическое господство рабочаго класса является предпосылкой осуществленія самодержавія народа. А разъ это такъ, онъ долженъ стремиться къ классовому господству, не взирая на борьбу и противодѣйствіе другихъ классовъ, помня, что самодержавіе народа въ современномъ обществѣ есть самодержавіе буржуазіи, между тѣмъ какъ самодержавіе пролетаріата есть самодержавіе народа.

Но осуществленіе диктатуры пролетаріата возможно лишь тогда, когда, на основѣ грандіознаго развитія производительныхъ силъ общества, огромное большинство его превратится въ пролетаріевъ или полу-пролетаріевъ—а до этого не такъ ужъ далеко, какъ увѣряютъ ревизіонисты, — слѣдовательно, думать, что воля народа разойдется съ рѣшимостью соціалъ-демократіи провести соціалистическую организацію общества,—нѣтъ никакихъ основаній, въ особенности, если принять во вниманіе, что даже самостоятельное крестьянство,—несомнѣнно страдающее отъ капиталистическаго порядка, хотя и консервативное, — не окажетъ перевороту никакого противодѣйствія, и въ худшемъ случаѣ будетъ только нейтрально.

Но если-бы это было не такъ, если-бы пролетаріатъ стремился и имѣлъ возможность успѣшно произвести соціалистическую революцію, при равнодушіи къ его идеаламъ со стороны большинства общества, если-бы симпатіи или безразличный нейтралитетъ «общей воли» были бы благопріятны скорѣе для буржуазнаго строя, чѣмъ для соціалистическаго, — каково должно быть принципіальное наше отношеніе къ такому положенію? Въ правѣ ли соц.-демократія поднять при такихъ условіяхъ знамя возстанія? Разумѣется, при такой абстрактной формѣ вопроса нѣтъ нужды особо подчеркивать его ирреальность для настоящаго момента и важность его лишь для принципіальнаго выясненія классовой позиціи соц.-демократіи; кромѣ того, говоря

о сознательномъ вмѣшательствѣ соц.-демократіи въ естественный ходъ развитія, мы имѣемъ въ виду ту дисциплину и организованность, которыя царятъ въ рядахъ соц.-демократіи, но которыя безсильны искусственно создать пролетарскую революцію или остановить ее, разъ она должна была произойти. Возможно ли вообще управлять классовыми движеніями, достигшими высшаго революціоннаго напряженія?

Если допустить здѣсь сравненіе, то пролетаріатъ подобенъ гиганту, могучіе члены котораго скованы цѣпями невыносимаго униженія и рабства. Онъ закованъ на срокъ, котораго ничто не въ силахъ увеличить. Но можно ли помѣшать ему, когда, въ избыткѣ творческихъ силъ и жажды свободы, онъ пытается сломать оковы, когда мрачные своды его темницы гремятъ и вторятъ торжествующей пѣснѣ близкаго избавленія, а въ ушахъ звенитъ невыразимая мелодія разбитыхъ и сброшенныхъ цѣпей!..

Чтобы рѣшить интересующую насъ проблему, представимъ себѣ слѣдующій случай, абстрактность котораго подчеркиваетъ значеніе его, какъ иллюстраціи, но не какъ доказательства или общепримѣнимаго разсужденія.

Вообразимъ организацію, часть членовъ которой признаетъ самую широкую свободу слова и стремится всѣми мѣрами достигнуть ея, вмѣсто существующаго порядка, при которомъ свобода слова дана только тѣмъ, кто борется противъ нея. Представимъ себѣ, что другая часть той же организаціи, при обсужденіи вопроса о средствахъ къ завоеванію свободы слова, употребляетъ всѣ усилія, чтобъ помѣшать этому обсужденію—шумитъ, произноситъ безконечныя рѣчи, поднимаетъ совершенно посторонніе вопросы,— съ единственной, хотя и скрытой, цѣлью—не допустить завоеванія свободы слова. Тѣ члены организаціи, которые ставятъ цѣлью своей свободу слова, могутъ ли они лишить ея кого-нибудь даже изъ враждебной имъ группы? Но, съ другой стороны, если они дадутъ свободу слова, безъ всякихъ ограниченій, всякому члену организаціи, — имъ никогда не добиться ея. Создается неразрѣшимо-противорѣчивое положеніе. съ одной стороны, если они признаютъ свободу слова, они не имѣютъ права отнимать ея и у враждебной имъ группы; съ другой—если они признаютъ это право за этой группой, они никогда не достигнутъ своей цѣли.

Организація замкнута въ заколдованный кругъ. Какъ изъ него выйти? Несомнѣнно, что выходъ можетъ быть только одинъ: выяснить, что признаніе свободы слова и борьба за ея осуществленіе сами въ себѣ заключаютъ *борьбу противъ всего того, что стоитъ на пути къ осуществленію этой свободы*, т. е. противъ тѣхъ, кто злоупотребляя свободой слова, препятствуетъ ея завоеванію. Тогда оппозиція или

должна будетъ выйти изъ организаціи или подчиниться ограниченію своей свободы слова.

Вообще говоря, люди, (какъ, въ нашемъ примѣрѣ, оппозиція) могутъ опираться на извѣстный принципъ и на основаніи его строить свои поступки лишь до тѣхъ поръ, пока эти поступки не направлены противъ самаго принципа, точнѣе, противъ осуществленія и проведенія въ жизнь самаго принципа.

Даже болѣе того, въ самомъ признаніи какого-нибудь принципа заключается логическая необходимость, естественно вытекающее право и даже обязанность бороться противъ всѣхъ тѣхъ, кто, подъ защитой этого принципа, стремится помѣшать его осуществленію на практикѣ. Если-бы для этого необходимо было прибѣгнуть даже къ нарушенію самого принципа, то это всегда означаетъ лишь глубокую убѣжденность въ силѣ этого принципа у его нарушителей: такимъ путемъ лишь утверждается онъ, ибо раскрывается та высшая цѣль, для которой онъ существуетъ и во имя которой онъ нарушается; болѣе всего этого, это не только не является противорѣчіемъ принципу,—напротивъ, никогда люди, борясь за принципъ, не бываютъ такъ послѣдовательны, какъ нарушая его, во имя и для охраны его самого. Но самое любопытное во всемъ этомъ положеніи это то, что мы говоримъ не о томъ, что быть должно, а о томъ, что фактически всегда бываетъ...

Вернемся къ самодержавію народа. Внимательный читатель замѣтилъ уже полную аналогію этого принципа съ приведеннымъ примѣромъ о свободѣ слова. Остановимся на этомъ вопросѣ. Представимъ себѣ, что все современное общество является единой организаціей, часть членовъ которой, напр., соц.-демократы, признаютъ и стремятся организовать самое цѣлостное и полное самодержавіе народа. Представимъ себѣ далѣе, что другіе члены этой организаціи, опираясь на тотъ же принципъ самодержавія народа, препятствуютъ осуществленію этого принципа во всей его полнотѣ и силѣ. Разъ, говорятъ они соціалъ-демократіи, вы признаете принципъ самодержавія народа, вы должны поступать въ согласіи съ мнѣніемъ большинства; большинство же не желаетъ вашего самодержавія народа и удовлетворено его современной организаціей. Слѣдовательно, вы не имѣете права навязывать свою волю большинству и насиліемъ принуждать его итти за собою.—Такимъ образомъ, большинство, опираясь на принципъ самодержавія народа, всѣми средствами мѣшаетъ воплощенію его въ жизнь.

Имѣетъ ли право соц.-демократія игнорировать ихъ мнѣнія и вести свою прежнюю борьбу за организацію истиннаго само-

державія народа? Несомнѣнно, да. Она можетъ сказать. да, мы признаемъ самодержавіе народа, но современный порядокъ не заключаетъ въ себѣ ничего похожаго на истинное самодержавіе народа, поэтому мы боремся противъ этого порядка и противъ всѣхъ, кто его защищаетъ или поддерживаетъ, т. е. и противъ васъ, противниковъ нашей идеальной организаціи самодержавія народа. Но вы, опираясь на этотъ принципъ, не имѣете на это никакого права, ибо признаете его по виду лишь за тѣмъ, чтобы отрицать на дѣлѣ, мы же напротивъ, отрицаемъ его по виду, чтобы утвердить его въ дѣйствительности [1]). Ваше право опираться на самодержавіе народа уничтожается вашимъ стремленіемъ лишить его опоры въ дѣйствительности и помѣшать его осуществленію въ жизни. Мы же, напротивъ, не только имѣемъ право бороться противъ всего, что препятствуетъ торжеству этого принципа, но и видимъ свою обязанность въ этой борьбѣ: къ этому принуждаетъ насъ самое признаніе принципа самодержавія народа.

Все премя, пока мы выясняли, что свобода слова можетъ быть отнята у того, кто въ процессѣ борьбы за ея осуществленіе пользуется ею противъ нея же, т. е. противъ проведенія въ жизнь всего содержанія этого принципа,—мы видѣли насмѣшливую улыбку на устахъ «проницательнаго читателя». И сейчасъ мы слышимъ его голосъ. Онъ говоритъ намъ: вы совершенно не замѣчаете, что изображенное вами положеніе есть не что иное, какъ борьба буржуазнаго парламента съ соціалистической обструкціей: господа изъ «высокаго дома» всѣ признаютъ свободу слова, преній, мнѣній и пр., но когда этой свободой хотятъ воспользоваться соц.-демократы, чтобы защитить пролетаріатъ отъ какого-нибудь феодально-буржуазнаго насилія,—имъ, по вашему указанію, замыкаютъ уста какимъ-нибудь невиннымъ измѣненіемъ порядка преній, какъ это было при обсужденіи Zolltarif'a. Справедливо и правомѣрно-ли было то ограниченіе времени ораторовъ, благодаря которому юнкера прорвались сквозь обструкцію и были награждены за свое насиліе ростовщическимъ закономъ о хлѣбныхъ пошлинахъ?

Вы совершенно правы, проницательный читатель, но въ томъ

---

[1]) Я не говорю ужъ о томъ. что ни одинъ классъ современнаго общества не способенъ въ такой мѣрѣ избѣгать нарушенія принциповъ демократіи, какъ пролетаріатъ. «Каждый другой классъ можетъ при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться привилегированнымъ,—съ рабочимъ классомъ это не можетъ случиться. Поэтому партія сознательнаго рабочаго класса и является надежнѣйшей опорой демократическихъ стремленій, гораздо надежнѣе, чѣмъ сама демократія.» К. Каутскій. Представит. правленіе Спб. 1905, стр 85.

то и дѣло, что всѣ классы въ своей борьбѣ съ другими пользуется не только силой, но и насиліемъ. Между тѣмъ, одинъ пролетаріатъ, въ силу непонятныхъ и невѣдомыхъ побужденій долженъ вѣчно только декламировать о своихъ правахъ, чтобы услаждать слухъ буржуазныхъ парламентаріевъ; правда, послѣдніе очень любятъ, когда имъ говорятъ чувствительныя вещи, но они совершенно не выносятъ мужественнаго и угрожающаго голоса требованій, краткихъ и основанныхъ на силѣ. Поэтому, покуда въ защиту пролетаріата говорятся «жалкія слова», буржуа готовъ на словахъ же признать и права народа, и сколько угодно свободы, но стоитъ пролетаріату разогнуть свою спину и силой требовать того, что не дается ему по праву, какъ тѣ же самые насильники, все право которыхъ неуловимо сверкаетъ на остріяхъ штыковъ, поднимаютъ оглушительный вой о грубомъ насиліи, о новыхъ вандалахъ, пришедшихъ грубой рукой разрушить ихъ царство «свободы и культуры», ихъ неповторимую и неподражаемую организацію самодержавія народа и пр., и пр. [1]).

Но соц.-демократія, стоящая на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, не можетъ смущаться этими криками настигнутаго въ своемъ убѣжищѣ лицемѣрія. она прекрасно понимаетъ, что диктатура класса можетъ лишь прикрываться самодержавіемъ народа, но ни одинъ общественный классъ, при завоеваніи для себя политической власти, никогда серьезно не считается съ желаніями большинства націи, воспитанной на идеологіяхъ стараго порядка и далеко не всей своей массой сочувствующей «особой идеѣ» класса-завоевателя. Поэтому послѣдній насиліемъ ломитъ то сопротивленіе, которое оказывается его борьбѣ за свое политическое господство и силой навязываетъ то новое міропониманіе, которое онъ съ собой несетъ; поэтому мнимо-демократическіе вопли объ узурпаціи народной воли, въ процессѣ борьбы за соціалистическій строй, не могутъ сму-

---

[1]) Особенно убивается извѣстный Теодоръ Герцка (Theodor Hertzka), котораго Людв. Бюхнеръ (Ludwig Buchner. Darwinismus und Socialismus. Stutg. 1906) назидательно рекомендуетъ, какъ «бывшаго соціалиста». Въ социалистическомъ обществѣ Герцка предвидитъ «неслыханнѣйшее принужденіе», какое когда-либо практиковалось», и видитъ въ немъ «смерть всему прогрессу и цивилизаціи!» (У L. Büchner'a. S. 40). Сочувственно цитируя Герцка, самъ Бюхнеръ въ недоумѣніи останавливается предъ «непонятнымъ (?) требованіемъ» соц.-демократіи—«полнаго продукта труда для каждаго отдѣльнаго рабочаго» (des vollen Arbeitsertrages für den einzelnen Arbeiter), и съ ужасомъ спрашиваетъ: «Что же будетъ съ вознагражденіемъ предпринимателя, фабриканта, основателя предпріятія»? «Wo das Risiko? Wo die Geschäftskrisen? Wo die Verzinsung des Kapitals?»—Не вѣрится, что этотъ человѣкъ понимаетъ, о чемъ онъ пишетъ..

тить соц.-демократіи и остановить ее въ ея исторической работѣ. Если-бы даже и было установлено, что воля большинства народовъ въ настоящій моментъ не склоняется въ сторону соц.-демократіи, это не можетъ остановить ее ни въ ея открытыхъ выступленіяхъ, ни въ вовлеченіи возможно широкихъ массъ въ эти выступленія, даже если эти массы и не были опрошены, глубоко ли онѣ понимаютъ стремленія соц.-демократіи во всѣхъ ихъ отдаленныхъ послѣдствіяхъ и сознательно ли желаютъ ихъ поддерживать и за нихъ бороться. Ни одинъ общественный классъ не производилъ такого плебисцита наканунѣ поднятой имъ революціи, и онѣ все-таки были съ успѣхомъ проведены,—а вѣдь «всѣ до сихъ поръ возникавшія движенія были движеніями меньшинства или совершались въ интересахъ меньшинства.» Между тѣмъ «движеніе пролетаріата есть самостоятельное движеніе огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства» (Коммунист. Манифестъ). Можетъ ли соц.-демократія останавливаться предъ своей задачей и ждать санкціи общей воли?

Чтобы представить себѣ, насколько ложна точка зрѣнія, требующая для всякаго общественнаго движенія или даже только для революціоннаго, санкціи общей воли, — достаточно только спросить себя, на сколько лѣтъ задержался бы процессъ развитія человѣчества, если-бы для всѣхъ, безъ исключенія, общественныхъ выступленій требовалась бы эта санкція, если-бы для созданія и существованія всѣхъ государственныхъ учрежденій и для каждаго акта со стороны этихъ учрежденій, требовалась бы санкція общей воли, т. е. большинства общества. Реакціонеры, напр., говорятъ, что стачки, забастовки учащихся, сооруженіе баррикадъ производятся безъ всякой санкціи общей воли не только большинства общества, но иногда даже безъ добровольнаго сознательнаго согласія большинства самихъ участвующихъ въ этихъ выступленіяхъ. Разумѣется, это ложь, но допустимъ, что это такъ. Пойдемъ даже далѣе и скажемъ, что нѣкоторыя учрежденія, противъ которыхъ возстаетъ наиболѣе свободолюбивая и прогрессивная часть общества, хотя она и въ меньшинствѣ, могутъ создаваться и существовать, благодаря прямой поддержкѣ и непосредственной санкціи общей воли, какъ, напр., всеобщее голосованіе дало Наполеону III французскій престолъ, большинство французскаго народа съ энтузіазмомъ шло за Наполеономъ I и не имѣло ни желанія, ни импульсовъ отнять у него власть; а Каутскій даже приводитъ факты, доказывающіе, что самыя прогрессивныя рѣшенія парламента, если-бы они были отданы на всеобщее голосованіе, могли бы быть отвергнуты. Такъ, напр., когда Союзное Собраніе (швейцарскій парламентъ), выработало проектъ конституціи съ референдумомъ и иниціативой, всенародное голосованіе высказалось п р о т и въ него, а

потомъ, когда инициатива была исключена, народъ громаднымъ большинствомъ принялъ его. Такимъ образомъ, заключаетъ Каутскій, «члены парламента оказались болѣе демократичными, чѣмъ народъ». Консерваторы, по сообщенію Деплуажа, «охотнѣе всѣхъ прибѣгаютъ къ референдуму, какъ средству замедлить прогрессъ законодательства»; этимъ и объясняется тотъ фактъ, что за референдумъ въ Швейцаріи рѣшительнѣе всего высказались консервативные католическіе кантоны, а радикальные дали наименьшее число подписей. Приводя эти данныя, Каутскій въ нихъ находитъ объясненіе той страстной борьбы, которую вели монтаньяры 1793 г. противъ референдума, какъ контръ-революціонной мѣры [1]).

Все это можно признать совершенно справедливымъ, но это доказываетъ не ложность принципа самодержавія народа, а то лишь, что покуда, при анализѣ этого принципа, мы будемъ стоять на внѣклассовой точкѣ зрѣнія буржуазной демократіи, мы никогда не сумѣемъ оцѣнить значенія этого принципа для борьбы рабочаго класса за соціализмъ. Нельзя ни на минуту забывать, что въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ самодержавіе народа есть принципъ, въ такой же мѣрѣ отвѣчающій интересамъ буржуазнаго господства, какъ вся современная демократія, что поэтому глубокой ошибкой было бы, опираясь на этотъ принципъ и давая ему внѣклассовый смыслъ, строить на немъ защиту интересовъ обездоленныхъ классовъ. Это—точка зрѣнія буржуазной демократіи, и отъ нея необходимо освободиться разъ навсегда. Тогда намъ будетъ ясно, что и революціи съ баррикадами и оба Наполеона имѣютъ смыслъ не какъ результатъ о б щ е й воли, а лишь какъ борьба и защита извѣстныхъ классовыхъ интересовъ, что къ санкціи о б щ е й воли извѣстный классъ обращается лишь тогда, когда онъ увѣренъ, что она будетъ опорой его собственной, к л а с с о в о й в о л и, защититъ его и выскажется за его диктатуру. Поэтому единственнымъ критеріемъ при опредѣленіи того, насколько данное движеніе признаетъ или игнорируетъ принципъ самодержавія народа, можетъ служить не готовность вождей движенія всегда и всюду руководиться неопредѣленной и внутренне-противорѣчивой въ настоящее время волей большинства націи, но твердое и рѣшительное с л ѣ д о в а н і е в о л ѣ б о л ь ш и н с т в а т о г о к л а с с а, к о т о р ы й п о с в о е м у о б ъ е к т и в н о м у з н а ч е н і ю н е м и н у е м о и н е о т в р а т и м о д о л ж е н ъ о с у щ е с т в и т ь с а м о д е р ж а в і е н а р о д а. Поэтому, поскольку воля другихъ классовъ враждебна стремленіямъ этого класса, постольку онъ можетъ и долженъ итти вопреки ей, по тому

[1]) К а у т с к і й. Представительное правленіе. Стр. 87—88.

направленію, гдѣ не будетъ ни искаженій, ни ограниченій общей воли, гдѣ каждый гражданинъ сознательно и послѣдовательно будетъ пользоваться рѣшающимъ голосомъ при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ государственной жизни, гдѣ, слѣдовательно, не будетъ классовыхъ преимуществъ, гдѣ, наконецъ, на основѣ экономическаго равенства осуществится политическое равенство всѣхъ группъ и слоевъ націи,—а вѣдь это и есть соціализмъ, результатъ и логическій выводъ изъ классовой диктатуры пролетаріата. Вообще, диктатура пролетаріата доставляетъ много тревоги буржуазнымъ теоретикамъ и, смотря по темпераменту, вызываетъ въ нихъ то бурное негодованіе, то меланхолическія жалобы. Такъ, уже цитированный нами Л. Бюхнеръ возмущенно упрекаетъ соц.-демократовъ въ томъ, что они много говорятъ о классовомъ государствѣ, а между тѣмъ «сами далеко заходятъ въ своемъ стремленіи къ классовому господству и возвышаютъ промышленнаго и (?) фабричнаго рабочаго на степень привилегированнаго общественнаго класса (zu einer bevorzugten Gesellschaftsklasse), которому должны быть въ большей или меньшей мѣрѣ порабощены всѣ силы государства» (L. Buchner. Darvinsmus und Socialismus. Stutg 1905. S. 42). «Поистинѣ трагикомично, — вздыхаетъ Бакгаузъ, съ симпатіей цитируемый Бюхнеромъ,—желаніе сдѣлать пролетаріатъ господствующимъ классомъ» со стороны тѣхъ, которымъ ненавистно классовое господство. «Развѣ это не неразрѣшимое противорѣчіе — желать сконцентрировать въ пролетаріатѣ высшую политическую власть и объединить въ его рукахъ всѣ орудія производства? Какъ будто,—жалуется онъ далѣе,—многіе другіе элементы буржуазнаго общества... просто отсутствуютъ (als ob (sie) einfach nicht da wären) или ... ихъ можно разсматривать, какъ элементы безвольные, безчувственные, безголовые, заживо умершіе» (lebendig tot). S. 42-3. — Точно предвидя эти ламентаціи и обвиненія, Марксъ уже болѣе полувѣка тому назадъ ставилъ и отвѣчалъ на эти вопросы: «Наличность класса угнетеннаго,—говоритъ онъ въ «Нищетѣ философіи»,—есть жизненное условіе общества, покоющагося на классовой противоположности; слѣдовательно, освобожденіе угнетеннаго класса необходимо сводится къ созданію нѣкотораго новаго общества... Значитъ ли это, что послѣ паденія стараго общества установится будто-бы новое классовое господство, которое завершится новой формой политическаго владычества?—Нисколько. Освобожденіе рабочаго класса обусловливается упраздненіемъ классовъ, подобно тому, какъ освобожденіе третьяго сословія и установленіе буржуазнаго режима обусловливалось упраздненіемъ сословій». (К. Марксъ. Нищета философіи. Спб. 1905, стр. 167-8.)

Такимъ образомъ, соц.-демократія, отстаивая принципъ

самодержавія народа и не видя никакихъ средствъ организовать его въ рамкахъ современнаго буржуазнаго строя, тѣмъ самымъ, что стремится создать диктатуру пролетаріата, она и создаетъ единственную возможность и почву осуществленія самодержавія народа; поэтому тѣ частичныя отступленія отъ этого принципа, которыя она, можетъ быть, принуждена сдѣлать, могутъ быть сдѣланы единственно и исключительно въ интересахъ наиболѣе цѣлостнаго и рѣшительнаго проведенія самого принципа, и это-то создаетъ то глубоко-значительное положеніе, что соц.-демократія именно тогда особенно рѣшительно борется за этотъ принципъ, когда отказывается отъ него; именно тогда утверждаетъ его въ полную силу его значенія, когда отрицаетъ его значеніе и осуществимость въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Лишь въ обществѣ, не разрываемомъ классовой борьбой и классовымъ господствомъ, можетъ найти мѣсто самодержавіе народа, народа, какъ однороднаго и единаго цѣлаго, юридически и фактически равноцѣннаго во всѣхъ своихъ частяхъ и равномочнаго во всѣхъ вопросахъ государственной жизни. Но этотъ идеалъ можетъ осуществиться лишь тогда, когда современная классовая борьба закончится побѣдой и диктатурой того класса, который ведетъ классовую борьбу противъ самой классовой борьбы, который стремится уничтожить источникъ и причину классовой борьбы—раздѣленіе общества на классы. Поэтому, въ то время, какъ диктатура другихъ классовъ есть отрицаніе самодержавія народа и организація самодержавія господствующихъ классовъ, диктатура пролетаріата есть отрицаніе всякаго классоваго самодержавія и организація самодержавія народа.

Общія замѣчанія.

Наша работа окончена... Основной ея задачей было дать марксистскую конструкцію суверенитета, т. е. раскрыть законы расширенія и сжатія могучихъ щупальцевъ того Левіаѳана, въ желѣзныхъ объятіяхъ котораго бьется современное общество. Мы стремились установить условія и формы зависимости государственно-правовой структуры общества отъ экономической его организаціи, и мы видѣли, что государство данной страны должно являться соотвѣственно-модифицированной копіей ея экономики. Такимъ образомъ, государство, будучи подвергнуто анализу, какъ орудіе классоваго гнета, не могло быть изображено въ томъ мягкомъ, ласкающемъ свѣтѣ, который такъ любятъ буржуазные государствовѣды.

Но ошибочно думать, что таково наше отношеніе къ государственному принципу и въ томъ случаѣ, когда подъ государствомъ—ошибочно или правильно—разумѣютъ органъ регулировки соціально-экономическихъ отношеній, ихъ упорядоченія и конвенціонально-безразличной въ классовомъ отношеніи организаціи, т. е. прежде всего ту государственную форму, которая установится въ моментъ, непосредственно-слѣдующій за переходомъ юридическаго суверенитета къ пролетаріату. «Каждое государство,—говоритъ Л. Гумпловичъ,—является совокупностью учрежденій, имѣющихъ цѣлью господство однихъ надъ другими, и именно меньшинства надъ большинствомъ. Поэтому, государство есть организація господства меньшинства надъ большинствомъ. Это единственно-правильное и самое общее опредѣленіе, соотвѣтствующее каждому и объемлющее всѣ государства» [1]). Мы не станемъ углубляться въ анализъ этого опредѣленія государства: замѣтимъ лишь, что, - подобно Іерингговому «соціальному принужденію», фигурирующему въ качествѣ существеннаго признака государства,—понятіе «господство» должно быть также признано, хотя и болѣе точнымъ, но ни въ какомъ случаѣ не достаточно опредѣленнымъ терминомъ для обозначенія той роли класса въ общественномъ производствѣ, которая даетъ ему политическую власть, и намъ думается, что только понятіе эко-

---

[1]) Людв. Гумпловичъ Основанія соціологіи. Спб. 1899; стр. 182. Курсивъ подлинника.

номическаго суверенитета, опредѣляющее собою понятіе господства и входящее въ это понятіе, является безусловно-необходимымъ и совершенно достаточнымъ для опредѣленія истинной природы юридическаго суверенитета и покоющагося на немъ государственнаго властвованія. Но, помимо того, что термины «господство», «власть», «фактическая сила», «соціальное принужденіе» и пр., въ качествѣ опредѣленій существа государства, должны быть признаны безусловно-превзойденной ступенью научнаго мышленія,—опредѣленіе Л. Гумпловича совершенно непримѣнимо къ соціалистическому государству, созданному въ ближайшій моментъ послѣ паденія буржуазнаго государства: говорить здѣсь о «господствѣ меньшинства надъ большинствомъ»—нѣтъ никакихъ ни историческихъ ни логическихъ основаній, ибо, къ моменту захвата власти пролетаріатомъ, большинство общества будетъ пролетаризировано, а пролетарское государство, по самому духу своему, можетъ быть только отрицаніемъ классоваго господства, а не его организаціей и утвержденіемъ.

Между тѣмъ, болѣе сложное и богатое содержаніемъ понятіе экономическаго суверенитета, положенное въ основу понятія государственнаго властвованія, одновременно и объясняетъ существо государственной власти и рѣзко оттѣняетъ теоретическое различіе во взглядахъ на государство марксизма и анархизма. Если марксисты не могутъ съ сочувствіемъ внимать тѣмъ гимнамъ государству, которыхъ полна извѣстная рѣчь Лассаля, то они также не могутъ и не хотятъ отрицать ни соціально-экономической мощи и морально-правовой мощи государства, ни тѣхъ необъятныхъ задачъ, которыя по плечу государству, и только ему одному. Вотъ отчего марксизмъ, конструируя свое отрицательное отношеніе къ классовому государству, ни на мгновеніе не отрицаетъ ни роли государственнаго механизма въ моментъ, непосредственно слѣдующій за захватомъ юридическаго суверенитета пролетаріатомъ, ни, даже на будущее время, такой общественной организаціи, которая, нося то или иное имя, явится мощной, концентрирующей ассоціаціей равноправныхъ работниковъ.

Справедливо указывалось на роль государства, какъ создателя кодекса новыхъ отношеній, которыя должны возникнуть между людьми непосредственно послѣ паденія современнаго классоваго государства [1]). Помимо этого экономическая роль государства на первыхъ порахъ существованія соціалистическаго общества должна возрасти до огромныхъ размѣровъ, какъ это всегда бываетъ послѣ паденія старой государственной системы

---

[1]) А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. М. 1905. Стр. 10-15.

и того соціально-экономическаго строя, который служилъ ей поддержкой. А затѣмъ, невозможно сомнѣваться, хотя на это не обращалось должнаго вниманія, что установленіе соціалистическаго строя въ одной какой-нибудь странѣ должно будетъ вызвать среди правительствъ стараго порядка въ другихъ странахъ крайнюю тревогу за грядущія послѣдствія этого огромнаго факта, что этотъ фактъ вызоветъ лихорадочно-поспѣшную мобилизацію всѣхъ реакціонныхъ силъ стараго порядка для борьбы противъ новой государственной организаціи, и что новое соціалистическое государство принуждено будетъ готовиться къ оборонительной борьбѣ противъ могущественной коалиціи интересовъ всѣхъ буржуазныхъ государствъ, еще не развившихся до соціалистическаго строя. Трудно сказать, найдутъ ли эти буржуазныя государства такую же послушную армію, какую удалось организовать феодально-монархической Европѣ 1793 г. противъ буржуазнаго государства Франціи тѣ данныя, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, скорѣе заставляютъ думать обратное, ибо современное развитіе соціализма и его широкое проникновеніе въ армію уже въ настоящее время (Бельгія) превращаютъ армію въ очень ненадежное оружіе для анти-соціалистическихъ военныхъ дѣйствій. Но что соціалистическое общество должно будетъ прежде всего вооружиться для возможной борьбы,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и намъ вообще представляется неправильной мысль о томъ, что классъ, борющійся за юридическій суверенитетъ, можетъ овладѣть имъ навсегда послѣ первой, даже вполнѣ удачной революціи.

Исторія борьбы буржуазіи за суверенитетъ показываетъ, что классъ можетъ многократно и съ возрастающей силой бросаться на штурмъ для захвата суверенитета, можетъ даже на время овладѣть имъ, но это все еще не значитъ, что суверенитетъ въ рукахъ его неотъемлемъ. Буржуазія въ 1649 году въ Англіи овладѣла суверенитетомъ, она господствовала надъ Англіей, она уничтожила палату лордовъ и казнила народъ, въ ея распоряженіи была демократически-настроенная армія,—и, однако, юридическій суверенитетъ достался ей безповоротно только въ 1832 году. Французская буржуазія боролась съ королевской властью и феодализмомъ съ XIII вѣка, т. е. 5 вѣковъ до 1789 года, а реставрація Бурбоновъ показала, что юридическій суверенитетъ еще далеко не безвозвратно отнятъ у феодальной монархіи.

Всѣ эти данныя, по отношенію къ борьбѣ пролетаріата за суверенитетъ, имѣютъ только то значеніе, что они заставляютъ мыслить о захватѣ политической власти пролетаріатомъ не въ видѣ единственнаго генеральнаго штурма, неудача котораго еще глубже будто-бы ввергнетъ пролетаріатъ въ «нищету, угнетеніе, рабство, вырожденіе и эксплоатацію», и не въ видѣ медленнаго,

лояльнаго процесса внѣдренія его представителей въ органы современной политической власти, причемъ успѣшность этого процесса внѣдренія сама по себѣ создастъ переходъ государственной власти къ пролетаріату: говоря о борьбѣ пролетаріата за суверенитетъ, необходимо представлять себѣ рядъ завоевательныхъ движеній, грандіозные размѣры и стремительность которыхъ неуклонно возрастаютъ, но за которыми безусловно обезпеченъ лишь конечный исходъ. Что касается всѣхъ другихъ слѣдствій, какія могутъ быть выведены изъ этой аналогіи, то они должны быть не только осторожно взвѣшены, во избѣжаніе реакціонныхъ выводовъ, но и кореннымъ образомъ модифицированы, въ соотвѣтствіи съ цѣлымъ рядомъ радикально измѣнившихся условій соціальной борьбы и соціальнаго развитія современнаго общества, сравнительно съ тѣми условіями, при которыхъ буржуазія боролась за власть. Кромѣ того факта, что пролетаріатъ въ одной Франціи уже совершилъ два героическихъ нападенія на государственную власть (іюнь 1848 года, Коммуна 1871 года) и одинъ разъ даже пользовался ею (1871), необходимо имѣть въ виду, что темпъ развитія современнаго общества безконечно стремительнѣе, чѣмъ онъ былъ въ XVII—XVIII вѣкахъ; слѣдовательно, экономическій ростъ пролетаріата идетъ съ гораздо большей силой и быстротой, чѣмъ ростъ буржуазіи; кромѣ того, пролетарскія революціи увлекаютъ подъ свои знамена огромное дѣйствительно-заинтересованное, какъ самостоятельный классъ, большинство общества, а обостряющіяся противорѣчія этого общества становятся невыносимыми для все большей массы народа. Вотъ условія, ускоряющія и развертывающія на все большую площадь борьбу пролетаріата за власть надъ современнымъ государствомъ, и эти же условія раскрываютъ предъ рабочимъ классомъ всю огромную силу государственной организаціи, не только отрицательную, поскольку ею пользуется для организаціи классоваго гнета буржуазія, но и положительную, поскольку захватъ ея пролетаріатомъ уничтожитъ въ корнѣ всякое классовое господство.

Безвозвратно умчались времена, когда великіе утописты—соціалисты обращались съ надеждой и мольбой къ современному государству, когда они пламенемъ своей вѣры и огнемъ своихъ мечтаній пытались согрѣть и оживить эту холодную мраморную статую и вдохнуть въ нее жаръ и трепетъ мечтательной души энтузіастовъ и пророковъ, когда Фурье взывалъ къ милліонерамъ и банкирамъ, а Сенъ-Симонъ умолялъ и убѣждалъ монарховъ. Мы знаемъ, что холодный мраморъ не отвѣчалъ на эти мольбы, что исторія роста и развитія современнаго государства написана кровью разбитыхъ вѣрованій и осмѣянныхъ мечтаній лучшихъ друзей человѣчества, что благороднѣйшіе по-

рывы этихъ великихъ мечтателей не могли защитить обездоленные классы отъ тиранiи и насилiй государственной власти... Вотъ отчего научный соцiализмъ не ждетъ ничего отъ современнаго государства, но онъ страстно вѣритъ и твердо знаетъ, что настанетъ часъ, когда этотъ зачарованный мраморъ, согрѣтый солнцемъ всеобщаго равенства и свободы, оживетъ, и въ творческомъ порывѣ вдохновенiя и кипучей радости сольется съ единымъ, нераздѣльнымъ и властнымъ народомъ въ великой и мощной бурѣ призыва: «Да здравствуетъ самодержавiе народа!»